

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. А. БУНИНА»

ИСТОРИЯ: ФАКТЫ И СИМВОЛЫ

*Рецензируемый научно-теоретический
и прикладной журнал*

№ 1 (30) / Елец, 2022

DOI: 10.24888/2410-4205-2022-30-1
<https://hisfas.elpub.ru>

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59752 от 7 ноября 2014).

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ляпин Д. А. (доктор исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Глазьев В. Н. (доктор исторических наук, профессор, ВГУ, Воронеж)

Елистратов В. С. (доктор культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Канищев В. В. (доктор исторических наук, профессор, ТГУ им. Г. Р. Державина, Тамбов)

Крючков И. В. (доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений СКФУ, Ставрополь)

Литвинов В. П. (доктор исторических наук, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

Оришев А. Б. (доктор исторических наук, профессор, РГАУ – МСА им. К. А. Тимирязева, Москва)

Петрухинцев Н. Н. (доктор исторических наук, профессор, РАНХиГС, Москва)

Сень Д. В. (доктор исторических наук, профессор, Южный Федеральный университет), Ростов-на-Дону)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Горбачев В. И. (кандидат исторических наук, докторант университета королевы Виктории, Веллингтон, Новая Зеландия)

Горчыца Я. К. (сотрудник Познаньского университета им. Адама Мицкевича, зав. отделом археологии Конинского окружного музея, Познань, Польша)

Жиров Н. А. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец) – зам. главного редактора

Клевцова О. В. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

Колотари А. (Доктор философии (Dr. habil.), доцент педагогического факультета Капошварского университета, Капошвар, Венгрия)

Ливцов В. А. (доктор исторических наук, профессор, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орел)

Лоевская М. М. (доктор культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Обломский А. М. (доктор исторических наук, профессор Института археологии РАН, Москва)

Овчинникова Ю. С. (кандидат культурологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Ряполов В. В. (кандидат исторических наук, доцент, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

Серазетдинов Б. У. (кандидат исторических наук, доцент, Центр военной истории Института российской истории РАН, Москва)

Тропин Н. А. (доктор исторических наук, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина, Елец)

Филонов В. И. (доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и международных отношений, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орел)

Чубур А. А. (кандидат исторических наук, доцент БГУ им. И. Г. Петровского, Брянск)

Шапиро Б. Л. (кандидат исторических наук, доцент РГГУ, Москва)

СОДЕРЖАНИЕ**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Балькина М. И. (Нижний Новгород)	НЕДОРΟΣЛЬ В ПРОСТРАНСТВЕ.....	7
Демчик Е. В., Гряникова Г. А. (Барнаул)	БЫТОВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В ГОРОДАХ И СЁЛАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (1960–1980-Е ГГ.): НЕРАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ	15
Ильин А. Ю., Канищев В. В., Кунавин К. С. (Тамбов)	КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР.....	23
Кривцов А. А., Лихачёв С. В. (Липецк)	ПОРТРЕТ ДЕПУТАТСКОГО КОРПУСА МЕСТНЫХ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД 1990-Х ГГ. НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ.....	32
Попова О. Д.	БОРЬБА ЗА ОБЩЕПИТ: РОЛЬ СИСТЕМЫ ПРОПАГАНДЫ В СОЗДАНИИ НОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ.....	42

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Горлов М. И., Коваленко П. Ю., Комаров В. П. (Москва)	ПОЛИТИКА «КОНТРЕФОРМ» АЛЕКСАНДРА III В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ДЛЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ	54
Мауль В. Я. (Нижевартовск)	« ... ПРИСЛАНА ИИСУСОМ ХРИСТОМ» (КУЛЬТУРНЫЙ КАЗУС 1875 ГОДА В ЧИГИРИНСКОМ УЕЗДЕ).....	61
Полухин О. В. (Орел)	ЛИВЕНСКИЙ УЕЗД В ПЕРИОД ГУБЕРНСКИХ РЕФОРМ XVIII ВЕКА.....	73

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Каримов О. В., Пумпянская О. В. (Москва)	РЕПРЕССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ АППАРАТЕ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ В КОНТЕКСТЕ РЕПРЕССИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СССР (1919–1940 ГГ.).....	82
Лузгина М. И. (Рязань)	КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	93
Оришев А. Б., Тарасенко В. Н. (Москва)	ГЕРМАНСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ И ПРОБЛЕМА КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1941 Г.....	101

Серазетдинов Б. У. (Москва)	ПРЕДСЕДАТЕЛИ КОЛХОЗОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: КАДРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ПРОФЕССИОНАЛИЗМ, УПРАВЛЕНИЕ	110
--------------------------------	--	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Лапшина З. С. (Комсомольск-на-Амуре)	ПЕТРОГЛИФЫ СИКАЧИ-АЛЯНА – МАЛЫШЕВО (НИЖНЕЕ ПРИАМУРЬЕ). ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОГО СЮЖЕТА.....	115
---	---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Меншиков В. В., Федоров С. Г. (Курган)	РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В. Б. БЕЗГИНА «МУЖИЦКАЯ ПРАВДА. ОБЫЧНОЕ ПРАВО И СУД РОССИЙСКИХ КРЕСТЬЯН».....	121
--	--	-----

Щукин Д. В. (Елец)	ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН»: ПРАКТИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ. К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР.....	125
-----------------------	--	-----

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	131
------------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	133
-------------------------------------	-----

CONTENT**HISTORY OF EVERYDAY**

Balykina M. I. (Nizhny Novgorod)	UNDERGROWTH IN SPACE.....	7
Demchik E. V., Gryanikova G. A. (Barnaul)	HOUSEHOLD SERVICES IN CITIES AND VILLAGES ALTAI KRAI (in 1960–1980s): INEQUALITY OF OPPORTUNITIES.....	15
Ilyin A. Yu., Kanishchev V. V., Kunavin K. S. (Tambov)	PUBLIC SERVICES OF RURAL SETTLEMENTS OF THE CENTRAL BLACK EARTH AS A DEMOGRAPHIC FACTOR.....	23
Krivtsov A. A., Likhachev S. V. (Lipetsk)	PORTRAIT OF THE DEPUTY CORPORATION OF LOCAL GOVERNMENT BODIES OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN THE INITIAL PERIOD OF THE 1990S. BASED ON ARCHIVAL MATERIALS.....	32
Popova O. D. (Ryazan)	FIGHT FOR PUBLIC CATERING: THE ROLE OF THE PROPAGANDA SYSTEM IN CREATING A NEW WAY OF LIFE DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLAN.....	42

TOPICAL QUESTIONS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

Gorlov M. I., Kovalenko P. Yu., Komarov V. P. (Moscow)	THE POLICY OF "COUNTER-REFORMS" OF ALEXANDER III IN MODERN TEXTBOOKS OF NATIONAL HISTORY FOR HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS.....	54
Maul V. Ya. (Nizhnevartovsk)	"... SENT BY JESUS CHRIST" (CULTURAL INCIDENT OF 1875 IN THE CHIGIRINSKY DISTRICT).....	61
Polukhin O. V. (Orel)	THE LIVNY DISTRICT IN THE PERIOD OF PROVINCE REFORMS OF THE 18TH CENTURY.....	73

THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON

Karimov O. V., Pumpyanskaya O. V. (Moscow)	REPRESSIONS IN THE CENTRAL APPARATUS OF MILITARY INTELLIGENCE IN THE CONTEXT OF REPRESSIVE MEASURES IN THE ARMED FORCES OF THE USSR (1919–1940)	82
Luzgina M. I. (Ryazan)	STAFFING OF JUDICIAL AUTHORITIES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.....	93
Orishev A. B., Tarasenko V. N. (Moscow)	THE GERMAN OCCUPATION REGIME ON THE TERRITORY OF SOVIET UKRAINE AND THE PROBLEM OF COLLABORATION IN THE SUMMER-FALL OF 1941.....	101

Serazetdinov B.U. (Moscow)	PUBLIC SERVICES OF RURAL SETTLEMENTS OF THE CENTRAL BLACK EARTH AS A DEMOGRAPHIC FACTOR.....	110
-------------------------------	--	-----

CULTUROLOGY AND ART

Lapshina Z. S. (Komsomolsk-on-Amur)	PETROGLYPHS OF SIKACHI-ALYAN – MALYSHEVO (LOWER AMUR REGION). THE EXPERIENCE OF INTERPRETATION OF THE SYMBOLIC CONTENT OF THE MYTHOLOGICAL PLOT.....	115
--	--	-----

SCIENTIFIC LIFE

Menshchikov V. V., Fedorov S. G. (Kurgan)	REVIEW OF THE MONOGRAPH V. B. BEZGIN “MUCHKAYA TRUTH. COMMON LAW AND THE COURT OF THE RUSSIAN PEASANTS”.....	121
Schukin D. V. (Yelets)	RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE "THE UNION OF SOVIET SOCIALIST REPUBLICS AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON": THE PRACTICE OF SCIENTIFIC LIFE ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE USSR.....	125
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS		131
INFORMATION FOR AUTHORS.....		133

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Балыкина М. И.
(Нижний Новгород)

УДК 94(47).05

НЕДОРОСЛЬ В ПРОСТРАНСТВЕ

Актуальность темы определяется тем, что именно пространственная мобильность, пока недостаточно изученная сторона жизни народа, помогает существенно глубже понять социальные и экономические процессы, происходившие в государстве. Начало XVIII века в этом отношении – особенно важный период: реформы Петра I затронули все социальные и возрастные категории населения, перемещение людей по государственным и по личным причинам приобрело, как никогда ранее, массовый характер. В данной статье впервые в качестве источника по детской пространственной мобильности рассматриваются сказки (записи опросов) дворянских недорослей, проходивших смотр в Нижнем Новгороде в 1723-1725 гг. Используя в ходе исследования сравнительно-исторический метод, автор приходит к следующим выводам: около 25% недорослей, прибывших на смотр, уже имели до этого опыт передвижения на значительные расстояния – от Архангельска на севере до Астрахани на юге страны; чаще всего этот опыт имел причиной смерть отца, когда ребенок, подросток переезжал жить к родственникам; в отдельных случаях переезды были связаны с желанием отца отдать сына в обучение к успешному в карьерном плане родственнику. Передвижения некоторой части детей были вынужденными, так как после смерти родителей они не были взяты родственниками и вынуждены были скитаться по стране. Такие дети часто в итоге оказывались в монастырях, что позволяло им выжить и затем поступить на воинскую службу.

Ключевые слова: недоросль, смотр, пространственная мобильность, начало XVIII века, петровское время.

The topicality of the theme lies in the fact that the spatial mobility, which has not yet been sufficiently studied, helps to understand the social and economic processes taking place in the state. The beginning of the 18th century was an important period: the reforms of Peter I affected all social and age categories of the population. The movement of people for state and personal reasons acquired, as never before, a massive character. We consider records of surveys (skazki) of noble levies who were examined in Nizhny Novgorod in 1723–1725 as a source on children's spatial mobility. The author used the comparative-historical method of the research and comes to the following conclusions: about 25% of the levies who arrived for the inspection had already had the experience of moving long distances - from Arkhangelsk in the north to Astrakhan in the south of the country; most often this experience was caused by the death of the father, when a child, a teenager moved to live to relatives; in some cases, the relocations were associated with the desire of the father to send his son to study to a relative who was successful in his career. Some children were forced to move because after the death of their parents they were not taken by their relatives and were forced to wander around the country. Those children often came in monasteries, which allowed them to survive and then enter the military service.

Keywords: levies, muster, spatial mobility, early 18th century, Peter's time.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-7-14

Пространственная мобильность населения в разные периоды истории России в последнее время вызывает все больший интерес у исследователей. Актуальность темы определяется тем, что именно данная, пока недостаточно изученная, сторона жизни народа помогает существенно глубже понять социальные и экономические процессы, происходившие в государстве. Начало XVIII века в этом отношении – особенно важный период: реформы Петра I затронули все социальные и возрастные категории населения, страна бурлила, перемещение людей по государственным и по личным причинам приобрело, как никогда ранее, массовый характер.

Работ, существенно затрагивающих вопросы географической мобильности в России петровского времени, не так много. Среди наиболее значимых исследований можно назвать монографии Я. Е. Водарского [3], В. М. Кабузана [11], Б. Н. Миронова [13], посвященные населению России в изучаемый период. Некоторые общие положения методического характера можно почерпнуть из коллективной монографии ученых-географов «Между домом и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России» [12], посвященной изучению современных процессов. Наиболее близки к теме данной статьи работы Р. Е. Азизбаевой, А. В. Захарова и А. А. Фролова, посвященные смотру дворянства 1721-1723 гг. и принципам создания информационной системы пространственной мобильности шляхетства в первой четверти XVIII века [1; 8; 9; 10]. Следует отметить, что указанные авторы используют тот же вид источников, который является основным и для нашей работы – дворянские сказки воинского смотра. Авторы рассматривают географическую мобильность шляхетства во время службы и после отставки. Вместе с тем, интересно посмотреть какова была географическая мобильность недорослей до начала службы, так как этот аспект изучения темы может более полно показать, как перемещались люди, еще не попавшие на службу и, следовательно, под почти тотальный государственный контроль петровского времени. Отдельно следует отметить почти полное отсутствие в научной литературе данных о детской мобильности в это время. Понятно, что активные преобразования, происходившие в стране опосредованно, через взрослых, отзывались и на детей. Каким образом это происходило, каковы были судьбы недорослей, оказавшихся без попечения взрослых, как они опять попадали в сферу влияния государства, какой опыт приобретали, вот те вопросы, на которые будет сделана попытка дать ответы в данном исследовании.

В статье использованы сказки (записи опросов) дворянских недорослей, проходивших смотр в Нижнем Новгороде в 1723-1725 гг. в губернской «канцелярии свидетельства мужеска полу душ и расположения полков» [16, л. 1]. Этот процесс был фактически продолжением смотра 1721-1723 гг., проводившегося в Москве. Роль этого начального этапа поступления на службу в жизни недорослей была очень велика и не исчерпывалась собственно служебными причинами. Исследователи отмечают, что чаще всего подростки впервые попадали в Москву или в губернский город, знакомились со своими сверстниками, получали общее представление о своем месте в социальной иерархии [21, с. 64]. Изучение этого ценного комплекса документов было начато автором ранее с изучения особенностей самой процедуры смотра. Таким образом, данная статья является логическим продолжением и дальнейшим развитием ранее обозначенной темы – изучения особенностей начала воинской службы провинциального дворянства в петровское время [2].

Поездка недорослей на смотр в Нижний Новгород, несомненно, для большинства из них была важным событием. Что мог увидеть недоросль во время поездки и самого смотра, какой опыт приобретал? Чтобы прибыть в Нижний Новгород из дальних местностей Арзамасского, Алатырского, Курмышского уездов зачастую требовалось не одни сутки провести в дороге, так как среднестатистическая скорость передвижения в XVIII веке составляла 5 км/ч [20, с. 603]. Неустроенность дорог, опасность нападения разбойников делали такую поездку целым приключением в жизни молодого человека. Ближе всех жили те недоросли, у которых поместья или места проживания отцов находились в Нижегородском уезде.

Прибыв в Нижний Новгород самостоятельно или в сопровождении взрослого члена семьи, недоросль направлялся в губернскую канцелярию. Она располагалась в самом центре города – в величественном каменном кремле, построенном по образцам итальянских крепостей в начале XVI в. В описываемый период времени на территории кремля и всего города видны были следы крупнейшего за всю историю Нижнего Новгорода пожара, произошедшего летом 1715 г. Внутри кремля сгорело более 300 построек разного назначения, в том числе выгорел храм Михаила Архангела, несколько монастырей и церквей, дом губернатора, губернская канцелярия, жилые дома. Кроме кремля пострадала еще половина города: выгорели практически все постройки на 3 версты от кремля вверх по р. Оке [5, с. 97]. Жители торопились восстановить деревянные жилые дома. Восстановление же каменных построек города шло медленно, так как каменных дел мастера были отправлены на строительство Санкт-Петербурга. Исходя из имеющихся данных о количестве служащих всех канцелярий Нижегородской губернии на 1721 год, а их насчитывалось 215 человек [15, л. 24-70об.], можно предполагать, что губернская канцелярия на момент смотра располагалась в большом деревянном строении. Возможно, что таких строений было не одно, так как, например, одних только подъячих в губернской канцелярии насчитывалось 79 человек, сторожей – 4 человека. Все канцелярии обслуживали 52 пристава и рассыльщика [15, л. 24-70об.]. Процедура смотра занимала зачастую не один день, так как в случае объявленной болезни недоросль с сопроводительной запиской направлялся на освидетельствование к лекарю Питеру Маку, а затем повторно приходил в канцелярию. За время пребывания в Нижнем Новгороде у недорослей была возможность ближе познакомиться друг с другом, посмотреть город, вникнуть в процесс смотра и понять, что именно будет представлять собой служба каждого из них.

Вместе с тем, для части недорослей приезд на смотр в Нижний Новгород был далеко не первым опытом посещения незнакомых городов и местностей. Как следует из расспросных речей в канцелярии, некоторые подростки уже имели немалый опыт передвижения по стране.

В основном, в смотре участвовали те недоросли, которые по разным причинам не прибыли на смотр в Военную коллегию в Москву в 1721-1723 гг. Всего в источнике представлены данные по 133 человекам. По 33 из них имеются сведения об их передвижениях вне места жительства. Это 24,8 % от общего количества прибывших на смотр недорослей.

Изучение их допросных речей выявило следующую картину: у 23 из 33 человек (69,7%) перемещения были связаны со смертью отцов семейств. Дети, оставшиеся без отцов, чаще всего оказывались в семьях родственников. Так 39,1% оказались в семьях старших братьев, дядей, свойственников. 26,1% остались с матерями и жили с ними у родственников, либо жили с матерями и отчимами. 17,4% недорослей старших возрастов (от 17 лет и старше) были либо пристроены влиятельными родственниками в службу подъячими, либо женились и перешли жить в семьи родственников по линии жены. Таким образом, 30 (87%) недорослей, оставшихся без отцов, были взяты родственниками либо обеспечены работой, дававшей возможность прокормиться. Часть из них переместились внутри Нижегородской губернии: из одной деревни в другую, из деревни в уездный город или в Нижний Новгород. Те, кто вынужден был переехать из отцовских нижегородских поместий, оказались в Симбирском уезде, в Саратове, в Астрахани, в Тарусе Московской губернии. Были и те, кто, наоборот, прибыл в нижегородские земли из других мест: из Торопецкого и Ржевского уездов Санкт-Петербургской губернии, Мценска Киевской губернии, Симбирского, Саранского и Старооскольского уездов.

Судьбы остальных 3 (13%) недорослей оказались крайне тяжелы. Рассмотрим их подробнее.

Рейтарский сын Петр Андреев сын Гучев, которому в 1723 году исполнилось 23 года, принадлежал к известному, но не богатому нижегородскому служилому роду. По словам недоросля, отец его умер на службе под городом Ригой. Вероятно, речь идет об успешной

осаде Риги в 1709-1710 гг. в ходе Северной войны, когда потери русского войска были велики не столько от боевых действий, сколько от эпидемии чумы. Во время допроса на смотре Петр не сказал, была ли жива на тот момент его мать и где он находился. По его словам, «в том де малолетстве глупостию ево сошел он к городу Архангельскому и жил там лет с 6» [16, л.19]. Остается неясным, каким образом 9 - летний мальчик мог оказаться за тысячу километров от родных мест, кто его увез, и какова была цель этого лица. Можно предположить, что Петр Гучев, оставшись сиротой, прибил к торговому обозу, идущему на север. На тот момент Архангельск переживал расцвет как крупный торговый порт, в который свозились для продажи в Европу зерно, икра, поташ, пенька и другие товары. Обрато из Европы поставлялось в основном оружие, необходимое для ведения Северной войны. Архангельск в 1708 г. стал центром обширной губернии. Торговый оборот, по сведениям С. Ф. Огородникова, в 1710 г. составлял: вывоз в Европу товаров – на 3 071240 руб., привоз из Европы – на 1606580 руб. [14, с. 143] Но в 1713 г. и позже, Петр I издал указы, запрещающие торговать с Европой через Архангельск так называемыми, «государевыми товарами» [14, с. 145]. Это было сделано для привлечения иностранных купцов в Санкт-Петербург. После 1715 г. Архангельск начал терять свои позиции в торговле, что сказалоь и на уровне жизни горожан. Примерно в это же время Петр Гучев решает вернуться в родные места: «оттоле сшел во Фролищевскую пустынь что в Гороховском уезде на реке Лух и жил в той пустыни лет с 8» [17, л.19]. Флорищевская (правильное написание) пустынь располагалась в лесах примерно в 100 км к западу от Нижнего Новгорода. Пустынь была создана в середине XVII в., благодаря настоятелю Иллариону и щедрым пожертвованиям царя Федора Алексеевича она достигла расцвета к началу XVIII в. Петр I считал, что монастыри должны приносить практическую пользу государству, поэтому им поручалось обучать людей грамоте, развивать благотворительность, быть местами призрения подкидышей, увечных, инвалидов войн [6, с. 82]. Возможно, именно как сирота Петр Гучев оказался в пустыни. Известно, что в ней была богатая библиотека [6, с. II], однако за 8 лет пребывания в монастыре Петр Гучев, видимо, так и не был обучен грамоте. Об этом говорит тот факт, что к допросной речи недоросля «нижегородец Михайло Давыдов вместо Петра Гучева руку приложил» [17, л.19]. Здесь же отмечено, что не выучился он и никакому ремеслу, что заставляет предположить, что жил он при монастыре как обычный трудник. Вместе с тем, имеется и пример того, как в монастыре недоросли проходили обучение: сирота Иван Поддубский, после долгих мытарств, был отдан матерью в школу с проживанием при Воскресенском монастыре Нижнего Новгорода [19, л. 75об.].

Василий Никифоров сын Взовской, 16-ти лет, прибыл на смотр также из монастыря, из Великовражской пустыни, расположенной в 30 км от Нижнего Новгорода. Отец подростка – рейтар Никифор Взовской служил прапорщиком и был убит в Полтавской битве. Пребывание Василия в пустыни, вероятно, объясняется тем, что поместье Взовских – Караулово – соседствовало с пустыней и имело общие границы с землями монастыря. Сыскной список от 20-22 мая 1652 г. о межах земли Симонова монастыря, к ведению которого относилась пустынь, с поместьем Якова и Василия Взовских был опубликован Д. Г. Давиденко [7, с. 221-222]. Судьба Василия после смерти отца оказалась тяжелой, юноша рассказал, что «по смерти отца своего дядя ево родной Василий Афанасьев из двор его сослал силою и ничего ему от имения отца его не дал, а он Василий из малолетства ходя кормился по разным местам и на Великовражской пустыни при игумнах в келейниках, ... отца его двором дядя поступил на нижегородскому подъячому Григорию Малкову.... и ныне де отца ево имеютца по разным местам пустоши, которыми и до днесь владеет означенный дядя оной Василий Афанасьев» [16, л. 46]. Таким образом, Василий Взовской остался без отца в двухлетнем возрасте и, будучи согнан со своего двора дядей, также оказался в итоге в монастыре.

Следует отметить, что для П. Гучева и В. Взовского монастыри стали спасением от нищенства и бродяжничества. Жизнь при монастырях позволила в итоге подросткам выжить и поступить на службу, найти свою социальную нишу.

Еще один недоросль, 25-летний Данила Кузьмин сын Томилин, родом из Ряжского уезда, в 5-летнем возрасте переехал с отцом в Пензенский уезд. После разорения дома «кубанскими татарами» [18, л. 21] и ранения отца, Данила не вернулся домой, а ходил по Волге и работал на стругах у разных людей, «...и ныне его Данилу нигде жить не принимают, чего ради пришел в Нижний Новгород для объявления» [18, л. 21]. Из текста документа ясно, что сам он воспринимает свое поступление на военную службу, как способ найти свое место в жизни.

Судьба сироты Ивана Изотова, родившегося в Старооскольском уезде, «хлопца черкасской природы вольного» [18, л. 25], то есть малороссиянина, была непростой. После смерти отца и мытарств по родственникам, жившим в разных местах, он оказался в услужении у квартирмейстера С. Синцова. Сначала он объявлял себя вольным черкасом, но через 6 лет жизни в услужении заявил, что отец его был рейтаром и солдатом, участвовал в Крымском, Азовском и других походах. В итоге И. Изотов был определен нижегородской канцелярией в солдаты.

Переезды недорослей, у которых отцы были живы, как правило, носили деловой характер. 3 человека переехали к влиятельным родственникам по решению отцов для обучения и удачного устройства на службу. Так, 12-летний Иван Осипов сын Арбузов, житель Санкт-Петербургской губернии, был отдан отцом свойственнику А. А. Ирецкому, прапорщику Олонецкого драгунского полка, размещенного в Нижнем Новгороде, «ради словесного учения грамоте» [18, л. 10]. Также по согласию своего отца, у служащих Олонецкого полка подпрапорщика Никулы и драгун Фрола и Лавра Шамшевых, проживал их брат, 17-летний Артемий Ефимов сын Шамшев, житель Санкт-Петербургской губернии [18, л. 91]. Сын капитана А. М. Долбилова, ассессора Свияжской провинции, 14-летний Андрей Алексеев сын Долбилов, с 1722 г. жил в Коротояцком полку у брата вахмистра А. Долбилова «для обучения арифметической науке» [18, л. 726], затем с 1724 г. стал жить у дяди Г. М. Долбилова, капитана Новотроицкого полка [18, л. 726об.].

Перемещения еще 2-х недорослей были связаны с тем, что они были определены к делам: 30-летний ядринец Максим Иванов сын Антонов был с юности определен «для усмотрения заповедным лесам и даны ему клемы» [16, л. 75об.], а 16-летний Козьма Дмитриев сын Налецкой ездил в Симбирский уезд, где помогал отцу «для хлебной нужды» [17, л. 77об.], а до этого вместе с отцом, служащим для посылок при губернской канцелярии, участвовал в розыске недорослей [17, л. 77].

Вынужденную, и в итоге бесполезную с деловой точки зрения, поездку совершили четыре недоросля из Ядрина: Федор Петров сын Ярсков, Иван Игнатъев сын Микелев, Петр Иванов сын Ярсков, Иван Матвеев сын Мартяшев. Они, как и было предписано императорским указом, поехали в январе 1722 г. на смотр в Москву. Свое прибытие записали «в золотой палате в повытье у подъячего Матвея Захарьева» [17, л. 9]. В течение 16-ти недель ядринцы вынужденно жили в Москве, ожидая определения их в службу. Так и не дождавшись решения вопроса, они в конце мая уехали домой «от голоду» [17, л. 9об.], где и проживали вплоть до августа 1723 г. В канцелярию в Нижний Новгород их доставили уже под солдатским караулом.

Один из прибывших на смотр недорослей, 25-летний Иван Сергеев сын Ладыженский, уверял, что в Москве на смотре побывал и был признан негодным к службе из-за падучей болезни. Во время возвращения из Москвы во владимирских лесах, по его словам, на него и товарищей напали разбойники и отобрали документ (отпуск). Позже на И. Ладыженского, как на помощника комиссара Алфимова, было заведено дело в собирании излишних денег с ясачных чуваш Курмышского уезда и было принято решение переписать его из дворянства в подъячие [18, л. 78-78об., л. 102-102об.]. Освидетельствование И. Ладыженского подтвердило наличие у него болезни. Вместе с тем, нередко объявление у себя падучей болезни (эпилепсии) было способом избавиться от воинской службы, что даже вызвало издание специального указа Петра I о наказании тех, кто имитирует у себя эту болезнь [19,

л.151-152]. Из документа следует, что к началу смотра И. Ладыженский имел уже большой опыт переездов при сборе ясака и во время поездки в Москву.

Таким образом, примерно четверть недорослей имела не только опыт поездки в губернский город на смотр, но и значительный опыт перемещения по стране. Безусловно, это обогащало подростков и молодых людей практическими знаниями, учило находить решения в сложных жизненных ситуациях, давало представления о географии, климате, природных особенностях разных местностей. В дальнейшем, во время службы в армии они существенно обогатят свои знания и сами послужат источником знаний для других. Можно согласиться с мнением И. В. Волковой о том, что в начале XVIII в. «Армия, наиболее подвижная и связанная с государственным аппаратом российская организация, отчасти подменяла собой еще не существовавшие средства массовой коммуникации. Подобно странствующим проповедникам, коммивояжерам и бродячим артистам, военные, которые несли на подошвах своих сапог пыль дальних странствий, утоляли информационный голод местного населения» [4, с. 48]. Условно говоря, дорога в широком смысле слова была местом, где рождался и взаимно обогащался опыт разных социальных групп населения.

Изучение пространственной мобильности подростков и молодых людей, относившихся к категории недорослей, показало, что перемещения в этой группе служилого населения были нередким явлением, причинами перемещений чаще всего были смерть отца, переезд к родственникам с целью обучения, получение места подъячего или участие в других работах, а также скитальчество малолетних детей, оставшихся без попечения взрослых членов семьи.

Список источников и литературы

1. Азизбаева, Р. Е. (2013). *Из жизни юношества в петровскую эпоху* // Труды Государственного Эрмитажа. Петровское время в лицах – 2013: К 400-летию Дома Романовых (1613-2013). Т. 70. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. С. 10-18.
2. Балыкина, М. И. (2021). *Недоросль на смотре: к истории воинской службы в петровское время (на примере Нижегородской губернии)* // История: факты и символы. № 1 (26). С. 57-63.
3. Водарский, Я. Е. (1977). *Население России в конце XVII – начале XVIII века*. М.: Наука.
4. Волкова, И. В. (2006). *Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России* // Вопросы истории. № 3. С. 35-51.
5. Гациский, А. С. (1886). *Нижегородский летописец*. Нижний Новгород: типография Губернского правления.
6. Георгиевский, В. (1896). *Флорищева пустынь. Историко-археологическое описание с рисунками*. Вязники: Типо-литография С. К. Матренинского.
7. Давиденко, Д. Г. (2006). *Великовражская пустынь в XVII веке* // Вестник церковной истории. № 3. С. 208-226.
8. Захаров, А. В. (2020). *«Генеральный смотр» дворянства 1721-1723 гг.: история организации и результаты* // История: факты и символы. № 4 (25). С. 167-182.
9. Захаров, А. В. (2015). *Проект информационной системы «Сказки генерального смотра шляхетства 1721-1723 гг.» в контексте изучения массовых источников и регестов* // Вестник Челябинского государственного университета. № 16. С. 130-139.
10. Захаров, А. В., Фролов, А. А. (2020). *ГИС «Пространственная мобильность шляхетства в эпоху Петра I» в просопографическом исследовании* // Историческая информатика. № 4. С. 206-218.
11. Кабузан, В. М. (1963). *Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: (По материалам ревизий)*. М.: изд-во Акад. наук СССР. 231 с.

12. Между домом и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России (2016). / Под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф. 504 с.

13. Миронов, Б. Н. (2000). *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*: В 2 т. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин. 548 с.

14. Огородников, С. Ф. (1890). *Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении*. СПб.: Типография Морского мин-ва, в Главном Адмиралтействе. 333 с.

15. Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп.2. Д. 2029.

16. Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 3. Д. 153.

17. Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 3. Д. 154.

18. Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 3. Д. 167.

19. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 2.

20. Ширле, И. (2012). *Перемена мест: Дворянство в разъездах и в гостях // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века* / Ред. О. Глаголева и М. Ширле. М.: Новое литературное обозрение. С. 598-623.

21. Эррен, Л. (2012). *Российское дворянство первой половины XVIII века на службе и в поместье // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века* / Ред. О. Глаголева и М. Ширле. М.: Новое литературное обозрение С. 51-88.

References

1. Azizbaeva, R. E. (2013). *Iz zhizni junoshestva v petrovskuju jepohu* [From the life of youth in the Petrine era] in Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha. Petrovskoe vremja v licah – 2013: K 400-letiju Doma Romanovyh (1613-2013), t. 70. St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha, 10-18. (in Russian).

2. Balykina, M. I. (2021) *Nedorosl' na smotre: k istorii voinskoj sluzhby v petrovskoe vremja (na primere Nizhegorodskoj gubernii)* [Nedorosl at the review: on the history of military service in Peter's Time (on the example of the Nizhny Novgorod province)] in Istorija: fakty i simvolj, 1 (26), 57-63. (in Russian).

3. Vodarskij, Ja. E. (1977). *Naselenie Rossii v konce XVII – nachale XVIII veka*. [The population of Russia at the end of the XVII - beginning of the XVIII century] Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

4. Volkova, I. V. (2006). *Voennoe stroitel'stvo Petra I i peremeny v sisteme social'nyh otnoshenij v Rossii* [Military construction of Peter I and changes in the system of social relations in Russia] in Voprosy istorii, 3, 35-51. (in Russian).

5. Gacisskij, A. S. (1886). *Nizhegorodskij letopisec* [Nizhny Novgorod Chronicler]. Nizhnij Novgorod, tipografija Gubernskogo pravlenija. (in Russian).

6. Georgievskij, V. (1896). *Florishheva pustyn'. Istoriko-arheologicheskoe opisanie s risunkami* [Florishchev deserts. Historical and archaeological description with drawings]. Vjazniki, Tipo-litografija S. K. Matreninskogo. (in Russian).

7. Davidenko, D. G. (2006). *Velikovrazhskaja pustyn' v XVII veke* [Velikovrazhskaya desert in the XVII century] in Vestnik cerkovnoj istorii, 3, 208-226. (in Russian).

8. Zaharov, A. V. (2020). «General'nyj smotr» dvorjanstva 1721-1723 gg.: istorija organizacii i rezul'taty [The "General Review" of the nobility of 1721-1723: the history of the organization and the results] in Istorija: fakty i simvolj, 4 (25), 167-182. (in Russian).

9. Zaharov, A. V. (2015). *Proekt informacionnoj sistemy «Skazki general'nogo smotra shljahetstva 1721-1723 gg.» v kontekste izuchenija massovyh istochnikov i registov* [The project of the information system "Tales of the general review of gentry 1721-1723" in the context of the study of mass sources and regests] in Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 16, 130-139. (in Russian).

10. Zaharov, A. V., Frolov, A. A. (2020). *GIS «Prostranstvennaja mobil'nost' shljahetstva v jepohu Petra I» v prosopograficheskom issledovanii* [GIS "Spatial mobility of gentry in the era of Peter I" in prosopographic research] in *Istoricheskaja informatika*, 4, 206-218. (in Russian).
11. Kabuzan, V. M. (1963). *Narodonaselenie Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v.: (Po materialam revizij)* [The population of Russia in the XVIII - first half of the XIX century: (Based on the materials of revisions)]. Moscow, izd-vo Akad. nauk SSSR. (in Russian).
12. *Mezhdu domom i domom. Vozvratnaja prostranstvennaja mobil'nost' naselenija Rossii* (2016). [Between home and home. Recurrent spatial mobility of the Russian population] Pod red. T. G. Nefedovoj, K. V. Averkievoj, A. G. Mahrovvoj. Moscow, Novyj hronograf Publ. (in Russian).
13. Mironov, B. N. (2000). *Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachaloXX v.): V 2 t. 2-e izd., ispr.* [Social History of Russia during the Empire period (XVIII - early XX century)]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ. (in Russian).
14. Ogorodnikov, S. F. (1890). *Ocherk istorii goroda Arhangel'ska v torgovo-promyshlennom otnoshenii* [An essay on the history of the city of Arkhangelsk in commercial and industrial terms]. St. Petersburg, Tipografija Morskogo min-va, v Glavnom Admiraltejstve. (in Russian).
15. Shirle, I. (2012). *Peremena mest: Dvorjanstvo v raz#ezdah i v gostjah* [Change of places: The nobility on the road and on a visit] in *Dvorjanstvo, vlast' i obshhestvo v provincial'noj Rossii XVIII veka*, red. O. Glagoleva i M. Shirle. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 598-623. (in Russian).
16. Jerren, L. (2012). *Rossijskoe dvorjanstvo pervoj poloviny XVIII veka na sluzhbe i v pomest'e* [The Russian nobility of the first half of the XVIII century in the service and on the estate] in *Dvorjanstvo, vlast' i obshhestvo v provincial'noj Rossii XVIII veka*, red. O. Glagoleva i M. Shirle. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 51-88. (in Russian).

Демчик Е. В.,
Гряникова Г. А.
(Барнаул)

УДК 94 (571.150).084.9

БЫТОВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В ГОРОДАХ И СЁЛАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (1960–1980-Е ГГ.): НЕРАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ¹

В статье дан конкретно-исторический анализ организации службы быта в 1960-1980-е гг. и состояния бытового обслуживания в городах и селах Алтайского края в условиях плановой системы хозяйствования региона. На основе неопубликованных данных Государственного архива Алтайского края, отчетных документов объединений и предприятий, официальной статистики, материалов статей региональной газеты рассмотрены объем и качество предоставляемых услуг промышленного и непромышленного характера. Отмечается направленность государственной политики на развитие бытового обслуживания и производства товаров широкого потребления. Согласно отчетной документации по результатам государственных и общественных проверок и личным воспоминаниям выявлены типичные недостатки в организации бытового обслуживания – низкое качество изделий, отсутствие ассортимента продукции, длительные сроки выполнения заказов, недостаточное количество мастерских, ателье, цехов, квалифицированных работников и транспорта. Сделан вывод о положительной динамике развития сферы бытовых услуг, расширении материально-технической базы и увеличении числа специализированных предприятий, что свидетельствовало о стремлении постепенно сблизить уровень обслуживания городского и сельского населения с целью улучшения быта жителей Алтайского края, экономические показатели которого превышали средние по числу предприятий и объему услуг РСФСР.

Ключевые слова: бытовое обслуживание, качество жизни, городское и сельское население, история повседневности, Алтайский край.

The article addressed to a concrete historical analysis of the organization and state of consumer services in the towns and villages of the Altai Krai under the conditions of the region planned economic system at the 1960s-1980s. Based on unpublished data of the State Archive of the Altai Krai, on reporting documents of associations and enterprises, on official statistics, on materials of the regional press, the volume and quality of industrial and non-industrial services provided were considered. The focus of state policy on the development of household services and production of consumer goods is noted. According to the reporting documentation on the results of state and public inspections and personal memoirs, typical shortcomings in the consumer services` organization were revealed – low quality of products, lack of products` assortment, long terms of orders fulfillment, insufficient number of workshops, ateliers, workshops, qualified workers, and transport. The conclusion was made about the positive dynamics of the development of the consumer services sphere, about the expansion of the material and technical base, about the number increase of specialized enterprises, which reflected the desire to gradually bring the level of service to the urban and rural population together in order to improve the residents everyday life of the Altai Krai, which economic indicators were higher than the average in terms of the number of enterprises and the volume of RSFSR services.

Keywords: consumer services, quality of life, urban and rural population, the history of everyday life, Altai Krai.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-15-22

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках гранта № 19-49-220005 «Торговля и товарное снабжение населения Алтайского края в 1960-е – 1990-е гг.: от плановой к рыночной экономике».

На повседневную жизнь и уровень удовлетворения материальных потребностей населения непосредственное влияние оказывает торговое обслуживание, включающее деятельность предприятий розничной торговли, общественного питания и службы быта. Особый интерес для сравнительного анализа повседневности города и села конкретного региона в 1960-1980-е гг., т. е. в условиях плановой системы хозяйствования и т. н. «экономики дефицита», представляет научное изучение организационно-экономических показателей службы быта на основе архивных материалов и данных периодической печати Алтайского края. Региональный подход предполагает выявление общих закономерностей и местной специфики ввиду обширной территории края при относительно невысокой плотности населения и удаленности населенных пунктов друг от друга, учитывающая совокупность социальных, экономических и культурных факторов, оказавших влияние на организацию и динамику предоставления услуг промышленного и непромышленного характера.

В отечественной историографии советского периода комплексно рассмотрены общесоюзные показатели развития экономики, включая вопросы бытового обслуживания населения [1; 12; 26]. Зарубежные авторы характеризовали эволюцию советской экономики, определяя приоритетными личное и общественное потребление [31]. В ряде исследований отмечено неравенство в доступности отдельных категорий товаров в условиях провозглашаемого коммунизма [30; 32].

Региональные особенности формирования и функционирования службы быта частично представлены в краеведческой литературе в контексте экономического развития отраслей легкой и пищевой промышленности на территории Алтайского края [13; 22]. В рамках истории повседневности современные авторы обобщили воспоминания жителей на темы быта и культуры г. Барнаула в 1960-е гг. [28]. Однако по имеющимся исследованиям невозможно определить степень влияния бытового обслуживания на повседневные потребительские практики городского и сельского населения Алтайского края, а также место службы быта в экономике региона в 1960 – 1980-е гг.

В связи с отсутствием комплексного освещения процесса в историографии необходимо обращение к неопубликованным источникам. Ценную информацию по вопросу исследования содержат документы, хранящиеся в Государственном архиве Алтайского края: сводные, годовые, квартальные статистические отчеты, планы по производству, труду и по выполнению пятилетних планов и делопроизводственные документы организаций, подведомственных Управлению бытового обслуживания населения исполнительного комитета Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся. Отдельные аспекты деятельности предприятий службы быта отражены в материалах региональной газеты «Алтайская правда», которые свидетельствуют об отношении потребителя к существующей системе бытового обслуживания, положительных и отрицательных сторонах в процессе реализации промышленных и непромышленных видов услуг. Периодическая печать также содержит отчеты по результатам общественных проверок с рекомендациями и предложениями по улучшению работы предприятий.

Согласно государственной политике по становлению предприятий бытового обслуживания обязательным элементом в инфраструктуре населенных пунктов РСФСР в 1960 г. было создано Управление бытового обслуживания населения Алтайского крайисполкома. К 1964 г. после ряда преобразований Управление включало 74 предприятия, строительномонтажное управление, конструкторско-технологическое бюро и учебно-курсовую базу [20, л. 3].

В 1965 г. в Алтайском крае бытовое обслуживание населения осуществляли 68 объединений бытового обслуживания, 46 из которых располагались в сельской местности. Основными формами организации выступали комбинаты бытового обслуживания, производственные комбинаты, фабрики, специализированные бытовые комбинаты. В их число вхо-

дило 979 предприятия по оказанию услуг по промышленным видам и 384 предприятия – по непромышленным. Из общего числа к сельской местности относились 547 и 161 соответственно [5, л. 1-90]. Так, несмотря на количественное преобладание объединений в сельской местности (67,6 % из общего числа), количество отдельных предприятий в городах несколько превышало сельские (52 %). Это можно объяснить численным превосходством районов над отдельными городами в крае. В среднем на одно городское объединение приходилось 62 предприятия, на сельское – 15. Следовательно, городское население обладало преимуществом в количестве оказываемых услуг.

Как правило, объединение совмещало реализацию услуг промышленного и непромышленного видов. Большая часть комбинатов бытового обслуживания предоставляла услуги по ремонту и индивидуальному пошиву швейных, меховых и кожаных изделий, головных уборов и изделий текстильной галантереи (82,4 %), парикмахерских (76,5 %) и фотографии (72,1 %). В то время, как наименьшее число объединений предоставляли услуги по гарантийному ремонту сложных бытовых машин и приборов (1,5 %), химчистке и крашению (4,4 %), бюро услуг (5,9 %) и прокатных пунктов (10,3 %) [5, л. 1-90].

Несмотря на обозначенное количество организаций и широкий круг предоставляемых услуг, наблюдалось низкое качество работы отдельных предприятий, что нашло отражение в газетных статьях. В первой половине 1960-х гг. жители г. Барнаула отмечали недостатки в деятельности отдельных предприятий – городских бань, прачечных, парикмахерских, пунктов проката бытовой техники, фабрик «Обувь» и «Индпошив». Кроме того, требовалось открытие на окраинах городов и в населенных пунктах отдаленной сельской местности дополнительных прачечных, парикмахерских и обувных мастерских. Например, чтобы «починить ботинки жителям Поток надо ехать в центр города» [14, с. 2; 19, с. 2].

К середине 1960-х гг. в розничной торговой сети появилось разнообразие в ассортименте текстильной продукции. Однако стремление предприятий к выполнению финансового плана без учета требований потребителя и рост покупательной способности приводили к неплановому обеспечению спроса на качественную продукцию современных фасонов [4, л. 29-39]. Например, по свидетельствам краевой газеты «Алтайская правда», швейные фабрики г. Барнаул и Бийск осуществляли большие поставки товаров в розничные магазины, но «покупателю по сути дела выбирать было не из чего» [2, с. 2].

Индивидуальный пошив швейных, меховых и кожаных изделий, головных уборов, изделий текстильной галантереи, кожаной, текстильной и комбинированной обуви осуществляли государственные ателье, производившие более качественные и соответствующие моде товары. Например, типичными наименованиями барнаульских ателье были «Березка», «Вьюга», «Горка», «Людмила», «Руслан», «Рябиношка», «Светлана», каждое из которых имело определенную специализацию. В то же время, по воспоминаниям населения, работе ателье были присущи долгие сроки изготовления заказов, высокая стоимость изделий, брак готовой продукции, невыполнение сроков ремонта из-за отсутствия транспорта для выездов в отдаленные районы и трудоемкости производства [3, л. 1-3; 28, с. 213-214]. Например, низкое качество одежды производства мастерской барнаульской фабрики «Индпошив» № 10 объяснялось свободным покроем и модными тенденциями, в то время как «неизвестно, напоминали ли во время учебы закройщице мастерской Денисюк мудрое правило: семь раз отмерь – один раз отрежь» [9, с. 2]. Обозначенные вопросы качества частично решались с помощью портних-надомниц и домашнего рукоделия [28, с. 215].

Повышение темпов развития производства и покупательной способности населения способствовало увеличению спроса на приобретение бытовой техники, радио и телевизоров. В то время как, по воспоминаниям барнаульца С. Ужакина, ремонт сложной бытовой техники осуществлялся длительно и «кустарным способом, который относился к числу удивительных ритуалов» [28, с. 132]. В начале 1960-х гг. в Алтайском крае, за исключением единичных мастерских, располагалось одно стационарное телеателье в структуре Алтайского головного спецкомбината «Рембыттехника» г. Барнаула, квалифицированная деятель-

ность которого была явно недостаточной для полного обеспечения потребности в данной услуге [5, л. 7]. По воспоминаниям барнаульца В. Шишкина, приобретенный им телевизор находился в ремонте более месяца в связи с отсутствием необходимого трансформатора в телеателье. В то время, как гарантийный срок завершался, и «что скажут тогда мастера догадаться нетрудно...» [18, с. 3].

С целью повышению контроля над деятельностью предприятий в конце 1965 г. стационарные мастерские г. Алейска, с. Сорокино, Тальменка, Топчиха, Троицкое были переданы в ведение Барнаульского телеателье. Но смена руководства не привела к улучшению помещений, оборудования и транспорта в мастерских, а также сохранялся низкий уровень квалификации работников, частые случаи нахождения на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения, что составляло основной круг кадровых проблем и не способствовало решению сложившейся ситуации [27, с. 3]. В середине 1960-х гг. услуги по ремонту сложной бытовой техники и металлоизделий оказывали 57,4 % от общего количества предприятий бытового обслуживания. Жители Акутихинского, Благовещенского, Бурлинского, Волчихинского, Ельцовского, Кытмановского, Локтевского, Павловского, Романовского, Тюменцевского, Усть-Пристанского районов этим видом услуг обеспечены не были [5, л. 1-90].

В связи с рассредоточенностью населённых пунктов по обширной территории края, их удаленностью друг от друга и наличием пунктов бытового обслуживания только в городах и крупных сельских центрах отдельным вопросом являлась нехватка транспорта для выездного обслуживания: по словам начальника управления связи Матюхевича, «у барнаульского, рубцовского и бийского ателье есть одна машина и хватит, бийское и рубцовское совсем не имеют машин» [27, с. 3]. В текстах газет также встречаются случаи неудовлетворительного обслуживания в мастерских по ремонту металлоизделий. Показателен пример из обращения читателя в газету «Алтайская правда», в котором отмечается грубое отношение приёмщика пункта № 13 вместо извинений за длительный ремонт наручных часов «Заря» жительницы г. Барнаула Н. С. Семенченко [17, с. 3].

Новой практикой повседневного обихода преимущественно городского населения стало приобретение бытовой техники во временное пользование через специализированные прокатные пункты, которые располагались только в г. Барнауле, Бийске, Камне, Новоалтайске, Рубцовске, Славгороде и с. Тальменка. В остальных районах края и г. Змеиногорске они отсутствовали [5, л. 1-90]. Кроме того, общественные контролеры «Алтайской правды» выявляли недостатки в работе прокатных пунктов, а именно неудовлетворенность спроса населения при документальном наличии товаров. Результатом общественной проверки 6 прокатных пунктов г. Барнаула в июне 1965 г. было открытие дополнительных 3 прокатных пунктов и приобретение сложной бытовой техники – пианино, стиральных машин, телевизоров, холодильников [23, с. 2].

В 1970 г. согласно государственным мерам улучшения качества бытовых услуг и культуры обслуживания в Алтайском крае бытовое обслуживание населения осуществляли 77 объединений, 52 из которых располагались в сельской местности. Комбинаты бытового обслуживания были открыты в Залесовском, Калманском, Курьинском, Косихинском, Новичихинском, Петропавловском, Табунском, Третьяковском районах края [25, с. 3]. Основная часть предприятий службы быта показывала высокие результаты по выполнению плана по объему предоставляемых населению услуг. Факторами, обеспечивающими эффективность производства, выступали организация труда на основе механизации и автоматизации. На предприятиях также вводился новый показатель – уровень качества, определяющий соответствие образцам. Кроме того, проводились мероприятия по совершенствованию технологии производства, включая ежемесячные дни качества [29, с. 2].

Отдельные объединения не осуществили выполнение плана, возможной причиной чего выступала изначально высокий заданный показатель. Например, объем услуг Третьяковского КБО в 1969 г. составил 59,2 тыс. руб., в 1970 г. – 74,8 тыс. руб., т. е. рост составил

20,9 %. Однако поставленный план в 116,4 тыс. руб. был выполнен только на 64,3 % [6, л. 5-8]. Кроме того, препятствием выступало несвоевременная реконструкция предприятий. Например, обновление отделочного производства Барнаульского меланжевого комбината было запланировано на 1967 г., но Алтайское управление строительства Минстроя СССР в плане на 1971 г. «не нашло возможности принять к исполнению реконструкцию фабрики даже в минимальных объемах». В результате качество тканей заметно снижалось ввиду отсутствия отделки, как следствие, уменьшались объемы товарной реализации [24, с. 2].

Основу промышленной деятельности комбинатов в 1970 г. составляли услуги по индивидуальному пошиву одежды (33,8 %), ремонтно-строительным работам (12,5 %), индивидуальному пошиву обуви (8,2 %), парикмахерские занимали 74,4% в объеме непромышленных услуг. В то время как наименьшее число объединений предоставляли промышленные услуги по ремонту трикотажных изделий (0,06 %) и мебели (0,3 %) и непромышленные услуги бань (0,07 %) [6, л. 9-12].

Несмотря на численный рост предприятий и показателей по выполнению плана, количество писем населения в газету относительно низкого качества обслуживания в ремонтных мастерских и ателье сохранялось. К решению проблем относились такие меры руководства предприятий, как обсуждение на цеховых собраниях, выговоры, отстранение от работы в связи с нарушением дисциплины, грубым отношением к покупателю, недостаточным контролем, «волокитей и небрежным выполнением заказов» [11, с. 3; 17, с. 3].

Для увеличения числа населения, обеспеченного бытовыми услугами, к 1975 г. в структуру большинства районных объединений бытового обслуживания добавились участки «Рембытстрой», городских – телеателье, химчистка, ремонт бытовой техники. В Алтайском крае бытовое обслуживание населения осуществляли 118 объединений, т. е. общее количество в течение 1965-1975 гг. возросло в 2,6 раза [7, л. 5-10]. Количественный рост превышал показатель РСФСР на 2,8 %. Объем выполненных работ составил 66,9 млн. руб., тем самым превысив показатель 1965 г. в 3 раза, и показатель РСФСР 1975 г. – в 1,5 раза [15; 16].

Десятый пятилетний план развития по бытовому обслуживанию (1976-1980) предприятиями Алтайского края был выполнен досрочно. В среднем, услуги на одного жителя по сравнению с 1975 г. возросли в 1,8 раза в городах и в 1,6 раза в сельской местности. Отмечается сближение уровня обслуживания городского и сельского населения за счет создания и деятельности 618 комплексных приемных пунктов в районах края [10, с. 2].

К 1989 г. с целью следования мерам по укреплению и расширению хозяйственной самостоятельности краевые объединения «Алтайкрайпарикмахерских» и «Алтайкрайпрокатразнобыт» реорганизованы соответственно в Барнаульское городское объединение парикмахерского хозяйства, «Барнаулгорпарикмахерские» и Барнаульское городское объединение проката и разнобытовых услуг «Барнаулпрокатразнобыт». Ликвидированы краевое производственное объединение «Алтайкрайсправка», технадзор, машинно-счетная станция, Барнаульский спецпром. Краевое производственное объединение «Алтайкрайфото» реорганизовано в фабрику фотохудожественных работ на правах головного предприятия территориального производственного объединения крайисполкома «Алтайкрайбыт». Краевые производственные объединения «Алтайкрайшвейбыт», «Алтайкрайтрикотажбыт», «Алтайкрайбыттехника», «Алтайкрайобувьбыт», «Алтайкрайхимчистка», трест «Алтайкрайрембыт» преобразованы в специализированные объединения и организации соответственно ремонта и пошива одежды «Швейбыт», ремонта и изготовления трикотажных изделий «Трикотажбыт», ремонта бытовых машин и приборов «Быттехника», пошива и ремонта обуви «Обувьбыт», химчистка и крашения одежды «Химчистка» и ремонтно-строительный трест «Ремстройбыт» [21, л. 1-2].

Укрупнение структуры сформировало сеть службы быта, включающую в 1990 г. 50 специализированных предприятий, состоящих на самостоятельном балансе и входящих в состав ТПО «Алтайкрайсбыт». В их число входило 1680 ателье, цехов, мастерских и 1607

приемных пунктов, из которых в сельской местности располагались 814 и 961 соответственно [8, л. 1]. Следовательно, несмотря на общее укрупнение объединений происходил количественный рост включенных в их состав предприятий. С 1965 г. по 1989 г. общее число ателье, цехов, мастерских, приемных пунктов и прочих организаций по оказанию бытовых услуг населению увеличилось в 2,4 раза, в т. ч. в городах – в 2,3 раза, в сельской местности – в 2,5 раза.

Таким образом, динамика развития бытового обслуживания в условиях плановой системы хозяйствования на протяжении 1960-1980-х гг. свидетельствует об улучшении бытовых условий посредством количественного расширения предприятий не только в городах, но и сельских районах края, и качественного повышения обслуживания. Переход органов управления на хозрасчет и новую систему планирования в середине 1960-х гг. создал условия для совершенствования в организации службы быта. Ателье, стационарные и выездные мастерские, приемные пункты были объединены в комбинаты бытового обслуживания, связанные со специализированными производственными предприятиями, деятельность которых оказывала влияние на формирование повседневных потребительских практик. Результаты работы объединений и входящих в их состав предприятий оценивались по увеличению реализованных услуг, росту прибыли и рентабельности экономической деятельности. Такой подход требовал от административно-управленческого аппарата лучшего изучения потребностей населения в соответствующих видах услуг. Однако отраслевой принцип управления, громоздкий управленческий аппарат, зачастую номенклатурное решение задач при отсутствии ориентации на потребности потребителя препятствовали выработке эффективной модели бытового обслуживания, в полной мере отвечающей требованию времени и запросам общества. Сохранялось неполное удовлетворение потребностей населения по качеству предлагаемых услуг, а также недостаточное количество предприятий бытового обслуживания в отдаленных частях городов, некоторых районах края и населенных пунктах сельской местности.

Список источников и литературы

1. Агабабян, Э. М. (1968). *Экономический анализ сферы услуг*. М.: Экономика. 160 с.
2. *Больше товаров народного потребления* (1962). // Алтайская правда. 14 января. № 12. С. 2.
3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-718. Оп. 16. Д. 1565.
4. ГААК. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 78.
5. ГААК. Ф. Р-1141. Оп. 4. Д. 104.
6. ГААК. Ф. Р-1141. Оп. 4. Д. 529.
7. ГААК. Ф. Р-1141. Оп. 4. Д. 840.
8. ГААК. Ф. Р-1141. Оп. 4. Д. 1337.
9. *Два сапога...не пара* (1962). // Алтайская правда. 24 января. № 20. С. 2.
10. *Для общего блага* (1980). // Алтайская правда. 11 декабря. № 284. С. 2.
11. *За волокиту уволена* (1970). // Алтайская правда. 8 января. № 6. С. 3.
12. Зубчанинов, В. В. (1967). *Услуги как форма материального производства // Сравнение двух систем. Новые явления в экономике капитализма*. М.: Наука. С. 85-101.
13. *История Алтая: в 3-х т. Т. 3: Алтай в новейшую эпоху (XX – начало XXI века)* (2019). / Научный редактор Е. В. Демчик. Барнаул: Изд-во Алт.ун-та; Белгород: Константа. 484 с.
14. *На повестке дня – быт трудящихся* (1962). // Алтайская правда. 21 января. № 18. С. 2.

15. *Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: Стат. ежегодник (1966) / ЦСУ при Совете Министров РСФСР. М.: Статистика. 616 с. URL: <http://istmat.info/node/20469> (дата обращения: 10.12.2021).*
16. *Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: Стат. ежегодник (1976) / ЦСУ при Совете Министров РСФСР. М.: Статистика. 519 с. URL: <http://istmat.info/node/15622> (дата обращения: 10.12.2021).*
17. *Отношение к заказчикам изменилось (1970). // Алтайская правда. 17 января. № 13. С. 3.*
18. *Пока не окончилась гарантия (1966). // Алтайская правда. 4 января. № 2. С. 3.*
19. *Почистили (1966). // Алтайская правда. 11 января. № 8. С. 2.*
20. *Предисловие // ГААК. Ф. Р-1141. Оп. 4. Т. 1.*
21. *Предисловие // ГААК. Ф. Р-1141. Оп. 4. Т. 3.*
22. *Преображенный Алтай (1967). / Под ред. А. И. Лизиной, Т. М. Макеева. Барнаул: Алт. кн. изд. 235 с.*
23. *Придите завтра (1966). // Алтайская правда. 24 января. № 24. С. 2.*
24. *Путь к цели (1970). // Алтайская правда. 20 сентября. № 221. С. 2.*
25. *Пятилетка. Год четвертый (1970). // Алтайская правда. 28 января. № 22. С. 3.*
26. Семенов, В. В. (1966). *Сфера обслуживания и ее работники. М.: Политиздат. 168 с.*
27. *Телевизор требует ремонта...(письма с комментариями) (1966). // Алтайская правда. 14 января. № 11. С. 3.*
28. Ужакин, С. Ф., Ужакин, А. С. (2013). *Город на песках. Барнаул неформальный. Барнаул: [б.и]. 272 с.*
29. *Уровень качества (1970). // Алтайская правда. 27 сентября. № 227. С. 2.*
30. Matthews, M. (1979). *Privilege in the Soviet Union (Routledge Revivals): A study of Elite Life-Styles under Communism. London: Allen & Unwin. 196 p.*
31. Mazat, N., Serrano, F. (2018). *An Analysis of Soviet Economic Growth From the 1950's to the Collapse of USSR. // Roma Tre University. № 25.*
32. Millar, J. (1985). *The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // Slavic Review. 1985. № 44 (4). Pp. 694-706.*

References

1. Agabab'jan, Je. M. (1968). *Jekonomicheskij analiz sfery uslug [The economic analysis of service sector]. Moscow, Jekonomika Publ. (in Russian).*
2. *Bol'she tovarov narodnogo potreblenija (1962) [More consumer goods] in Altajskaja pravda, 14 janvarja, 12, 2. (in Russian).*
3. *Dva sapoga...ne para (1962) [Two boots are not a pair] in Altajskaja pravda, 24 janvarja, 20, 2. (in Russian).*
4. *Dlja obshhego Blaga (1980) [For the common good] In Altajskaja pravda, 11 dekabrja, 284, 2. (in Russian).*
5. *Za volokitu uvolena (1970) [She is fired for a slowness] in Altajskaja pravda, 8 janvarja, 6, 3. (in Russian).*
6. Zubchaninov, V. V. (1967). *Uslugi kak forma material'nogo proizvodstva [Services as a form of material production] in Sorevnovanie dvuh sistem. Novye javlenija v jekonomike kapitalizma. Moscow, Nauka Publ., 85-101. (in Russian).*
7. *Istorija Altaja: v 3-h t. T. 3: Altaj v novejšuju jepohu (XX – nachalo XXI veka) (2019) [Altay history: in 3 vol. Vol. 3: Altay in modern times (20th – the beginning of the 21st century)], redaktor E. V. Demchik, Barnaul, Izd-vo Alt.un-ta, Belgorod, Konstanta. (in Russian).*
8. *Na povestke dnja – byt trudjashhihsja (1962) [The everyday life of workers on the agenda] in Altajskaja pravda, 21 janvarja, 18, 2. (in Russian).*

9. *Narodnoe hozjajstvo RSFSR v 1965 g.: Stat. ezhegodnik* [The RSFSR national economy: The Statistical Yearbook 1965] / CSU pri Sovete Ministrov RSFSR. (1966). Moscow, Statistika. URL: <http://istmat.info/node/20469> (date accessed: 10.12.2021). (in Russian).
10. *Narodnoe hozjajstvo RSFSR v 1975 g.: Stat. ezhegodnik* [The RSFSR national economy: The Statistical Yearbook 1975] / CSU pri Sovete Ministrov RSFSR. (1976). Moscow, Statistika. URL: <http://istmat.info/node/15622> (date accessed: 10.12.2021). (in Russian).
11. *Otnoshenie k zakazchikam izmenilos'* (1970) [The attitude for customers has changed] in *Altajskaja pravda*, 17 janvarja, 13, 3. (in Russian).
12. *Pochistili* (1966) [Cleaned] in *Altajskaja pravda*, 11 janvarja, 8, 2. (in Russian).
13. *Poka ne okonchilas' garantija* (1966) [Until the warranty period is overed] in *Altajskaja pravda*, 4 janvarja, 2, 3. (in Russian).
14. *Preobrazhennyj Altaj* (1967) [Metamorphosed Altay], redactor A. I. Lizinoj, T. M. Makeev. Barnaul, Alt. kn. izd. (in Russian).
15. *Pridite zavtra* (1966) [Come tomorrow] in *Altajskaja pravda*, 24 janvarja, 24, 2. (in Russian).
16. *Put' k celi* (1970) [The way to the aim] in *Altajskaja pravda*, 20 sentjabrja, 221, 2. (in Russian).
17. *Pjatiletka. God chetvertyj* (1970) [Five-year plan. The 4th year] in *Altajskaja pravda*, 28 janvarja, 22, 3. (in Russian).
18. Semenov, V. V. (1966). *Sfera obsluzhivaniya i ee rabotniki* [The services sphere and its workers]. Moscow, Politizdat. (in Russian).
19. *Televizor trebueta remonta... (pis'ma s kommentarijami)* (1966) [TV set needs repairing... (letters with comments)] in *Altajskaja pravda*, 14 janvarja, 11, 3. (in Russian).
20. Uzhakin, S. F., Uzhakin, A. S. (2013). *Gorod na peskah. Barnaul neformal'nyj* [Town on sands. Informal Barnaul]. Barnaul. (in Russian).
21. *Uroven' kachestva* (1970) [Quality level] in *Altajskaja pravda*, 27 sentjabrja, 227, 2. (in Russian).

**Ильин А. Ю.,
Канищев В. В.,
Кунавин К. С.**
(Тамбов)

УДК 314.4

КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР¹

Статья посвящена очень редкой для демографической истории, но весьма актуальной теме сельского коммунального хозяйства как фактора динамики населения. Изучены 32 сельских поселения 8 районов Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей с многоквартирными домами. Авторы, используя демографическую и коммунальную статистику, попытались показать зависимость успешного движения населения сельских поселений трех областей Центрального Черноземья от обеспеченности жилищно-коммунальными услугами. В работе были апробированы разные количественные методы: не только простая арифметика, но и приемы вычисления парной корреляции демографических и коммунальных показателей. Использование этих методов выявило только одну зависимость: зависимость роста числа жителей урбанизированных в советское время сельских поселений от наличия многоквартирных домов, обеспеченных коммунальными удобствами. Тесные корреляционные связи между изменениями численности населения конкретных сел, деревень, поселков и наличием отдельных видов услуг не проявились. Количественные методы, использованные в статье, показали недостаточность для широких выводов данных всего по трем десяткам населенных пунктов. Высказано предположение о неполноте сведений сайта по реформам ЖКХ по отдельным коммунальным услугам и необходимости привлечения дополнительных источников.

Ключевые слова: сельские поселения, демография, жилищно-коммунальные услуги, количественные методы.

The article is devoted to a very rare for demographic history, but very actual theme of rural communal amenities as a factor of population dynamics. 32 rural settlements of 8 districts of Voronezh, Lipetsk and Tambov regions with multi-apartment housing were studied. The authors, using demographic and communal statistics, tried to show the dependence of the successful movement of the population of rural settlements in three regions of the Central Chernozem region on the provision of multi-apartment housing and communal amenities. Various quantitative methods were used in the work: not only simple arithmetic, but also methods for calculating the paired correlation of demographic and communal indicators. The use of these methods revealed only one dependence: the dependence of the growth of the number of residents of rural settlements on the availability of multi-apartment housing provided with communal amenities. Close correlations between changes in the population of settlements and the availability of certain types of amenities did not appear. The quantitative methods used in the article showed insufficient data for broad conclusions for only three dozen localities. The assumption is made about the incompleteness of the site's information on housing and communal amenities reforms for individual utilities and the need to attract additional sources.

Keywords: rural settlements, demography, housing and communal services, quantitative methods.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-23-31

¹ Статья выполнена в рамках реализации проекта Российского научного фонда, грант № 18-18-00187 «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX – начале XXI в.».

«Извечным» объяснением причин переезда населения из сельской местности в города в период ускоренной российской урбанизации второй половины XX в. являлась ссылка на отсутствие в селах и деревнях «удобств» и, напротив, возможность получить в городе квартиру «со всеми удобствами».

Тамбовские историки уже обращались к теме состояния жилищно-коммунального хозяйства в урбанизированных сельских поселениях. В первом эксперименте особое внимание было уделено изучению степени жилищно-коммунальной обустроенности таких поселений как фактору демографической стабильности и даже некоторого роста населения [3, с. 277-289].

В той же статье мы отмечали, что проблемы сельского жилищно-коммунального хозяйства и его связи с процессами движения сельского населения мало анализируются в историко-демографической литературе. Из работ историков, в которых эти проблемы рассматриваются, можно назвать только статью Т. П. Ребровой, в которой затронут сюжет об усилении внимания местных властей к социальному обустройству сел Мордовии (газификация, модернизация систем связи, строительство водопроводных сетей и т. д.). Мы высказывали согласие с позицией автора, которая называет эти мероприятия фактором демографической стабильности сельских поселений. Но такая интересная постановка вопроса практически не получила наполнения конкретным историческим материалом [6, с. 464-468].

В других современных исследованиях сельских миграций в работах историков связь с коммунальным хозяйством в сельской местности затрагивается косвенно [2, с. 183-197; 7, с. 229-236].

На предыдущем этапе исследования было обращено внимание на поселения, расположенные рядом с крупными городами, на территории, которая в экономической географии называется 1-ой зоной функционально-селитебного зонирования, с наиболее мощным и перспективным социально-экономическим и демографическим потенциалом [5, с. 95].

Для связи жилищного вопроса с демографическими процессами мы выбрали сведения о поселениях с многоквартирными домами в негородских населенных пунктах в сельских муниципальных районах, расположенных рядом с Тамбовом, Липецком, Грязями и Воронежем. Наиболее детально обеспеченность конкретными видами коммунальных услуг была изучена только по отношению к 7 пригородным поселениям Тамбовского района. В силу задач того исследования сравнение этого района мы проводили не с соседними территориями, а с северо-западным регионом – Новгородской областью.

Естественно, логика исследования повела нас к неизбежному сравнению Тамбовской области с соседями по региону в целях определения ее специфичности или типичности в изучаемом вопросе.

В данной статье изучены 32 сельских поселения 8 районов Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей с многоквартирными домами. В качестве источниковой базы был использован уже известный нам сайт Государственной корпорации – Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства, который сейчас выставляет более широкие материалы о коммунальном хозяйстве отдельных населенных пунктов [4].

Сведения о численности населения в избранных населенных пунктах были выявлены на сайте <http://www.demoscope.ru> и сайтах соответствующих сельских советов.

В настоящей статье был не только расширен круг изучаемых сельских поселений с многоквартирными домами и соответствующими коммунальными услугами, но и для большей точности вычислены коэффициенты корреляции коммунальных и демографических показателей.

Мы учитывали, что в большинстве поселений существующие ныне многоквартирные дома были построены до начала XXI в. Другими словами, наше исследование имеет определенную историческую глубину, ретроспекцию в советское время. Ведь тогда считалось,

что постройка больших домов «со всеми удобствами» станет сильным фактором удержания населения в традиционных местах проживания.

В данном исследовании была поставлена задача проверить, насколько этот фактор продолжил свое действие в начале XXI в., в новых социально-политических условиях. Мы посчитали корректным сравнение численности населения этих поселений в 2010 и 2021 гг. Поскольку число многоквартирных домов в этот период почти не менялось, решающим показателем становится степень их коммунальной обустроенности на данный момент.

Мы знаем, что в начале XXI в. во многих пригородных поселениях Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей появилось определенное количество жилых строений с автономным обеспечением водой, теплом, отводом сточных вод. Но, судя по привлеченному нами источнику, они мало учтены в статистике ЖКХ. Изучение их обитателей с социально-демографической точки зрения – это вопрос будущего.

Поэтому в данном случае мы можем определить влияние на демографические процессы коммунальной обеспеченности именно многоквартирных домов. Но не можем оставить без внимания редкие факты учтенных коммунальных услуг в остальных домах.

Таблица 1. Изменения численности населения урбанизированных сельских поселений Тамбовской, Воронежской, Липецкой в начале XXI в.

Область	Название	Тип	Всего мно- гокв. домов	Численность населения	
				2010	2021
Тамбовская	Авдеевка	Село	6	1396	1150
Тамбовская	Бокино	Село	16	4473	5700
Тамбовская	Горелое	Село	10	4154	3600
Тамбовская	Донское	Село	11	4308	4600
Тамбовская	Новая Ляда	ПГТ	19	5207	4620
Тамбовская	Совхоз Комсомолец	Пос.	18	3923	4540
Тамбовская	Строитель	Пос.	92	18 437	1870
Воронежская	Отрадное	Пос.	10	4581	4800
Воронежская	Новая Усмань	Село	169	18223	36000
Воронежская	Рамонь	Пос.	26	8356	8500
Воронежская	Латная	Пос.	32	7528	7100
Воронежская	Девица	Село	32	4500	4800
Воронежская	Воля	Пос.	9	7800	7500
Воронежская	Айдарово	Село	2	939	1000
Воронежская	Бор	Пос.	15	1200	1250
Воронежская	ВНИИСС	Пос.	36	2286	2400
Воронежская	Стрелица	Пос.	36	3937	3949
Воронежская	Хохольский	Пос.	42	7510	7544
Воронежская	Чертовицы	Село	1	1199	1100
Воронежская	Боево	Село	5	2080	1940
Воронежская	Ямное	Село	26	2300	2600
Липецкая	Новая Деревня	Дер.	9	2226	2100
Липецкая	Боринское	Село	30	6556	6520
Липецкая	Троицкое	Село	10	2376	2600

Липецкая	Частая Дубрава	Село	2	1821	2100
Липецкая	Сенцово	Село	3	2198	2100
Липецкая	Хрущевка	Село	4	2318	2350
Липецкая	Вербилово	Село	5	824	700
Липецкая	Ярлуково	Село	7	1598	2300
Липецкая	Пады	Село	2	430	400
Липецкая	Копцевы Хутора	Дер.	8	1729	2000

Ввиду сравнительной немногочисленности урбанизированных сельских поселений мы изучали все поселения избранных районов трех областей Центрального Черноземья, где находились хотя бы единичные многоквартирные жилые строения. Ведь в таких домах в небольших населенных пунктах могло жить сопоставимое с обитателями частного сектора число жителей. Судя по таблице 1, таких поселений существует немного.

Мы, как и в первом исследовании, в круг изучаемых поселений сознательно включили поселки городского типа и рабочие поселки, дабы взглянуть на проблему с другой стороны, со стороны тех, во многом еще по-прежнему сельских по образу жизни населенных пунктов, где большинство населения проживает в многоквартирных домах «с удобствами». При сопоставлении «крайностей», как нам представляется, будет очевиднее проявляться успешность либо неуспешность демографического развития.

Для нас важным было учесть не просто количество многоквартирных домов в поселениях, а главным образом определить степень их коммунальной обустроенности. Мы посчитали значимым показателем более чем 50-процентное обеспечение домов тем или иным видом услуг. «Черно-белая» таблица 2 наглядно представляет эти показатели. Сразу оговоримся, что мы сознательно не включили в таблицу данные об обеспеченности жилья электроэнергией, поскольку сейчас это практически 100-процентный показатель для сельской местности. Все остальные коммунальные показатели можно считать демографически значимыми.

Таблица 2. Коммунальные услуги в урбанизированных сельских поселениях Тамбовской, Воронежской и Липецкой областей в начале XXI в.

Области, Поселения/ коммунальные услуги	Хол.вода		Гор.вода		Газ		Централиз. тепло		Сточные воды	
	КД	Ост. дома	КД	Ост. дома	КД	Ост. Дома	КД	ст. дома	КД	Ост. дома
Тамбовская обл.										
Пос. Строитель										
С. Бокино										
С. Горелое										
С. Донское										
Пос. совхоза "Комсомолец"										
Пгт. Новая Ляда										
С. Авдеевка										
Воронежская обл.										
Пос. Отрадное										
Д. Девица										
Пос. Воля										

Пос. Латная								
С. Айдарово								
Пос. Бор								
Пос. ВНИИСС								
С. Боево								
С. Ямное								
Пос. Хохольский								
С. Новая Усмань								
Пос. Стрелица								
С. Чертовицы								
Пос. Рамонь								
Липецкая область								
С. Троицкое								
С. Сенцово								
Д. Новая Деревня								
С. Частая Дубрава								
С. Хрущевка								
С. Боринское								
С. Вербиллово								
С. Ярлуково								
С. Пады								
Д. Копцевы Хутора								

Примечания. МКД – многоквартирные дома. Белым цветом обозначены услуги, которые предоставляются в большинство жилых домов поселения, черным – в меньшую часть или не представляются вовсе.

С одной стороны, таблица показывает, что в нашей выборке нет ни одного населенного пункта, где большинство и многоквартирных, и остальных домов было бы обеспечено всеми видами коммунальных услуг, что в принципе объяснимо.

С другой стороны, в двух случаях (воронежских деревне Девица и поселке Стрелица) коммунальные услуги получает менее половины даже многоквартирных домов. Хотя можно предположить неполноту данных в Интернет – базе данных ЖКХ. На это «намекает» то, что в обоих населенных пунктах в 2010-2021 гг. численность населения росла, что маловероятно в местах проживания с небольшим комфортом.

Все виды услуг доступны в большинстве многоквартирных домов только в трети изученных поселений (10 из 32). Большую часть нашей выборки составили населенные пункты, скажем так, с промежуточными показателями. Многоквартирные дома на 50% и более обеспечены не всеми коммунальными услугами. Вместе с тем, есть случаи сравнительно высокой обеспеченности отдельными услугами частных домов.

Прежде, чем перейти к результатам количественного анализа полученных корреляционных построений, мы посчитали эвристически полезным сделать простые арифметически подсчеты степени распространенности отдельных видов коммунальных услуг в изученных поселениях.

Из таблицы 2 мы видим, что холодной водой большинство многоквартирных домов обеспечено в 23 из 32 случаев. Горячую воду централизованно получает большая часть «многоквартирок» только в 10 поселениях. Но этот «недостаток» может быть во многих случаях компенсирован наличием газификации и соответственно установки газовых водонагревательных устройств. Газом обеспечены большинство многоквартирных домов в 27 из 32 изученных в статье поселений. При высокой степени газификации не выглядит большой проблемой относительная редкость централизованного теплоснабжения (18 случаев из 32). Важным на фоне традиционных для сельской местности «удобств во дворе» выглядит показателем обеспечения многоквартирных домов устройствами для стока бытовых вод. Больше чем в 50% случаев этот показатель выявлен в 23, т.е. в двух третях поселений нашей выборки.

В целом, три важнейших «недеревенских» коммунальных показателя (поставка холодной воды, газа и обеспечение стока вод) зафиксированы в большинстве многоквартирных жилых строений: 18 поселений или 57% изученного круга населенных пунктов.

В 14 случаях достаточный набор этих показателей оказался связанным с ростом населения. Но все-таки в 4 случаях относительно высокая коммунальная обеспеченность не повлияла на демографическую успешность поселений. Применительно к селам Вербилово и Пады Липецкой области это понятно, т.к. там находится всего 5 и 2 многоквартирных дома соответственно. Но в двух случаях (поселок Латная Воронежской области с 32 большими домами и село Боринское Липецкой области с 30 такими домами) снижение численности населения только с «коммунальной» точки зрения объяснить невозможно.

Для более точного определения корреляционных связей между демографическими и коммунальными показателями мы провели специальный анализ таких корреляционных пар, как

- изменения числа жителей конкретного поселения в зависимости от типа населенного пункта;
- изменения числа жителей конкретного поселения и число многоквартирных домов;
- изменения числа жителей конкретного поселения и степень обеспеченности холодной и горячей водой, газом, централизованным теплоснабжением, канализацией.

Таблица 3. Связь типа населенного пункта с приростом населения

Коэффициенты	Значения
n	32
V	0,37
p	0,84

Примечания. n – число домов;

V – коэффициент корреляции Крамера, применяется для расчетов корреляции нечисловых данных, в наших случаях тип населенного пункта и факт получения/неполучения домом коммунальных услуг, простая качественная характеристика, изменяется от 0 до 1;

p – вероятность того, что полученный показатель корреляции случаен, считается, что только при значениях $p < 0,05$ корреляция статистически значима.

В этой, также как и в 5-й таблице, основным является показатель p, который в обоих случаях говорит, что показатель корреляции V случаен. В данном случае цифры подтверждают в принципе понятное явление: отсутствие прямой связи между типом населенного пункта (село, деревня, поселок) и приростом населения. Но все-таки полагаем, что такое отсутствие зависимости характерно для пригородных поселений. В частности, изучение Там-

бовского региона в целом показывает, что все-таки исторически наиболее устойчивыми являются села (1, с. 3-16).

Таблица 4. Связь количества многоквартирных домов с приростом населения

Коэффициенты	Значения
N	32
R	0,54
P	0

Примечания. n – число домов;

V- коэффициент корреляции Крамера, применяется для расчетов корреляции количественных данных, в наших случаях тип населенного пункта и факт получения/неполучения домокоммунальных услуг, простая качественная характеристика, изменяется от 0 до 1;

r - коэффициент линейной корреляции Пирсона, применяется, когда оба значения количественные; p - вероятность того, что полученный показатель корреляции случаен, считается, что при значении $p < 0,05$ корреляция статистически значима.

Таблица 4 показывает статистическую значимость данной связки (показатель вероятности = $< 0,05$), а коэффициент линейной корреляции свыше 0,5% говорит о том, что рост населения в изученных селах находится в положительной зависимости от числа многоквартирных. Другими словами, с помощью более тонких математических методов мы получили подтверждение чисто арифметических подсчетов, представленных в нашем тексте выше.

Таблица 5. Связь наличия централизованных услуг ЖКХ в большинстве многоквартирных домов с приростом населения

Коэффициенты/ Значения показателей услуг	Хол. вода	Гор. вода	Газ	Теплоснабжение	Канализация
N	29	29	29	29	29
V	0,54	0,56	0,25	0,54	0,47
P	0,46	0,15	0,93	0,19	0,36

Примечания. n – число домов;

V- коэффициент корреляции Крамера, применяется для расчетов корреляции количественных данных, в наших случаях тип населенного пункта и факт получения/неполучения домокоммунальных услуг, простая качественная характеристика, изменяется от 0 до 1;

r - коэффициент линейной корреляции Пирсона, применяется, когда оба значения количественные; p - вероятность того, что полученный показатель корреляции случаен, считается, что при значении $p < 0,05$ корреляция статистически значима.

Из таблицы мы видим, что коэффициент r лежит в диапазоне от 0,19 до 0,93. Это означает, что ни один коэффициент корреляции тут не имеет статистической значимости, то есть, скорее всего, разброс данных такой, что итоговый коэффициент V – простая случайность. Но важно отметить, что высокий r не означает, что корреляции нет. Показатель лишь говорит о том, что для выводов не хватает наблюдений. Возможно, показатели газификации

в изученных поселениях оказались слишком заниженными. Скорее всего, много случаев не учтено – пока не видно никаких следов современной программы газификации отдельных домовладений.

В целом, можно сказать, что проявилась некоторая зависимость демографических процессов в урбанизированных в советское время сельских поселениях от наличия многоквартирных домов, обеспеченных коммунальными удобствами.

Но использование «тонких» количественных методов построения корреляционных связей не выявило весомых связей изменений численности населения от обеспеченности конкретными коммунальными услугами. Количественные методы, использованные в статье, показали недостаточность данных всего по трем десяткам населенных пунктов.

Также «напрашивается» предположение о неполноте сведений сайта по реформам ЖКХ по отдельным коммунальным услугам и необходимости привлечения дополнительных источников.

Сравнение с ранее полученными наблюдениями по тамбовским селам подтвердило типичность этих наблюдений для других областей Черноземного Центра, только показатель газификации всех изученных поселений Тамбовской области оказался выше, чем у соседей.

Список источников и литературы

1. Аврех, А. Л., Есиков, С. А., Канищев, В. В., Мизис, Ю. А., Протасов, Л. Г. (2000). *Формирование и развитие сети сельских населённых пунктов (СНП) Тамбовской области (XVII-XX вв.)* // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов: ТГТУ. С. 3-16.
2. Вербицкая, О. М. (2018). *Миграционные процессы на постсоветском пространстве и их влияние на демографический состав населения России (1990-е гг.)* // Демографическая история России и регионов. Сборник научных трудов. Вып. II. Екатеринбург. С. 183-197.
3. Канищев, В. В., Кунавин, К. С. (2019). *"Нелинейные эффекты" в миграции сельского населения в города во второй половине XX - начале XXI века (на материалах областей Центрального Черноземья и Северо-Запада Европейской России)* // Северо-Запад в аграрной истории России. Вып. 25. Калининград. С. 277-289.
4. *Открытые данные* // Реформа ЖКХ: [сайт]. URL: <https://www.reformagkh.ru/opendata> (дата обращения: 15.01.2022).
5. Панков, С. В. (2011). *Сельские поселения: теория и практика регионального исследования*. Тамбов. 405 с.
6. Реброва, Т. П. (2016). *Демографические процессы в сельской местности современной Мордовии* // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Аграрное освоение и демографические процессы в России X-XXI вв. М., Уфа. С. 464-468.
7. Тараканов, М. Ю. (2018). *Особенности миграции населения города Нижний Тагил в 2000-х гг.* // Демографическая история России и регионов. Сборник научных трудов. Вып. II. Екатеринбург. С. 229-236.

References

1. Avrekh, A. L., Yesikov, S. A., Kanishchev, V. V., Mizis, Yu. A., Protasov, L. G. (2000). *Formirovanie i razvitie seti sel'skih naselyonnyh punktov (SNP) Tambovskoj oblasti (XVII-XX vv.)* [Formation and development of a network of rural settlements in the Tambov region (XVII-XX centuries)] in *Osobennosti rossijskogo zemledelija i problemy rasselenija: materialy XXVI sessii Simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*. Tambov, TSTU Publ. 3-16.
2. Verbitskaya, O. M. (2018). *Migracionnye processy na postsovetskom prostranstve i ih vliyanie na demograficheskij sostav naseleniya Rossii (1990-e gg.)* [Migration processes in the post-Soviet space and their impact on the demographic composition of the population of Russia

(1990s)] in Demograficheskaja istorija Rossii i regionov. Sbornik nauchnyh trudov, vyp. II. Yekaterinburg. 183-197.

3. Kanishchev, V. V., Kunavin, K. S. (2019). *"Nelinejnye efekty" v migracii sel'skogo naseleniya v goroda vo vtoroj polovine XX - nachale XXI veka (na materialah oblastej Central'nogo Chernozem'ya i Severo-Zapada Evropejskoj Rossii)* ["Nonlinear effects" in the migration of rural population to cities in the second half of the XX - beginning of the XXI century (based on the materials of the Central Chernozem and North-West regions of European Russia)] in Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii. Vyp. 25. Kaliningrad. 277-289.

4. *Otkrytye dannye* [Open data] in Reform of housing and communal services: [website]. URL: <https://www.reformagkh.ru/opendata> (date accessed: 15.01.2022).

5. Pankov, S. V. (2011). *Sel'skie poseleniya: teoriya i praktika regional'nogo issledovaniya*. [Rural settlements: theory and practice of regional research]. Tambov.

6. Rebrova, T. P. (2016). *Demograficheskie processy v sel'skoj mestnosti sovremennoj Mordovii* [Demographic processes in rural areas of modern Mordovia] in Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. Agrarnoe osvoenie i demograficheskie processy v Rossii X-XXI vv. Moscow, Ufa. 464-468.

7. Tarakanov, M. Yu. (2018). *Osobennosti migracii naseleniya goroda Nizhnij Tagil v 2000-h gg.* [Features of migration of the population of Nizhny Tagil in the 2000s.] in Demograficheskaja istorija Rossii i regionov. Sbornik nauchnyh trudov, vyp. II. Yekaterinburg. 229-236.

**Кривцов А. А.,
Лихачёв С. В.**
(Липецк)

УДК 94/93

ПОРТРЕТ ДЕПУТАТСКОГО КОРПУСА МЕСТНЫХ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД 1990-Х ГГ. НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Статья затрагивает актуальную тему - развитие и реформирование института муниципальных депутатов в позднем СССР и современной России. Сравнительная характеристика народных избранников муниципального уровня из разных городов Черноземья является новым исследованием в сфере краеведения, государственной службы и новейшей истории. Рассматриваемый период начинается с 1980-х годов и первых альтернативных выборов народных депутатов местных Советов, заканчивается 1993 годом как новым историческим периодом, который положил конец «системе Советов». Методами, использованными при написании данной научной статьи, были причинно-следственный анализ, опирающийся на взаимосвязь деятельности местных депутатов на муниципальном уровне с всесоюзными, а позже общероссийскими событиями, хронологический метод позволил систематизировать события, происходившие на протяжении последнего десятилетия XX века и участие местных депутатов в них. Статистический метод предоставил возможность комплексно изучить особенности формирования депутатского корпуса в местных Советах. Источниковой базой исследования послужили документы из архивного управления администрации города Липецка, муниципального архива городского округа города Воронежа, Государственного архива Воронежской области и других архивных учреждений центрального Черноземья. В результате данного исторического исследования были сделаны обобщающие выводы относительно особенностей депутатского корпуса на местном уровне в 90-е годы прошлого века.

Ключевые слова: местное самоуправление, альтернативные выборы, Сессия Совета Народных депутатов, Совет Народных депутатов, исполком, Верховный Совет, городское Собрание представителей, администрация города.

The article touches upon a topical topic - the development and reform of the institution of municipal deputies in the late USSR and modern Russia. Comparative characteristics of deputies of the municipal level is a completely new study in the field of local history and modern history. The period under review begins in 1980 and the first alternative elections of people's deputies to local Soviets, ends in 1993. The methods used in writing this scientific article were causal analysis, chronological method, statistical method. The source base of the study was documents from the archival administration of the Lipetsk city administration, the municipal archive of the urban district of the city of Voronezh, the State archive of the Voronezh region and other archival institutions of the central Chernozem region. As a result of this historical study, generalizing conclusions were made regarding the peculiarities of the deputy corps at the local level in the 90s of the last century.

Keywords: local self-government, alternative elections, Session of the Council of People's Deputies, Council of People's Deputies, executive committee, Supreme Soviet, city Assembly of representatives, city administration.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-32-41

Процесс создания и деятельности представительных законодательных органов местного самоуправления претерпевал на протяжении всей российской истории значительные изменения и трансформации. При этом изучение истории

представительно-законодательных органов местного самоуправления обычно не выделяют частью истории российского парламентаризма, что не совсем верно. Как показывает практика, каждый представительный орган власти на местах является эквивалентом федерального парламента с сопутствующими атрибутами и полномочиями в рамках своей юрисдикции. Трансформация этих полномочий на протяжении долгого периода «лихих девяностых» демонстрирует нам исходные позиции, на которых находилось российское местное самоуправление и депутатский корпус, его возглавлявший [17]. Так называемый советский период, а вернее сказать, большевистский, попавший в полосу кризисов с конца 1980-х, закончился в 1991 г. в то время, как именно советский период как период главенства на местах Советов народных депутатов завершился в октябре 1993 г. с расстрелом Верховного Совета и роспуском всех Советов в Российской Федерации.

Объектом рассмотрения данной научной статьи является депутатский корпус местных городских органов представительной власти, осуществлявший свою деятельность в период начала последнего десятилетия двадцатого века в двух крупных городах Центрального Черноземья: Воронеже и Липецке. Отметим, что сравнительная характеристика правовых основ деятельности Советов СССР и России проводилась не раз, но проследить процесс становления депутатского корпуса и его трансформации с конца «перестроечного времени» – это небольшая, но важная новаторская задача. История этих двух городов крайне любопытна, так как оба в свое время боролись за негласный титул «столицы Черноземья». На рубеже 1990-х гг. эти города шли в одном социально-политическом фарватере. При этом детально касаться событий, происходивших на федеральном уровне, мы не будем, но реакцию на них среди муниципальных депутатов рассмотрим.

Отступая в сторону, скажем несколько слов о специфическом месте Советов в системе власти СССР. Несмотря на название страны и термин ко всему окружающему, звучащий как «советский», сами Советы имели крайне ограниченные полномочия в системе власти СССР, которые постепенно урезались, начиная с 1917 года и «большевизации» Советов [10].

Первый раз преобразование Советов как органов власти и системы выборов в них «народных избранников» произошло с учётом принятия в 1936 г. новой редакции Конституции СССР. В свою очередь, политические реформы эпохи «перестройки» поставили цель трансформации роли Советов на предмет увеличения их полномочий в структуре органов власти. Подчеркнём, что общая направленность данных реформ и изменений отражала общемировую тенденцию, включавшую на тот момент времени опыт работы представительных органов власти во всем мире. Это стало разрушать принципы работы существующей системы, основанной на «демократическом централизме» и диктатуре партии, где Советы выполняли номинальную роль. [17, с. 17].

В таком политическом контексте будут разворачиваться события и на местах, в городских Советах народных депутатов Центрального Черноземья. В интересах заявленной статьи определим периодизацию исследования. Первый период – это 1980-е гг. Состав депутатского корпуса в эти годы интереса не вызывает. Но движения общественности, неформальные объединения и, как следствие, переход центра силы к активным гражданам позволят новому поколению депутатов избираться в Советы в 1990 г. Второй этап стартовал с альтернативных выборов, когда Советы избирались по новой системе из нескольких кандидатов. Закончился этот этап августом 1991 г., когда де факто власть союзного центра окончательно рухнула.

Подчеркнём, что кризис КПСС уже наблюдался в 1990 г., и он обострился сразу после проведения выборов и формальной отмены в СССР однопартийной системы в данное время. Общая тенденция заключалась в следующем: депутаты избирались либо как беспартийные, либо формально поддерживаемые КПСС, но после выборов многие из них вошли в состав других партий. Наиболее ярким примером может служить создание партии ДПР. Оргкомитет данной партии сложился 21 апреля и 3 мая, параллельно с выборами депутатов

в местные Советы [19]. Цель партии состояла в разрушении монополии на власть КПСС через уличные акции и публичную критику властей. Пиком успешности данного движения следует считать 1991 г., когда местные депутаты многих городов поддержали Б. Н. Ельцина во время августовского путча ГКЧП, в дальнейшем у партии следовал лишь спад популярности, на выборах в Государственную Думу I созыва в 1993 г. ДПР взяла лишь 15 мест из 450, в последующие годы уже не попадала в Думу.

В городе Липецке и Воронеже политическая активность населения на волне перестройки росла прямо пропорционально торможению перестройки. Снятие запрета на неформальные движения в СССР позволило подготовить новое поколение потенциальных депутатов в местные Советы городов Липецка и Воронежа. Основой, послужившей появлению на местах таких объединений, стали кружки региональных ВУЗов. Кружки в вузах начали образовываться по всей стране еще на заре 80-ых годов. Одним из таких объединений в городе Липецке стал политический клуб «Сомнение» в котором состояли В. Н. Томилин, А. Н. Попов, Л. И. Земцов, А. Н. Бессуднов, С. И. Степанов и многие другие лица, ставшие в дальнейшем народными представителями городского Совета народных депутатов города Липецка. С. И. Степанов после 1991 г. станет председателем горсовета Липецка [15]. Клуб был создан на базе исторического факультета Липецкого педагогического института по инициативе липецких сторонников «Демократической платформы в КПСС» С. И. Степанова и Д. М. Питерцева. Вернувшийся из докторантуры кандидат исторических наук Л. И. Земцов и его соратник археолог А. Н. Бессуднов развернули широкую деятельность на волне популяризации «новых» и «демократических» ценностей. Большая часть названных лиц в дальнейшем получит членство в ДПР. Подобные объединения возникали по всей стране чаще всего при истфаках институтов. Например, в Тамбове декан истфака педагогического института В. Н. Коваль организовал знаменитое сообщество «Мемориал», связанное с выявлением жертв репрессий, для чего он создал собственную газету «Содействие». В дальнейшем под руководством В. Н. Ковалья и его сподвижников была создана партия «Демократическая Россия», сыгравшая ключевую роль в перехвате управления городом в 1991 г. (как и в Липецке). В Воронеже, параллельно с событиями в Липецке, аналогично воспитанные истфаком граждане, и при его полной поддержке смогли взять власть в Горсовете и городской администрации [14, с. 144].

Зарождением костяка депутатского корпуса в Липецке следует считать 1988 г. и произошедшую тогда дискуссию по экологическим проблемам города под руководством А. М. Фёдорова и Г. В. Коршикова. Действительно, экологическая обстановка в городе была тяжелой. Липецк был настоящим индустриальным центром Черноземья. НЛМЗ, «Свободный сокол», «Центролит», завод пусковых двигателей, станкостроительный завод, тракторный завод и многие другие предприятия негативно влияли на окружающую среду в городе. Это вызывало опасения горожан. После катастрофы на Чернобыльской АЭС и Липецкая область ощутила на себе последствия этой ужасной техногенной катастрофы. Часть выброса радиации достигла региона. Скачок количества онкологических заболеваний подтолкнул липецкую общественность и власть к обсуждению экологических вопросов. Именно в это время многие кандидаты в депутаты горсовета стали создавать себе политический имидж.

Кроме того, предпринимались попытки забастовок, как, например, транспортники из ПАТП-1. Первым реальным политическим шагом, в ходе которого было образовано Липецкое демократическое движение, стало собрание в июне 1988 г. в помещении ЦМР инициативной группы. В собрании участвовали И. М. Ивлев, А. И. Казаков, Л. А. Стена, В. И. Цветков, Ю. В. Шеременко, М. А. Бабурин, В. С. Лосев и многие другие. Часть из участников станет в 1990 г. депутатами городского Совета Липецка. Цель собрания была в организации единого движения, стоящего на демократических позициях. Осенью 1988 г. была учреждена Липецкая организация «Мемориал». Включаются в дискуссию сотрудники авиационного центра Е. В. Проскуряков, Н. И. Лошкарёв, Р. А. Касымов. Последний в дальнейшем станет доверенным лицом президента Б. Н. Ельцина в Липецкой области. Осуществляется попытка

выдвинуть кандидатом в депутаты съезда СССР профессора ЛГТУ Г. В. Коршикова. 26 октября 1989 г. регистрируется областной профсоюз работников кооперативных предприятий «Солидарность» при участии Ю. А. Фабричных. К выборам 1990 г. создается клуб избирателей. Первым успехом этих демократических движений в городе Липецке, да и в регионе, следует считать установку камня в память жертв политических репрессий в апреле 1989 г. Уже 7 ноября 1990 г. происходит массовое траурное шествие с закладкой еще одного камня в память жертв политических репрессий.

Аналогичным образом события развивались в Воронеже. Более того, липецкие депутаты во многом повторяли шаги, уже пройденные общественными движениями города Воронежа. Первым шагом к зарождению иных общественно-политических взглядов стала институтская среда. Со слов Александры Глуховой, заведующей кафедрой социологии и политологии истфака ВГУ: «Раз в месяц проходили большие партсобрания, на которых собирались четыре кафедры общественных наук – истории КПСС, политэкономии, философии и кафедра научного коммунизма. Эти партийные собрания были пиршеством смелости, духовного подъема, ораторского искусства. Проблемы, о которых мы начали говорить, в обществе давно назрели и даже перезрели. Это гласность, возможность почувствовать себя гражданами, а не подданными, не бояться говорить то, что думаешь, желать быть полезным стране – то есть проявлять гражданскую позицию. В партию тогда хотелось вступать. Везде говорили о том, что партии нельзя быть закрытой корпорацией. Это было время надежд, уверенности в том, что наконец-то мы получили молодого адекватного лидера, который свободно общается с народом. Мы себя почувствовали гражданами огромной сильной страны» [22].

Отметим, что 1987-1989 гг. – время открытия архивов в СССР. Это, с одной стороны, подтолкнуло общественность к процессу реабилитации жертв эпохи Большого террора, а с другой, создавало возможность набора политического веса, опираясь на обличение и критику существующего политического строя. В это время в Воронеже начинают создаваться неформальные общественные организации и движения. Основными центрами формирования этих сил являлись ВГУ и политехнический университет. В 1987 году в ВГУ прошли первые выборы ректора, и он стал первым в Центральном Черноземье, где была восстановлена автономия. В том же году в городе Воронеж создается и правозащитное общество «Мемориал».

В 1988 г. аналогично Липецку общественность в Воронеже начинает заниматься экологическими вопросами. Формируется движение против строительства Воронежской атомной станции теплоснабжения. Обсуждение попадает не только в средства массовой информации, но и выходит на улицу. В Воронеже возникает свой «гайд-парк», сквер рядом с кинотеатром «Пролетарий». Именно с этого места горожане стали активно собираться на митинги против атомной станции, костяк протеста создаст в 1989 г. движение «Экологическая инициатива».

Апофеозом процесса демократизации эпохи «перестройки» следует считать проведение первых альтернативных выборов депутатов в Съезд народных депутатов СССР 26 марта 1989 г. Укажем, что в г. Воронеже явка избирателей на данных выборах составила порядка 80%.

В контексте данного отметим специфику выборов депутатов Горсовета города Липецка, состоявшихся 4, 18 марта и 22 апреля 1990 г. Подчеркнем, что общее число депутатов горсовета г. Липецка должно было быть 200 человек. А соответствующих заявок было подано 376 кандидатами.

Проанализируем итоги данных выборов. Всего приняло участие 258 362 избирателя (74%) от общего числа. Первый этап прошёл 4 марта 1990 г. По его итогам было выбрано 98 депутатов. Второй этап прошёл 18 марта 1990 г. Участие в нём приняли 39 814 избирателей или 66% от общей численности. В результате избрали ещё 30 депутатов Горсовета. Заключительный этап состоялся 22 апреля 1990 г. По его итогам было выбрано ещё 36 депутатов

[2, с. 114]. Укажем, что, несмотря на внеочередные выборы, работа с избирателями со стороны кандидатов велась крайне активная: раздавались бюллетени, биографические справки, программы [12].

В интересах работы остановимся на структуре депутатского корпуса, избранного в 1990 г. Совета народных депутатов города Липецка. По партийной принадлежности 125 депутатов или 76% от общего числа были членами КПСС, 8 человек членами ВЛКСМ [1, с. 43]. Градация депутатов по профессиям была следующая:

- 21 рабочий;
- 20 работников науки и образования;
- 9 от сферы здравоохранения;
- 2 от культуры;
- 2 от средств массовой информации;
- 6 работников правоохранительных органов;
- 5 военнослужащих;
- 2 ветерана труда;
- 5 представителей профсоюзов;
- 2 человека из сферы физкультуры и спорта.

В числе депутатов 62 руководителя местных предприятий (37,8%). Партийных работников, получивших поддержку на выборах, был 21 человек. По возрастному критерию количество молодежи до 30 лет составило 17 человек (10%), от 30 до 50 лет 107 человек (65%), свыше 50 лет 40 человек (25%). Образовательный уровень народных депутатов оказался следующим. Высшее образование имело 125 человек, среднее и средне-специальное 29, незаконченное высшее 9, незаконченное среднее 1 и 1 человек имел ученую степень кандидата наук. Более 70% представителей горсовета были представителями номенклатуры или поддерживаемы ею. Остальные депутаты были независимыми, преимущественно демократически ориентированы [2, с. 114].

Перед выборами в Воронеже движения «Мемориал», «Милосердие», «Экологическая инициатива», «Народный фронт», «Культурная инициатива» объявили о создании союза «Демократические выборы – 90», сокращенно «ДВ-90» [8, с. 128]. Его участниками стали молодые ученые Сергей Запрягаев, Виктор Давыдкин, Анатолий Герман, Ольга Ивентьева, Владимир Бренделев, Борис Кузнецов, журналисты Александр Бунеев и Александр Сорокин. Основными требованиями кандидатов в депутаты города Воронежа стали отмена строительства атомной станции и отмена 6-й статьи Конституции СССР 1977 г. о руководящей роли партии. Лозунгом воронежцев, ушедшим в народ, стала видоизмененная фраза, посвященная событиям на Чернобыльской АЭС: «Пусть живет КПСС на Чернобыльской АЭС!». Кандидаты в депутаты города собирались параллельно с выборами проводить референдум о строительстве АЭС в Воронеже. Его назначили на 15 мая 1990 г. По итогам прошедшего референдума 90% воронежцев высказалось против строительства данной станции, после чего её строительство было остановлено.

В городе Воронеже численность Совета народных депутатов определялась в 180 мандатов. Это первый примечательный факт, несмотря на то, что город Воронеж на тот момент был больше города Липецка практически в два раза, численность депутатского корпуса в Воронеже до 1997 г. была, как правило, меньше, чем в Липецких Советах. Количество претендентов на депутатскую должность составляло 570 человек. Выборы проходили на 160 избирательных округах [6, с. 1]. Из общего количества народных избранников лишь двое уже работали в Совете депутатов [6, с. 72]. Это демонстрирует большой контраст с Липецком, где количество переизбравшихся депутатов исчислялось десятками. Горсовет Воронежа стал неформальным штабом реформаторских сил. Если областной Совет состоял преимущественно из представителей номенклатуры (222 из 250), то городской Совет был реформаторским. Первым шагом депутатского корпуса стало создание первой независимой газеты «Воронежский курьер».

Изучая стенограммы сессий Советов и Липецка и Воронежа, можно проследить одну тенденцию. Депутаты делились на два типа: партийные работники или лица, которых поддерживала партия и демократы, новое поколение народных представителей, которые обрушивались с яростной критикой на представителей КПСС. Одним из многочисленных примеров противостояния этих двух лагерей следует считать выборы председателя городского Совета города Воронежа, когда часть депутатов констатировала, что сессия находится под угрозой закрытия и деятельность счетной комиссии вызывает недоверие [6, с. 317].

Наиболее активные депутаты вошли в состав Малых Советов, узких групп депутатов, которые работали фактически на постоянной основе в Советах, в то время, как полный состав Совета собирался лишь на отчетные сессии.

В Воронеже депутаты часто организовывали митинги и шествия. В сентябре 1990 г. демократические депутаты вели за собой митинг, посвященный 72-летию красного террора. в конце июля 1990 г. город посетил член координационного совета «Демократического союза» В. И. Новодворская. Она спонтанно организовала несогласованное шествие, в конце которого арестовали 18 человек вместе с самой Новодворской.

Любопытны обсуждения народных избранников, состоявших в Воронежском Совете народных депутатов, в отношении облика депутата и государственного служащего. Народные избранники отмечали в рамках стенограммы первой сессии Совета, что депутаты предыдущего созыва имели средний возраст 50 лет, в то время, как новое поколение депутатов в среднем имеет возраст 40-45 лет. Тем самым констатировалось «омоложение» представительного органа власти города Воронежа.

В Липецке городской Совет Народных депутатов возглавлялся В. И. Бородиным, человеком, выдвинувшимся на волне перестройки, но ориентированным на союзный центр [3, с. 3] Архивные данные говорят о том, что демократическое лобби в горсовете регулярно обрушивалось с критикой на его председателя. Одним из острых вопросов здесь стал вопрос по референдуму 17 марта 1991 г. о сохранении СССР. Сама формулировка вопроса в бюллетени звучала так: «поддерживаете ли вы сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик?». Под этим подразумевалось реформирование СССР в новом формате. Референдум за обновление СССР легитимизовал как действия М. С. Горбачева, желавшего возглавить процесс реформирования страны (Новоогаревский процесс он, в конце концов, провалит), так и действия Верховного Совета РСФСР, стремившегося наравне с другими Советами республик к сепаратному выходу их из состава СССР. Более того, в качестве подстраховки республиканские власти России параллельно проводили референдум о введении поста президента РСФСР.

В свете данного укажем, что проведение референдума и выборов президента РСФСР легло на местах именно на плечи депутатов городских Советов. На уровне города Липецка и области были представлены как сторонники, так и противники Б. Н. Ельцина. Авторитет М. С. Горбачева падал, и действующие члены КПСС при должностях, например, как председатель горсовета Липецка В. И. Бородин, поддерживавший президента СССР, перешел постепенно к умеренной критике, но все же придерживался политики центра. За Б. Н. Ельцина выступали, в первую очередь, представители ДПР, такие, как Безруков, Анохин, Купцов и другие. Не скроем, что партийные органы оказывали сопротивление проведению выборов президента РСФСР. Однако оно было сломлено в начале 1991 года в результате демарша и ультиматума депутатского демократического объединения первому секретарю обкома КПСС. Эти действия не позволили сорвать проведение в городе и области российского референдума о введении поста Президента России.

В списки для голосования для проведения 17 марта 1991 г. в РСФСР референдума были включены 105 643 364 человек. При этом отметим, что в референдуме приняли участие только 79 701 169 (75,44%). На указанные вопросы по референдуму 56 860 783 человек (71,34% участвовавших) ответили «Да». Позицию ответа «Нет» заняли 21 030 753 человек (26,39%) [21].

Итоги голосования на этом референдуме показали, что советский народ все же хочет оставаться в рамках единой страны. При этом республиканские власти в контексте команды Б. Н. Ельцина и его сторонников всё же рассчитывали на другой исход в данном вопросе. При этом, несмотря на то, что участники референдума высказались за сохранение СССР, в то же время они проголосовали за введение поста президента России. Это во многом предопределило дальнейшую судьбу сохранения СССР как государственно-политической конструкции.

Во время выборов первого президента России 12 июня 1991 г. демократическое движение активно работало с избирателями на местах. Депутаты горсовета Липецка также активно агитировали за кандидатуру Б. Н. Ельцина. В итоге, по результатам выборов в Липецкой области за него проголосовало 61,9% избирателей. Для сравнения по РФ – 57,3% [17]. Итоги выборов президента России по городу Воронеж и Воронежской области содержатся в депутатском отчете Государственного архива Воронежской области [5, с. 56]. Для наглядности данную информацию представим в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1. Итоги выборов первого президента России по г. Воронеж и Воронежской области, 1991 г.

Кандидат	Область	Город	Против
Бакатин	3,8%	22984 (4,18%)	520280
Ельцин	57,4%	422704 (77,11%)	120560
Жириновский	9,2%	15400 (2,81%)	527864
Макашов	4,0%	11189 (2,04%)	532075
Рыжков	18,1%	48061 (8,77%)	495209
Тулеев	4,6%	15852 (2,89%)	527412

Количество недействительных бюллетеней составило 4933 (0,9%). Выдано было 549 310 бюллетеней, количество человек принявших участие в голосовании составило 548 197 человек (74,64%). Против всех кандидатов проголосовало 7074 человек (1,29%) [5, с. 56].

В развитии вопроса отметим, что август 1991 г. стал поворотным в деятельности не только горсоветов обоих рассматриваемых городов, но и всей нашей страны в целом. События 19-22 августа 1991 г. поделили всю страну на два лагеря, что можно было наблюдать, в том числе среди народных депутатов. Демократические депутаты встали на сторону президента РСФСР и создали в обоих городах штабы по защите конституции. Номенклатура поддерживает проигравшую сторону (ГКЧП), так, например, председатель городского Совета народных депутатов г. Липецка В. И. Бородин входит в состав Липецкого областного ГКЧП. Но события в Москве приводят к аресту ГКЧП [17, с. 15]. По итогам данных событий демократы в обоих городах выдвигаются на ключевые посты.

Нет сомнений в том, что тема августовских событий 1991 г. на низовом уровне заслуживает отдельной статьи и здесь рассматриваться не будет. Отметим лишь её итоги в разрезе заявленной темы данной статьи. Исполкомы городов преобразовываются в администрации. Малые Советы, в составе которых наиболее яркие депутаты концентрируют большую власть в своих руках. Основная часть депутатов покорно принимала произошедшие события. Деятельность горсовета концентрируется на вопросах приватизации бывшей государственной собственности. Последний этап расформирования депутатского корпуса СССР произошел в 1993 г. после октябрьских событий в Москве. Новая конституционная реформа дала толчок реформированию местного самоуправления в течение последующего десятилетия. За это время издается ряд нормативных актов, которые в том числе регулируют деятельность обновленных муниципальных Советов [13, с. 221].

В заключение следует отметить, что в данной статье кратко показан процесс становления депутатского корпуса в начальный период 1990-х годов. Он тождественен общероссийским процессам, в других городах события протекали схожим образом [18, с. 124]. Основное внимание сосредоточено на демократических депутатах ввиду того, что они обладали политической субъектностью. Эти люди ковались в 1980-ые годы, и прошли во власть, опираясь только на свои силы. Депутаты, представлявшие номенклатуру, такими талантами не обладали и субъектностью не владели. Вся их деятельность была продиктована указами союзного центра. Паралич центра в августе 1991 г. привел местных депутатов от номенклатуры в состояние, когда любое действие, несогласованное с центром, может плохо кончиться. Поэтому, например, в Липецке создали областной ГКЧП, но деятельности никакой он не предпринимал. А штаб по защите Конституции страны, возглавляемый местными депутатами, перехватил власть в городе. Таковы предварительные итоги 1990 и 1991 гг. для истории местного самоуправления и депутатского корпуса двух крупных городов Центрального Черноземья.

Список источников и литературы

1. Архивное Управление Администрации города Липецка (АУАГЛ). Ф. 2. Оп. 2. Д. 854. Л. 311.
2. Архивное Управление Администрации города Липецка (АУАГЛ). Ф. 2. Оп. 2. Д. 851. Л. 157.
3. Архивное Управление Администрации города Липецка (АУАГЛ). Ф. 2. Оп. 2. Д. 912. Л. 25.
4. Горбачев, М. С. Революционной перестройке - идеологию обновления: Речь на пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г. М.: Политиздат, 1988. 48 с.
5. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р 51. Оп. 10. Ед. хр. 87. Л. 82.
6. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р 51. Оп. 10. Ед. хр. 13. Л. 337.
7. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р 51. Оп. 10. Ед. хр. 52. Л. 8.
8. Кабанов, П. А. (2018). *Воронежская область в контексте истории России 1945-2015 гг.* Т. 3. Воронеж: Мастерская книги. 478 с.
9. Калюжин, С. Е. (2008). *Съезды депутатов в контексте российского политического процесса 1991-1993 гг.* // Наука и школа. № 6. С. 62-64.
10. Медведева, Г. А. (2003). *Липецкая городская дума 1789-1917 гг.* / Г. А. Медведева, А. К. Семенов, Д. А. Чеглов. М.: Черметинформация. 209 с.
11. О реформе местного самоуправления в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 26.10.1993 №1760 // Собрание актов Президента РФ и Правительства РФ. 1993. № 44. 4188 с.
12. Просянкин, С. (1995). *Прежде всего – компетентность* // Липецкие известия. 17 февраля. С. 3.
13. Пылин, В. В. (2012). *Общее и различие в правовых основах местных Советов РСФСР и органов местного самоуправления Российской Федерации* // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. Т. 3. № 2 (6). С. 217-228.
14. Семенов, А. К. и др. (2008). *Липецкий городской Совет: 1954-1993 гг.* / А. К. Семенов, О. В. Корнева, В. И. Иванов, И. А. Кукуев. Липецк. 352 с.
15. Степанов, С. И. (1991). *Первый день городского головы* // Липецкие известия. 13 сентября. С. 3.
16. Пылин, В. В. (2012). *Сравнительный анализ правовых основ Советов народных депутатов РСФСР и Муниципальных представительных органов Российской Федерации* //

Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. № 1 (143). С. 53-61.

17. Щукин, Д. В. (2014). *Новейшая История России: 1991-2012 гг. В 2-х частях. Часть 1. История России 1991-1999 гг.: учебное пособие для подготовки магистров по направлению 030600.68 «История»*. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. 259 с.

18. Щукин, Д. В. (2021). *Совет народных депутатов в пространстве социально-экономического развития города Ельца в период политических реформ СССР 1987-1990 гг. эпохи перестройки* // Проблемы социальных и гуманитарных наук. № 2 (27). С. 123-128.

19. Щукин, Д. В. (2021) *Городской Совет народных депутатов города Ельца в пространстве региональной истории Липецкого края начала 1990-х гг.* // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (291). С. 162-166.

References

1. Kabanov, P. A. (2018). *Voronezhskaya oblast' v kontekste istorii Rossii 1945-2015 gg. T. 3.* [Voronezh region in the context of Russian history 1945-2015]. Voronezh, Book Workshop Publ. (in Russian).

2. Kalyuzhin, S. E. (2008). *S"ezdy deputatov v kontekste rossijskogo politicheskogo protsesssa 1991-1993 gg.* [Congresses of deputies in the context of the Russian political process 1991-1993] in *Nauka i shkola*, 6, 62-64. (in Russian).

3. Medvedeva G. A. (2003). *Lipetskaya gorodskaya дума 1789-1917 gg.* [Lipetsk City Duma 1789-1917]. G. A. Medvedeva, A. K. Semenov, D. A. Cheglov. Moscow, Chernetinformatsiya Publ. (in Russian).

4. Prosyankin, S. (1995). *Prezhde vsego – kompetentnost'* [First of all – competence] in *Lipetskie izvestiya*, february 17, 3. (in Russian).

5. Pylin, V. V. (2012). *Obshhee i razlichie v pravovykh osnovakh mestnykh Sovetov RSFSR i organov mestnogo samoupravleniya Rossijskoj Federatsii* [General and difference in the legal foundations of the local Soviets of the RSFSR and local self-government bodies of the Russian Federation] in *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS*, t. 3, 2 (6), 217-228. (in Russian).

6. Semenov, A. K. i dr. (2008) *Lipetskij gorodskoj Sovet: 1954-1993 gg.* [Lipetsk City Council: 1954-1993]. A. K. Semenov, O. V. Korneva, V. I. Ivanov, I. A. Kukuev. Lipetsk. (in Russian).

7. Stepanov, S. I. (1991). *Pervyj den' gorodskogo golovy* [The first day of the mayor] in *Lipetskie izvestiya*, september 13, 3. (in Russian).

8. Pylin, V. V. (2012). *Sravnitel'nyj analiz pravovykh osnov Sovetov narodnykh deputatov RSFSR i Munitsipal'nykh predstavitel'nykh organov Rossijskoj Federatsii* [Comparative analysis of the legal foundations of the Councils of People's Deputies of the RSFSR and the Municipal Representative Bodies of the Russian Federation] in *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 1 (143), 53-61. (in Russian).

9. Shchukin, D. V. (2014). *Novejshaya Istoriya Rossii: 1991-2012 gg. V 2-kh chastyakh. Chast' 1. Istoriya Rossii 1991-1999 gg.: uchebnoe posobie dlya podgotovki magistrrov po napravleniyu 030600.68 «Istoriya»* [Recent History of Russia: 1991-2012 In 2 parts. Part 1. History of Russia 1991-1999: textbook for the preparation of masters in the direction 030600.68 «History»]. Yelets, Yelets State University I. A. Bunin Publ. (in Russian).

10. Shchukin, D. V. (2021). *Sovet narodnykh deputatov v prostranstve sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya goroda El'tsa v period politicheskikh reform SSSR 1987-1990 gg. eh-pokhi perestrojki* [Council of People's Deputies in the space of socio-economic development of the

city of Yelets during the period of political reforms of the USSR 1987-1990. era of perestroika] in *Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk*, 2 (27), 123-128. (in Russian).

11. Shchukin, D. V. (2021). *Gorodskoj Sovet narodnykh deputatov goroda El'tsa v prostranstve regional'noj istorii Lipetskogo kraja nachala 1990-kh gg.* [City Council of People's Deputies of the city of Yelets in the space of regional history of the Lipetsk Territory in the early 1990s] in *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2 (291), 162-166. (in Russian).

Попова О. Д.
(Рязань)

УДК 008:947.084

БОРЬБА ЗА ОБЩЕПИТ: РОЛЬ СИСТЕМЫ ПРОПАГАНДЫ В СОЗДАНИИ НОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

В статье анализируется система агитации и пропаганды в периодической печати в годы первой пятилетки за переустройство быта и развитие общественного питания. Автор показывает, что советская власть рассматривала переустройство домашнего быта как важное условие вовлечения женщин в промышленное производство. Предлагалось создание коммун как формы совместного проживания, распространение системы прачечных, развитие системы общественного питания, причем речь шла о полной замене домашнего питания на общественные столовые. Борьба за общепит тесно переплеталась с борьбой с алкоголизмом, ставилась задача организации культурного досуга. Статья рассматривает публикации на страницах журнала «Культура и быт» и в провинциальных газетах. Исследуются механизмы и приемы воздействия на общественное сознание: общественные смотры, использование различных форм сопоставления дихотомии «свой» - «чужой», содержание публикаций, иллюстративного материала. Анализ статей показывает, что пропаганда пыталась ассоциировать старый мир женщины с тяжелым домашним трудом по приготовлению ежедневно еды, стирки, уходу за детьми. Публикации на страницах газет пытались убедить читателей, что индивидуальная кухня в квартире – это большое расточительство по отношению к расходованию жилой площади. Одновременно рассказывалось как об успешном опыте организации столовых, чайных, так и о недостатках работы отдельных столовых. Однако автор приходит к выводу, что оценить результаты этой пропагандистской работы сложно, поскольку власть сама стала постепенно сворачивать политику полной унификации бытовой жизни, так как поняла невыгодность для дальнейшего экономического развития страны.

Ключевые слова: пятилетка, индустриализация, общепит, столовые, коммунальная кухня, пропаганда, женский труд, новый быт.

The paper analyses propaganda materials which were published in the periodical press during the first five-year plan period and promoted public catering as an alternative to old-fashioned household routines. The author underlines that the Soviet government treated household routine transformation as a prerequisite to women's industrial involvement. The Soviet government promoted communal living, popularized communal laundry facilities and public catering system. The promotion and popularization of public catering was intertwined with an anti-alcohol campaign and the promotion of cultured leisure. The author analyzes articles published by the Culture and Routine magazine and provincial newspapers. The author investigates the mechanisms of public consciousness transformation via public festivals and "ours vs. theirs" dichotomy. The analysis of the aforementioned articles shows that propagandists tried to equate women's old-fashioned household routines with hard everyday labour (cooking, cleaning, laundry, child care). Newspaper articles attempted to persuade readers that having individual kitchens was a waste of living space. Newspaper articles promoted public catering, praised well-functioning public canteens and tea houses and censured mal-functioning ones. However, the author maintains that it is difficult to objectively assess the effects of the Soviet propaganda, for the Soviet government soon realised that public catering was economically unprofitable and unfeasible.

Keywords: five year plan, industrialization, public catering, public canteen, communal kitchens, propaganda, female labour, new routine.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-42-53

Советское правительство, придя к власти, стремительно начало перестраивать все стороны жизни российского общества. В частности, вслед за Временным правительством новая власть поддержала равноправие мужчин и женщин, объявив равное право на образование, начав стремительно привлекать женщин на производство. Развитие индустриализации тесным образом было связано с широким внедрением женского труда в промышленность.

Однако эта цель была выполнима при преодолении как ментальных препятствий, так и при создании необходимых материальных условий. Преодоление ментальных традиций требовало изменения пренебрежительного отношения общества к идее женского труда на производстве. В частности, брошюра «За социалистическую перестройку быта» замечала, что на ряде производств этого резерва рабочих рук не видят. «Баба к заводскому труду мало приспособлена» - было типичным убеждением на ленинградском заводе «Борец» [32, с. 7].

Поэтому переустройство общества было связано не только с развитием промышленности, вовлечением женщин в производство, но и с формированием нового уклада быта, реорганизацией жизненного уклада женщины, созданием новых социальных институтов. Нельзя не согласиться с мнением, которое приводит А. Я. Лившин, что пропаганду лучше всего рассматривать как продуманное целенаправленное стремление манипулятивно влиять на общественное мнение посредством трансляции важных для пропагандистской системы идей и ценностей [29, с. 22]. Он же отмечает, что на специфику пропаганды влияет система коммуникации на данный период времени, а также использование различных приемов агитации.

Необходимо было решить сопутствующее задачи: переселение большого количества населения в города на большие стройки, преодоление тяжелого наследия гражданской войны, решение жилищной проблемы, соблюдение санитарно-гигиенических норм требовало формирования у населения определенных навыков проживания в городах. По утверждению А. Ю. Климочкиной, как только традиционные механизмы общинного контроля перестали воздействовать на бывших крестьян, попавших в новую городскую среду обитания, города захлестнула волна различных проявлений девиантности. Власть в решении этих вопросов, в том числе, прибегала к позитивной политике, выразившейся в популяризации и пропаганде идеи «культуры» [7, с. 87].

Представляется важным проследить, какие механизмы агитации и пропаганды использовала власть в период индустриализации в борьбе за формирование нового образа жизни, создание новых актов социального поведения. Актуальность данной проблемы определяется тем, что исследование опыта формирования в обществе различных социальных практик важно на любом этапе исторического развития. В настоящем исследовании основное внимание сосредоточено на изучении опыта формирования социальных практик через средства периодической печати. Большую роль в формировании нового быта в годы первой пятилетки играл орган ВЦСПС и общества «За здоровый быт» журнал «Культура и быт». В 1928-1930 годах журнал выходил под названием «Трезвость и культура», затем в 1930 году был переименован в «Культура и быт». В 1932 году волился в журнал «Культурная революция». Для исследования привлекались и периодические издания, выпускавшиеся в провинции, в частности, воронежская ежедневная газета «Коммуна» и ульяновская газета «Пролетарский путь».

Изучение материалов периодики позволяет сделать вывод, что власть использовала различные механизмы пропаганды, побуждающие женщину пойти на производство. Например, газета «Культура и быт» канун 8 марта 1931 года встретила развернутым материалом на тему женского труда, используя традиционный механизм противопоставления: счастливый труд в СССР/эксплуатация в странах капитала, старый мир/новый мир.

Этот прием широко использовался в пропаганде, в том числе, и в борьбе за вовлечение женщин в производство. Капиталистический мир сопоставлялся с новым социалистиче-

ским, старый дореволюционный режим с новым светлым будущим. Как отмечают А. Я. Лившин и А. С. Ложкина, важным аспектом функционирования общественного сознания является идентификация через дихотомию бинарной оппозиции «свой – чужой», «мы – они» [28, с. 2].

Статья «Выполним план привлечения женщин в промышленность» очень ярко живописала ужасы капитализма: «8 марта 1931 года в странах капитала проводятся в условиях жесточайшего капиталистического кризиса, наличия 36 млн. безработных доходящий до крайних пределов нищеты» [25, с. 4]. При этом основная цель публикации была разоблачить обвинения буржуазной прессы в попытках советской власти разрушить семейные устои в молодой советской республике: «Печать английских рабовладельцев, «забыв» о том, что в английской промышленности свыше 3500 тысяч работниц работают за нищенскую зарплату, как дешевая рабочая сила, вдруг завопила о разрушении семейной жизни в СССР, вследствие вовлечения женщин в производство» [25, с. 4]. Статья, оформленная как ответ иностранным журналистам, в первую очередь была нацелена на слом российской ментальности. Традиционно в условиях капитализма женский труд на производстве оплачивался меньше, чем такой же мужской труд. Поэтому Советская власть пыталась убедить население, что приход женщин на производство уже будет на других условиях – на условиях освобожденного труда. Этот же номер журнала содержал статьи, рассказывающие о женщинах, которые уже трудились на производстве, причем на тяжелых работах. В частности, в номере были опубликованы фотографии женщин, работающих на зеркальной фабрике, и фотография тверской комсомолки – помощницы машиниста паровоза - за ремонтом состава.

К важнейшим материальным условиям привлечения женщин на производство власть относил переустройство бытовых условий. Как отмечалось в пятилетнем плане внедрения женского труда: «Без освобождения женщины от самых грубых и рабских домашних пут немислимо перенесение активности женщин из кухни на производство» [4, л. 134 об.]. Важными шагами в этом направлении было стремление власти перестроить проживание рабочих семей на основе нового совместного быта: дома-коммуны, общежития, коммуны. Н. Ю. Костюрина приходит к выводу, что организация коллективного быта ставила цель унификации жизни советского человека, создание условий равенства в самом примитивном смысле: одинаковая мебель, одинаковая обстановка, порой в такие коммуны запрещали ввозить свои вещи [11, с. 149]. Однако, кроме идеи равенства унификация быта имела и определенные практические цели: в таком доме гораздо проще организовать совместное питание, прачечную, общий коллективный отдых, целью которого было воспитание нового человека. Для того, чтобы все могли представить этот новый быт, власть использовала уже такой проверенный прием, как выставки.

Летом 1930 года комиссия ВЦИК по улучшению труда и быта женщин, организовала выставку по быту, которая была открыта летом в Москве в парке культуры и отдыха. Подготовка выставки началась в январе 1930 года. В письме президиума комиссии ВЦИК по улучшению труда и быта женщин датированным январем 1930 года, говорилось: «Обмен мнений с рядом организаций привел к заключению, что лучшим методом пропаганды новых культурных навыков в быту явится наглядное ознакомление широких народных масс, как надо строить свой быт в условиях коллективизации и реконструкции хозяйства и что такое наглядное ознакомление возможно только путем организации выставки по быту, на которой широко и убедительно должна быть представлена разница между условиями старого и нового культурного быта» [6, л. 53].

Деятельность этой выставки подробно освещалась в прессе. Например, один из выпусков «Рабочей газеты» был целиком посвящен рассказу об этой выставке. Журнал «Культура и быт» опубликовал цикл статей, рассказывающих о различных разделах выставки. Например, статья «Ценный показ» повествовала о новых вариантах устройства жилья – складная мебель, которая экономит пространство, кухонная мебель и посуда, которая снаб-

жена новыми устройствами: термосом, мусоропроводом, сушилкой для посуды. В частности, авторы статьи убеждали читателей, что использование новых бытовых приборов позволит значительно сократить время приготовления обеда: «Вам не нужно 2-3 часа готовить обед, прокипятив воду вы ставите суп в термос, и можете спокойно отправляться из дома, ничто у Вас не сбежит и не пригорит, а все прекрасно проварится» [13, с. 14]. В этом же выпуске были размещены фотографии оборудования общественных прачечных.

В июне 1930 года, рассказывая о выставках по быту, журнал поместил фотографию примуса в полную страницу журнала с такой подписью: «тот который если и не будет занимать видное место на выставке быта, то является в быту рабочего эмблемой закрепощения женщины, кухонных сор и дрязг, носителем гари и копоти бытовой и комнатной» [18, с. 6]. Советская пропаганда не зря ополчилась на этот предмет кухни: в бытовой практике это очень неудобная вещь, источник опасности пожара. Готовить на нем пищу было очень трудно: сам примус издавал очень много шума, требовал постоянной прочистки, готовить на нем было очень сложно. Как отмечает А. Митрофанов, на примусе можно было кипятить воду и готовить все блюда, требующие варки или жарки, однако томить, тушить на примусе было нельзя. Этот же автор приводит пример кулинарных хитростей, которые публиковались на страницах издания «Московский большевик»: «Можно сделать термос в виде деревянного ящика с двойными стенками, пространство между которыми заполнить опилками, соломой, ватой. В таком «термосе» обычно доходят щи, которые варят на керосинке 2-3 часа» [31, с. 148]. Однако сдержать обещания быстро убрать этот символ коммунальной кухни не удалось. Придя в Россию в начале XX века в период русско-японской войны, примус обосновался на кухне до конца 1950-х годов [31, с. 153-154].

Публикации журнала «Культура и быт» также рассказывали о росте производства бытовых электрических приборов: чайников, кастрюль, плиток, утюгов. Заметка убеждала читателя, что если в 1929/1930 годах было произведено 4 тыс. электрических чайников, то в 1931 их количество возросло до 19 тыс. [20, с. 24]. Однако для многих читательниц такие заметки были как о полетах на Луну, так как «лампочка Ильича» не загорелась еще в очень многих домах городов и поселков. Например, на Урале в конце 1930-х годов электроэнергией пользовались 2,4 % колхозов, 24 % машинно-тракторных станций (МТС) и 31 % совхозов [12, с. 55].

Даже в послевоенное время многие жители нашей страны продолжали жить при свете керосиновых ламп. Например, в 1956 году гвардии капитан Моисеенко в своем письме в редакцию газеты «Правда» спрашивал, почему жителям села Дягилово, что в 180 км от Москвы и в радиусе 500-800 метров от промышленных предприятий г. Рязани, 200-х метров от троллейбусной линии, электричество не доступно и живет поселок Дягилово при керосиновых лампах [2, л. 134].

Одновременно пропаганда обещала избавить женщину еще от одного тяжелого обременительного труда – это стирки. Газеты, используя распространённый прием сопоставления старого и нового, показывали, как замечательно изменится жизнь с распространением механических прачечных. Например, журнал «Культура и быт» в публикации «Что освобождает женщину...» рисовал радужные картины как будет налажен процесс стирки в такой прачечной: хозяйка приходит с узлом белья, взвешивает и оплачивает стирку по таксе, затем в специальном зале стирает белье в машине, затем отжимает в центрифуге и высушивает в гладильно-сушильном аппарате. Для убедительности также использовался прием сопоставления старого/нового. Публикация не только содержала фотографии таких новых прачечных, но и сцены традиционного полоскания белья в проруби женщинами, причем сила воздействия усиливалась именно сценами зимней стирки. Женщины на льду, на фоне снежных сугробов в тулупах и платках полощут белье [17, с. 12].

Много публикаций в журнале «Быт и культура» касалось различных вариантов организации нового типа жилья и организации в нем питания. И. Бахтерев в публикации «Дом и быт» рассказывал о планируемом новом типе жилья – домах переходного типа, которые по-

зволили бы сочетать индивидуальный и общественный быт и не отпугивать население от идеи коллективного быта, как это имело место в московской коммуне на Шаболовке. Жилой сектор предполагалось обустроить из жилых ячеек на две комнаты, на 7-8 ячеек предполагалось оборудовать санитарный узел с душем или ванной, а также духовым шкафом. По идее автора духовым шкафом жители должны были пользоваться по очереди: «по мере надобности шкапа на определённое время и определённый день закрепляется за одной из ячеек». При этом автор пытается убедить читателя, что такое устройство не будет подобно коммунальной кухне: «На первый взгляд может показаться, что из-за духовки получится «клуб скандалов», как это часто бывает в густонаселенных квартирах. Но духовой шкап в социалистическом доме ни кой мере не соответствует примусам и плите в коммунальной квартире. Не надо забывать, что все жильцы дома будут пользоваться общественным питанием и лишь в редких случаях прибегать к домашней стряпне» [19, с. 5]. При таких домах планировалось устройство общей столовой на 10 тыс. человек.

Ульяновская газета «Пролетарский путь» пыталась убедить читателей, что индивидуальная кухня в квартире – это большое расточительство по отношению к расходованию жилой площади. В частности, в номере от 1 апреля 1930 г. сообщалось, что по жилищной переписи 1926 года 30 млн. кв. метров в городских квартирах занимают кухни, что для государства очень расточительно [34, с. 3]. И в этом номере содержался призыв использовать помещения этих кухонь не только под жилье, а под организацию клубов и детских яслей.

Дом-коммуна выступал в тот момент как идеал будущего быта, но пока строительство таких домов только внедрялось в нескольких городах в качестве эксперимента. Широкое распространение получила организация коммун как формы совместного проживания и ведения хозяйства. О таких коммунах также очень широко рассказывалось на страницах журнала «Культура и быт». Например, подробный рассказ о производственной бытовой коммуны фабрики «Пролетарский путь» пытался убедить читателя в преимуществе такого быта. Коммуна состояла из 10 человек и одной работницы, коммунары обобществили 70% заработной платы, на эти средства приобретались продукты, приготовлением обеда занималась работница коммуны, завтрак готовили члены коммуны по очереди. При этом статья пыталась убедить, что коммуна облегчает не только непосредственно быт, но и осуществляет воспитательную работу: воздействует на любителей выпить, стимулирует заниматься общественной работой. Как говорилось в статье: «вечером коммунаров застать дома нельзя. Они – или на учебе, или в клубе на общественной работе» [22, с. 13]. Само название статьи было весьма говорящим: «Кузница показательных людей».

Как важнейшее условие внедрения женского труда советская власть видела развитие сети общественного питания. В соответствии с планом пятилетки общая продукция по предприятиям общественного питания к концу пятилетки должна была составить около 50 млн. блюд ежедневно. Из этой продукции до 30 млн. блюд рассчитывалось на промышленных рабочих и членов их семей [6, л. 38-39]. Предполагалось, что общественное питание будет обеспечивать полное суточное обслуживание каждому потребителю не менее 3 полноценных горячих блюд в день (считая 2 горячих блюда на обед и 1 одно горячее блюдо, по калорийности равное 1/2 обеда или даже больше, на завтрак или ужин. Таким образом, Советская власть считала необходимым полностью заменить домашнее приготовление пищи на посещение общественных столовых.

Пропаганда в этом вопросе действовала в нескольких направлениях. Одним из вариантов была публикация статей, где о развитии общественного питания читателям рассказывали языком цифр, пытаясь воздействовать на сознание именно масштабностью процесса, приравнивая тем самым развитие общепита к другим масштабным задачам индустриализации: «Если мы возьмем цифры двух лет последней пятилетки, то картина получится такая: по данным Центросоюза средний суточный выпуск продукции по общественному питанию возрос с 3 млн. блюд в 1929/1930-х годах до 10 млн. блюд на 1 октября 1930 года и до 17 млн. блюд на 1 января 1931 года» [24, с. 7].

Еще одним из направлений было убеждение общества в том, что приготовление еды на частной кухне забирает много времени, является источником скандалов. Журнал «Культура и быт» использовал очень показательный прием – показывал в ярких красках быт таких семей в различных аспектах. Например, публикация «Старое и новое» велась от имени врача, который делал обход участка, и главное внимание в ней уделялось условиям жизни разных семей. И в первую очередь внимание обращалось именно на недостатки старого быта, жилье рабочих, злоупотребляющих алкоголем, показывалось как антисанитарное и заросшее грязью. Вот так показывалась жизнь в коммунальной квартире, где хозяйки еще продолжают готовить на общей кухне: «На кухне примусное столпотворение. Раскаленные не менее своих примусов, «домхозы» оживленно переругиваются на разные голоса и темы» [16, с. 8]. В этой публикации автор подводил итог: «хорошие общественные столовые – мощное оружие в борьбе с примусами и со всем старым, мещанским укладом быта».

Однако одних призывов пользоваться общественными кухнями было мало, необходимо было развивать это самое общественное питание. А это требовало преодоления большого количества трудностей: не хватало помещений, специалистов, необходимо было наладить систему организации подачи блюд, особенно в столовых на больших предприятиях.

Протокол заседания Президиума совета содействия общественного питания при СНК от 20 февраля 1930 года констатировал полную непорядочность дела подготовки кадров общественного питания [5, л. 30]. В июле 1931 года потребность в специалистах высшей квалификации в сфере общественного питания составляла 450 человек, при выпуске всего 7 человек (сектор общественного питания Плехановского института) [5, л. 3].

20 февраля 1931 года этот же президиум также констатировал, что несмотря на наличие больших достижений в части количественных показателей общественного питания (увеличение продукции за год с 1-1,5 млн. на 1.10.29 до 11,6 млн. блюд на 1.1. 1931, организацию сети крупных фабрик-кухонь, приближение сети столовых к работе потребителей) качественные показатели продолжают сильно отставать: низкое качество отпускаемых обедов, значительное хищение и утери, низкое обслуживание [5, л. 32]. Как один из вариантов решения проблемы предлагалось расширять сеть самостоятельных столовых за счет переключения индивидуального пайка в русло общественного питания, т. е. общественности предлагалось организовать общественные кухни.

Для реализации этого варианта общественного питания опять же широко использовались методы агитации и пропаганды. При этом широко использовался не только журнал «Культура быт», но также подключалась региональная пресса. В 1930-1931 годы проблема организации общественного питания широко освещалась наравне с вопросами посевной и уборочной, борьбой с религией и кулачеством. Например, газета «Пролетарский путь» призывала организовать самодеятельные столовые для колхозников, убеждая читателей, что при совместном котле пищу на 20-30 человек могут сварить 1-2 человека. Посуду рекомендовалось использовать из конфискованного у кулаков имущества [35, с. 3].

Одним из таких механизмов внеэкономического стимулирования трудовой деятельности масс в этот период были смотры, которые проводились на разные темы и по разным поводам. Например, газета «Пролетарский путь» в апреле 1930 года сообщала о смотре техники к началу посевной. В это же время был объявлен смотр общественного питания, цель которого была привлечь внимание общественности и руководство предприятий к состоянию общественных столовых. Опять же пресса различного уровня неоднократно сообщала о ходе смотра. Сообщения, которые поступали с мест, представляли порой не очень радужную картину. Подборка сообщений с мест, которую осуществил журнал «Культура и быт», свидетельствовала, что проблем с организацией питания очень много. Даже в Одессе, где хозяйки всегда славились умением приготовить множество вкусных и разнообразных блюд, качество обедов в столовых низкое, а начальство многих предприятий вообще о смотре не слышали. В то же время публикация на страницах газеты «Коммуна» убеждала читателей, что именно смотр столовых в Воронеже, Орле, Тамбове вынудил заведующих столовых от-

читаться перед собраниями рабочих, активизировал деятельность домохозяек по организации самодеятельных столовых, заставил заняться организацией столовых в колхозах [9, с.2].

Одним из пропагандистских приемов было широкое применение критики. Сообщать на страницах газет о негативных фактах в том или ином вопросе в начале 1930-х годов было обычным делом. В рамках развития общепита на страницах прессы публиковалось много критических материалов, которые рассказывали о недостатках работы общественных столовых. Например, одна обзорный материал очень красноречиво назывался «Хотите ли Вы пообедать без очереди?» В нем рассказывалось о плохо налаженном деле в столовых Москвы, Подмосковья, Нижнего Новгорода. Например, сообщалось, что столовая завода «Красная Пресня» способна одновременно пропустить только 60 человек при работающих на заводе 900 человек, в зале на столах горы грязной посуды, разбросан хлеб. В столовой совхоза «Засижье» в Ивановской промышленной области нестерпимо воняло протухшим мясом, за неимением места для его хранения [21, с. 11]. Региональные издания тоже не замалчивали негативные факты.

При этом пресса не забывала рассказывать о положительном опыте решения той или иной проблемы. Например, газета «Пролетарский путь» рассказывала о том, что проблема кадров для столовых решалась организацией кулинарных курсов. Заметка сообщала, что на курсах занималось 31 человек, которые на практике в столовых осваивали навыки приготовления пищи [17, с. 4]. А газета «Коммуна» сообщала, что в Воронеже на заводе им. Дзержинского удалось организовать питание рабочих завода практически без очередей за счет сменности (все рабочие получили билеты трех цветов: красные, синие и зеленые) и организации работы официантов, которые накрывают заранее столы к обеду, осуществляют развоз блюд на тележках по столам [10, с. 3].

Широкое применение критики, сопоставления положительных и отрицательных примеров также можно отнести к составлению дихотомии бинарной оппозиции «свой – чужой». «Своими» в данном случае выступали положительные примеры организации общественного питания, а «чужими» - неудачные.

Следует обратить внимание на риторику, которую использовала пропаганда при обозрении работы столовых: «Цех питания», «37 млн. блюд в день», «Цех питания – это не только столовая». Таким образом, ставилась задача показывать процесс приготовления и потребления пищи как работу непрерывного цеха промышленного предприятия: как промышленные детали - готовые блюда выходят из-под рук поваров, сам процесс потребления еды тоже подобен промышленному производству: унифицирован, доведен до автоматизма и не занимает много времени. Исследователи Д. Д. Ющук и А. С. Бочкарева, касаясь специфики пропаганды времен гражданской войны, отмечают: «При формировании советской политической культуры все семантическое пространство пропаганды было задано развертыванием двух ключевых метафор — «строительство нового общества» и «фронт» - находящихся между собой в тесной взаимосвязи» [38, с. 281]. Фактически такую же специфику агитации можно отнести к периоду индустриализации. Только в данном случае слово «фронт» уже заменялось понятиями, обозначающими «промышленность», «цех», «индустриализация».

Борьба за систему общественного питания тесно смыкалась с еще одной проблемой— это борьба с пьянством и наркоманией. Советская власть в конце 1920-х годов встретилась с ростом алкоголизма и наркоманией. Причин тому было множество. В частности, низкие закупочные цены на зерно стимулировали рост самогонварения, крестьянам было выгоднее перерабатывать зерно в самогон, чем сдавать его государству. Также Н. Лебина отмечает, что росту потребления алкоголя способствовала политика борьбы с оппозицией в конце 1920-х: чувство нестабильности, желание уйти от необходимости решения проблем вызывало стремление найти забвение в алкоголе [26, с. 336]. Следует также отметить, что расширение продажи спиртных напитков стало источником пополнения государственного бюджета на нужды форсированной индустриализации (в 1929 году был впервые спущен

план по водке) [1, с. 255]. Однако проявлялась и другая сторона вопроса: беспробудное пьянство наносило серьезный урон хозяйству. Поэтому позиция власти в этом вопросе была двойственной: с одной стороны, продажа алкоголя приносила прибыль государству, а с другой стороны, человек, перешедший грань алкоголизма, уже не мог приносить пользу. Борьба за развитие системы общественного питания сопровождалась еще пропагандой замены рюмочных и пивных на чайные с залом-читальней. Нельзя не отметить рациональность и правильность этой цели, поскольку рабочие порой были не в состоянии разумно потратить свои заработанные деньги и их надо было учить проводить свой досуг. В Москве медики констатировали, что с ростом заработной платы росло и потребление алкоголя [26, с. 335]. Поэтому в прессе очень часто сообщения о работе столовых соотносились с сообщениями о борьбе за трезвый образ жизни. Опять же использовался традиционный прием: негативные факты должны были вызвать осуждение у читателей, положительные примеры – одобрение. Например, газета «Пролетарский путь» в заметке «Закройте пивную» сообщала, что закрытию всех питейных заведений были рады все семьи пьющих. Однако с открытием новой пивной на окраине города практически каждый день на ранее тихой улочке стали каждый день происходить драки [33, с. 5]. Осуждению также подвергались и факты формального подхода к агитации и пропаганде.

Например, газета «Коммуна» сообщала, что в городе Бугучар пропагандистскую литературу продавали в нагрузку к товарам, особенно комично выглядела продажа антиалкогольных книжек в нагрузку к водке [8, с. 5].

В качестве образцового варианта проведения досуга пресса рекламировала чтение газет, политической литературы, причем коллективное, игру в шахматы или другие настольные игры. Например, публикация «Не только столовая, но и культурный очаг» рассказывала о нижегородской столовой завода «Двигатель революции», в которой кроме питания рабочих был налажен и досуг: «Красный уголок с черными кругами репродукторов, концертная площадка с роялем. Все это обеспечивает развлечения столующихся, знакомство не только с «рабочим полднем»» [23, с. 19]. Нередко на страницах газеты как положительный пример размещали фотографии рабочих, коллективно читающих газеты.

Публикации о жизни рабочих также нередко касались проблемы алкоголизма. Четко проводилась мысль, что образцовым жилище в хорошем санитарном состоянии может быть только у непьющих людей. Уже упоминаемая выше публикация врача, осуждавшая коммунальную кухню, касалась и этой проблемы. В частности, автор отмечал, что жилье рабочих, злоупотребляющих алкоголем, грязно, комнаты темные, отсутствует нормальная мебель. В противовес этой мрачной картине автор рисовал другую: комната буквально блещет чистотой и наполнена солнцем, на столе ряды книг, труды Ленина, Горького, словари немецкого языка, книги по политграмоте. Хозяин комнаты на вопрос: «Вино пьете?» отвечает, указывая на книги: «Вот мое вино, иногда упиваюсь до поздней ночи» [16, с. 8-9].

Общественная пропаганда пыталась внушить людям, что алкоголизм – это болезнь, которая может подвергаться лечению. В этот период медицинские способы борьбы с этим недугом стали широко внедряться в практику. В стране стала формироваться сеть противоалкогольных диспансеров. В Москве в середине 1929 года работало уже 30 диспансеров [26, с. 337]. Поэтому публикации на страницах журнала «Культура и быт» были наполнены рассказами о работе больниц по лечению алкоголиков. И, как всегда, очень широко использовался прием публикации выступлений от лица трудящихся, которым удалось преодолеть этот недуг. Все такие выступления содержали традиционный мотив: до лечения у меня все было плохо, после лечения бросил пить и жизнь наладилась». Журнал «Культура и быт» опубликовал целую подборку таких откровений от лиц, бросивших пить именно благодаря лечению под говорящим названием: «Вернувшиеся к жизни». Так, один из авторов писал: «С 17 до 35 я пил водку как воду. Было время, когда в день выпивал по 5 бутылок. В 1927 году я узнал, что пьянство излечимо. Я начал просить врача, чтобы он направил меня в Ле-

нинград. Я попал в 17-й участок. В диспансере меня вылечили. С 1927 года я перестал пить, когда вернулся домой, то сразу организовал ячейку по борьбе с алкоголизмом» [15, с. 24].

Таким образом, пропаганда использовала различные приемы убеждения и агитации. Однако итоговые результаты были невелики. Полномасштабного перехода к общественному питанию именно как замены домашнего питания не произошло. Однако причина была не в ошибках пропаганды, а в том, что сама власть дала откат в политике полного перехода к общепиту. В 1934 году на XVII съезда ВКП (б) идея домов-коммун подверглась критике и официально была осуждена [27, с.150]. Представляется, что такой поворот был связан с тем, что власть осознала необходимость более широкого применения экономического стимулирования труда. К середине 1930-х годов происходит выделение элиты (партийной, научной и творческой), среди рабочего класса также происходит процесс выделения элиты за счет передовиков производства и ударников. Один из механизмов стимулирования передовиков производства проявился в жилищном строительстве. Как отмечает М. Г. Меерович, квартира становится инструментом социального стратифицирования [30, с. 270]. 25 марта 1932 года выходит постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О постройке домов специалистов», которым предусматривалось строительство домов для творческой элиты. При этом предусматривалось предоставление для каждой семьи отдельной квартиры с индивидуальной кухней. Таким образом, на уровне элитарного жилья происходит возврат к домашнему обеду с учетом индивидуальных вкусов потребителей. При этом в некоторых проектах организации такого элитарного жилья, которые поступали от граждан, проблема общественного питания рассматривалась как процесс удовлетворения индивидуальных запросов по системе ресторана. Например, тов. Герц Карлович Злотинский из Москвы в своем письме Микояну предлагал для министерских работников и работников наркоматов строить дома с круглосуточным пребыванием сотрудников, в которых совмещались бы жилые и рабочие кабинеты, условия для отдыха (кружки, спортивные площадки). В каждой квартире предусматривалось оборудование индивидуальной кухни, туалета, душевых. При этом автор проекта предусматривал устройство столовой с отдельными столиками на 4 человека со скатертями, цветами, на каждом столике фамилия обедающего, и число едоков с меню и заказами обеда и ужина на следующий день [3, л. 121]. Таким образом, несмотря на усиленную работу пропаганды, идея всеобщего общественного питания в столовых в головах граждан не закрепилась. Полной замены домашнего приготовления еды на систему столовского питания не произошло. В дальнейшем власть рассматривала задачу охвата общепитом только питания школьников и рабочих в обеденный перерыв. Более того, в общественном сознании посещение пунктов питания вне рамок рабочего времени рассматривалось как проявление буржуазно-мещанской психологии. Например, тов. Тышук К. В. из Ленинграда в январе 1969 года в ЦК ВЛКСМ о недостатках воспитательной работы среди молодежи писал: «Свободное время юноши и молодежь проводят в ресторанах, кафе, барах» [37, л. 134].

Подводя итог, следует отметить, что советская пропаганда использовала очень широкий арсенал приемов агитации и убеждения. Периодическая печать в этой системе убеждения выступала на переднем крае борьбы. Многие из этих приемов были универсальными и являются на сегодня классическими методами рекламы и убеждения и используются как в коммерческой, так и в политической рекламе. При этом целью рекламы было не просто изменить какие-то отдельные черты жизни, а фактически осуществить революцию быта. Важнейшей задачей на тот момент было вовлечение в сферу производства женских рабочих рук, что было невозможно без слома ментальных установок и системы бытовых практик, отказа от традиционного домашнего уклада, от домашнего питания и замены его системой общепита. В системе дихотомии «свой»-«чужой» чужим выступала старая коммунальная кухня с примусами или крестьянская изба с готовкой в отдельной кастрюльке или чугушке. При этом общепит рассматривался в идеологии советской власти как система общественного производства, выполняющая в первую очередь задачу пополнения энергетических ресур-

сов организма, причем одновременно большой массы людей, об учете индивидуальных особенностей, вкусах различных людей речи не шло.

Однако оценить успех данной агитационной компании очень сложно, поскольку перестройка таких рутинных бытовых практик требует достаточно больших временных ресурсов. А власть очень быстро сама сделала шаги назад, вернувшись к идее домашнего питания. И причина была не в том, что эта идея общественного питания не получила поддержки у населения, а в том, что власть увидела в системе дифференциации жилищных условий механизм стимулирования производительности труда. Поэтому обед в семейном кругу в собственной комнате стал атрибутом более успешной жизни.

Список источников и литературы

1. *Веселие Руси XX век: градус новейшей российской истории: от "пьяного бюджета" до "сухого закона"* (2007). М.: Пробел-2000. 476 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-3251. Оп. 28. Д. 795.
3. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 714.
4. ГА РФ. Ф. Р-6983. Оп. 1. Д. 159.
5. ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 185.
6. ГА РФ. Ф. 6983. Оп.1. Д. 74.
7. Климочкина А. Ю. (2006). *Бытовая культура советских горожан в 1930-е гг.* // Вестник СамГУ. № 10/1 (50). С. 86-93.
8. Коммуна. 1929. 30 мая.
9. Коммуна. 1930. 15 апреля.
10. Коммуна. 1930. 23 ноября.
11. Костюрина Н. Ю. (2006). *Досуг и быт нового советского города 1930-х годов: проекты и действительность* // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. № 3 (127). С. 148-155.
12. Кузьмина А. П. (2013). *Электрификация села на Урале в 1920-1953 гг.* // Уральский исторический вестник. № 1. С. 52-58.
13. Культура и быт. 1930. 13 июля.
14. Культура и быт. 1930. №15-16.
15. Культура и быт. 1930. № 4.
16. Культура и быт. 1930. Август. № 15-16.
17. Культура и быт. 1930. Апрель.
18. Культура и быт. 1930. Июль.
19. Культура и быт. 1931. 12.
20. Культура и быт. 1931. № 1.
21. Культура и быт. 1931. № 11.
22. Культура и быт. 1931. № 5.
23. Культура и быт. 1931. № 7-8.
24. Культура и быт. 1931. № 9.
25. Культура и быт. 1931. Февраль.
26. Лебина Н.Б. (2015). *Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю*. М.: Новое литературное образование. 482 с.
27. Лебина Н. (2012). *Советский дом-коммуна: Границы тела* // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. Вып. 23. М. С. 133-151.
28. Лившин А. Я., Ложкина А. С. (2012). *«Образ власти» и «образ другого» в 1930-е гг.: политические задачи и пропаганда* // Государственное управление. Электронный вестник. № 35. С. 2-27.

29. Лившин А. Я. (2019). *Советская пропаганда периода Великой Отечественной войны: образ врага и образ союзника* // Человеческий капитал. № 12 (132). С. 22-29.
30. Меерович М. Г. (2008). *Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937)*. М.: РОССПЭН. 300 с.
31. Митрофанов А. Г. (2019). *Коммунальная квартира: хроника советского быта*. М.: Молодая гвардия. 425 с.
32. Осипович М. (1931). *За социалистическую перестройку быта: Социально-бытовое и страховое обслуживание работниц*. М.: Сов. законодательство. 82 с.
33. Пролетарский путь. 1929. 18 октября.
34. Пролетарский путь. 1930. 1 апреля.
35. Пролетарский путь. 1930. 2 апреля.
36. Пролетарский путь. 1930. 5 апреля.
37. Российский архив социально-политической истории (РАСПИ). Ф. 1. Оп. 45. Д. 110.
38. Ющук Д. Д., Бочкарева А. С. (2017). *Социалистическая пропаганда и агитация в России в период революций и становления советской власти* // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". № 10. С. 277-288.

References

1. *Veseliye Rusi XX vek: gradus novejshej rossijskoj istorii: ot "p'yanogo byudzheta" do "suhogo zakona"*. [Veseliye Rus 'XX century: the degree of modern Russian history: from the "drunken budget" to the "prohibition"] (2007). Moscow, Probel-2000 Publ. (in Russian).
2. Klimochkina A. Yu. (2006). *Bytovaya kul'tura sovetskih gorozhan v 1930-e gg.* [Household culture of Soviet citizens in the 1930s.] in Vestnik SamGU, 10/1 (50), 86-93. (in Russian).
3. Kostyurina N. Yu. (2006). *Dosug i byt novogo sovetskogo goroda 1930-h godov: proekty i dejstvitel'nost'* [Leisure and everyday life of the new Soviet City of the 1930s: projects and reality] in Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 3(127), 148-155. (in Russian).
4. Kuzmina A. P. (2013). *Elektrifikaciya sela na Urale v 1920-1953 gg.* [Electrification of the village in the Urals in 1920-1953] in Ural'skij istoricheskij vestnik, 1, 52-58. (in Russian).
5. Lebina N. B. (2015). *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii: ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies: from Military Communism to the Grand Style]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian).
6. Lebina N. (2012). *Sovetskij dom-kommuna: Granicy tela* [Soviet house-commune: The boundaries of the body] in Teoriya mody. Odezhda. Telo. Kul'tura, t. 23. Moscow, 133-151. (in Russian).
7. Livshin A. Ya., Lozhkina A. S. (2012). *"Obraz vlasti" i «obraz drugogo» v 1930-e gg.: politicheskie zadachi i propaganda* ["The Image of Power" and "the image of another" in the 1930s: political tasks and propaganda] in Gosudarstvennoe upravlenie. El. vestnik, 35, 2-27. (in Russian).
8. Livshin A. (2019). *Sovetskaya propaganda perioda Velikoj Otechestvennoj vojny: obraz vraga i obraz soyuznika* [Soviet propaganda of the period of the Great Patriotic War: the image of the enemy and the image of the ally] in Chelovecheskij kapital, 12 (132), 22-29. (in Russian).
9. Meerovich M. G. (2008). *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917-1937)* [The punishment of housing: housing policy in the USSR as a means of managing people (1917-1937)]. Moscow, ROSSPEN Publ. (in Russian).
10. Mitrofanov A. G. (2019). *Kommunal'naya kvartira: hronika sovetskogo byta* [Communal apartment: chronicle of Soviet life]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ. (in Russian).

11. Osipovich M. (1931). *Za socialisticheskuyu perestrojku byta: Soc. bytovoe i strahovoe obsluzhivanie rabotnic* [For the socialist perestroika of everyday life: Social. household and insurance services for workers]. Moscow, Sov. zakonodatel'stvo. (in Russian).

12. Yushchuk D. D., Bochkareva A. S. (2017). *Socialisticheskaya propaganda i agitaciya v Rossii v period revolyucij i stanovleniya sovetskoj vlasti* [Socialist propaganda and agitation in Russia during the revolutions and the formation of Soviet power] in Electronic network polythematic journal "Scientific Works of KubSTU", 10, 277-288. (in Russian).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Горлов М. И.,
Коваленко П. Ю.,
Комаров В. П.
(Москва)

УДК 930.23

ПОЛИТИКА «КОНТРРЕФОРМ» АЛЕКСАНДРА III
В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
ДЛЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

С целью определения особенностей интерпретации политики «контрреформ» правительства Александра III в современных учебниках отечественной истории для высших учебных заведений авторами был осуществлен сравнительный анализ текстов указанных учебников и подтверждено влияние идеологических и научных установок на формирование стереотипов в отношении внутренней политики правительства Александра III. Таким образом, теоретическая значимость данного исследования состоит в определении идеологических, научных, социо-культурных и иных факторов, влияющих на оценку, характер и способы интерпретации внутренней политики Александра III в современных вузовских учебниках. Приведенные примеры текстов учебников по отечественной истории позволяют сделать вывод о том, что, с одной стороны, практически все упомянутые ниже авторы рассматривают период правления Александра III сквозь призму утвердившейся в отечественной историографии концепции «контрреформ», которая в самом общем приближении сводится к постепенному нивелированию последствий Великих реформ 1860-1870-х гг. С другой, приведенные примеры свидетельствуют об отсутствии единства в понимании учеными-историками целей и механизмов осуществления «контрреформаторской» деятельности российского правительства. Последнее обстоятельство является следствием незавершенности эволюционных процессов в самом российском обществе вообще и в сфере его государственной идеологии в частности, а значит, тема государственной политики Александра III сохраняет свою актуальность.

Ключевые слова: внутренняя и внешняя политика России конца XIX в.; «контрреформы» Александра III; идеология государственной политики; современные учебники истории для высшей школы.

In order to determine the specifics of the interpretation of the policy of "counter-reform" of the government of Alexander III in modern textbooks of national history for higher educational institutions, the authors carried out a comparative analysis of the texts of these textbooks and confirmed the influence of ideological and scientific attitudes on the formation of stereotypes regarding the internal policy of the government of Alexander III. Thus, the theoretical significance of this study consists in determining the ideological, scientific, socio-cultural and other factors influencing the assessment, nature and ways of interpreting the internal policy of Alexander III in modern university textbooks. The given examples of texts of textbooks on Russian history allow us to conclude that, on the one hand, almost all the authors mentioned below consider the period of the reign of Alexander III through the prism of the concept of "counter-reform" established in Russian historiography, which in the most general approximation amounts to the gradual leveling of the consequences of the Great Reforms of the 1860s-1870s. On the other hand, the examples given indicate the lack of unity in the understanding by historians of the goals and mechanisms of the implementation of the "counter-reform" activities of the Russian government. The latter circumstance is a consequence of the incompleteness of evolutionary processes in Russian society itself in gen-

eral and in the sphere of its state ideology in particular, which means that the topic of Alexander III's state policy remains relevant.

Keywords: internal and foreign policy of Russia at the end of the XIX century; "counter-reforms" of Alexander III; ideology of state policy; modern history textbooks for higher education.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-54-60

Одним из устоявшихся в отечественной историографии определений целого периода отечественной истории, связанного с правлением Александра III, является термин «политика контрреформ». В курсе лекций «Россия в XIX веке» [17, с. 313] Н. А. Троицкий дает подробную характеристику политической ситуации в Российской империи в интересующий нас период. Контрреформам посвящена целая глава, в которой не только дан глубокий анализ экономической, социально-политической и даже духовной жизни российского общества в период правления Александра III, но и - нелицеприятные характеристики главным политическим фигурам того времени, а прежде всего – самому императору, употребляя в его адрес такие выражения как «олицетворение реакции» и «царь-удав»; идейным же вдохновителем этой реакции являлся, по мнению Н. А. Троицкого, К. П. Победоносцев, а «главным деятелем» — Д. А. Толстой. Главным мотивом деятельности правительства, по мнению Н. А. Троицкого, было желание, в соответствии с интересами дворянства, пересмотреть «законодательные акты 60-70-х годов» [17, с. 315]. Однако осуществить желаемое немедленно правительство не решилось из-за страха «...перед «красным» террором народников» [17, с. 318]. Тем не менее, по мнению Н. А. Троицкого, реформы подверглись практически все Великие реформы Александра II: крестьянская, судебная, образовательная, земская. К тому же, происходило все это на фоне усиления полицейского режима. И все-таки, подводя итог «контрреформаторской» деятельности правительства Александра III, Н. А. Троицкий все-таки замечает, что период его правления нельзя назвать совершенно «беспросветным», поскольку «экономический прогресс» имел место быть, хотя и не такой, как можно было бы ожидать, исходя из открывшихся в 1861 году возможностей. Но прогресс этот, по мнению Н. А. Троицкого, был все-таки достигнут за счет ограбления бесправного большинства населения «привилегированным» меньшинством.

В курсе лекций «История России» под редакцией А. А. Радугина (2001 год) [6, с. 124] политическая ситуация в России в период правления Александра III выглядит несколько иначе: новый правительственный курс был направлен на противопоставление России «остальной Европе», культивировался национализм и «жесткий контроль» общественных движений. По мнению А. А. Радугина, «контрреформаторство» особенно сильно проявилось в гуманитарной сфере, а основу экономической политики Александра III составила идея поддержки «интересных», с точки зрения правительства, отраслей национальной промышленности, строгий контроль за банковской и биржевой деятельностью, а также преимущественное налогообложение государственных монополий. Также А. А. Радугин отмечает, что в период с 1860 по 1892 год в стране произошел подлинный демографический взрыв, поскольку население страны увеличилось на 53 миллиона человек. Однако этот позитивный процесс обернулся крестьянским малоземельем. Вызвано это было тем, что правительство «форсировало» вывоз хлеба за границу, что привело в 1893 году к голоду в отдельных губерниях.

В учебном пособии «История России. Теории изучения. Книга первая. С древнейших времен до конца XIX века» 2001 года издания [10, с. 157] Б. В. Личман указывает, что в провозглашенном Александром III политическом курсе проявилась идея «официальной народности» времен Николая I. Впоследствии в марксистской литературе этот курс получит наименование контрреформ, а в либеральной – «корректировки» реформ 1861 года. Прак-

тически же эта новая политика состояла в укреплении государства путем поддержки дворянского сословия, а точнее – экономической помощи помещикам.

Авторы учебника по истории России (редактор и руководитель авторского коллектива А. А. Чернобаев) продолжают советскую традицию характеристики правления Александра III как эпохи «контрреформ». При этом авторы понимают контрреформы именно как заранее спланированную и планомерно осуществляемую политику. Впрочем, авторы также замечают, что эта программа «контрреформ» оказалась в полной мере не осуществленной, поскольку в стране сложилась особая «социально-политическая обстановка» и поэтому многие задуманные контрреформы так и не были проведены [11, с. 211-212].

В учебнике «История России с древнейших времен до наших дней» А. С. Орлова, В. А. Георгиева, Н. Г. Георгиевой и Т. А. Сивохиной Александр III характеризуется как консерватор. Консерватизм императора выражался в приверженности неограниченному самодержавию, религиозности и русофильству. В результате итогом деятельности Александра III стало укрепление государственности и достижение социальной стабильности [9, с. 258].

В учебном пособии «Отечественная история (до 1917 года)» под редакцией профессора И. Я. Фроянова внутренняя политика России в рассматриваемый нами период объясняется не только личными взглядами Александра III, но и объективно сложившейся в стране политической ситуацией. Либеральные реформы Александра II «раскачали» внутриполитическую ситуацию в стране, трагическим итогом которой стали события 1 марта 1881 года. Что касается личных мировоззренческих позиций Александра III, то их отличительной особенностью авторы пособия считают «национальный уклон», который выражался в близости к позициям славянофилов и «национальной традиции» в целом [2, с. 228].

По-своему трактуют авторы данного учебного пособия политику контрреформ Александра III. По их мнению, «контрреформаторский» курс внутренней политики Александра III не был изначально predetermined. Более того, авторы вообще отказались от использования термина «контрреформы» при характеристике государственной политики в период правления Александра III, заменив его терминами «ревизия» и «новый курс» [2, с. 228-229].

Преимущественно с экономической стороны оценивают политику «контрреформ» авторы учебного пособия «История отечества» Дальневосточного государственного университета С. В. Плохих и З. А. Чеботаева [5]. Идейным вдохновителем этой политики авторы традиционно признают обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. При этом особо подчеркивается, что экономические достижения России в этот период были осуществлены вопреки этой политике. Так, например, авторы пособия полагают, что экономический подъём пореформенной России был осуществлён вопреки консервативной политике власти. Завершению промышленного переворота в 1880-е гг. способствовала государственная политика С. Ю. Витте [5, с. 65]. Таким образом, основные успехи России авторы связывают именно с «государственной политикой» С. Ю. Витте, а не кого-либо другого, в том числе и самого императора.

В «Курсе отечественной истории XIX-XX веков» под редакцией профессора Л. И. Ольштынского политические взгляды Александра III получают еще более жесткую оценку: «Он был сторонником неограниченного самодержавия, строгой религиозности и русофильства шовинистического уклона». По мнению авторов Курса, именно ближайшее окружение царя в лице К. П. Победоносцева, Д. А. Толстого и М. Н. Каткова «подталкивало» Александра III к «исправлению губительных реформ». И только сложная общественная обстановка, по мнению тех же авторов, «потребовала первоначально принять» меры по продолжению части реформ. Однако все это, согласно авторам Курса, было лишь мерами «умиротворения» крестьян и «либералов», поскольку вскоре контрреформы начались «по всем направлениям» [13, с. 148-149].

В учебном пособии «История России с древнейших времен до 1917 года», подготовленном коллективом автором Ивановского государственного энергетического университета под редакцией В. Ю. Халтурина, внутренняя политика России во второй половине XIX века

характеризуется как «карательная с видимостью уступок» [8, с. 198]. К числу «уступок» авторы пособия относят законы «О повсеместном прекращении временно обязанных отношений бывших крепостных крестьян» (1881 г.) и закон «Об учреждении Крестьянского поземельного банка» (1882 г.). При этом авторы пособия полагают, что эти уступки не заслонили истинных целей правительства Александра III, которые заключались в беспощадном подавлении недовольства крестьян и борьбе против «либерализма», что соответствовало интересам реакционных дворянских кругов [8, с. 200].

В. В. Артемов и Ю. Н. Лубченков – авторы учебника «История Отечества: с древнейших времен до наших дней» – начинают параграф 36 «Россия в правление Александра III» с традиционного для советской историографии сюжета о гатчинском заточении и об отсутствии у Александра III в начальный период его царствования четкой программы действий. И только Манифест 29 апреля 1881 г. знаменовал собой переход Александра III «от либерального к консервативному курсу», а главным направлением этого курса стала идея о «первенствующей роли дворянства». Дальнейшую политику Александра III авторы характеризуют как политику контрреформ, общая концепция которых сложилась к середине 80-х гг. [1, с. 221]. Также, по мнению авторов учебника, одним из результатов политики «административного произвола» Александра III стал голод 1891-1892 гг.

Полностью соответствует духу советской историографии учебное пособие «Отечественная история IX-XX вв.» Северо-Западного государственного заочного технического университета (авторы-составители: В. С. Измозик, Ю. С. Куликов, А. И. Лейберов, В. Л. Лещев, Б. В. Павлов, С. Н. Рудник). Правительственный курс Александра III авторы прямо именуют периодом контрреформ, который остался в истории как период борьбы с революционным движением, искоренением «крамолы» и пересмотра законов и достижений Александра II [15, с. 122]. Высокие темпы развития промышленности в рассматриваемый период истории России авторы связывают с созданием в стране рынка рабочей силы, «капиталов и товаров».

В учебном пособии «История России: век XIX» (авторы С. А. Есиков, А. А. Слезин и И. В. Двухжилова) внутренняя политика Александра III не характеризуется напрямую как политика контрреформ, но и здесь главным направлением деятельности Александра III называется «искоренение крамолы» и «успокоение общественности», что в итоге должно было способствовать укреплению самодержавия и сословного строя [3, с. 56]. Кроме того, по мнению авторов, власть воспринималась Александром III как собственность. Таким образом, «весь интеллект» страны Александр III «загнал в оппозицию» [3, с. 61].

В учебнике для вузов «История России» Ш. М. Мунчаева и В. М. Устинова прямо утверждается, что политика контрреформ Александра III закрыла путь демократическим преобразованиям и «свела на нет» достижения Великих реформ [14, с. 71]. Характерной чертой российской внутривнутриполитической жизни в период правления Александра III было «чередование реформ и контрреформ». Причину незавершенности реформ авторы видят в том, что только чрезвычайные обстоятельства могли заставить российских самодержцев вступать на путь реформ, поэтому на рубеже XIX-XX веков реформы оказались в тупике [14, с. 71-72].

В учебном пособии по отечественной истории под редакцией Р. В. Дегтяревой и С. Н. Полторака в отношении фигуры Александра III используется та же терминология: «консерватизм», «принцип неограниченного самодержавия», «русофильство» [16, с. 173]. Однако в характеристике авторами политики контрреформ появляются новые интонации. Так, например, авторы считают, что политика Александра III продолжала курс реформ, «модернизаторские» процессы продолжались, но фронт их был значительно сужен [16, с. 173].

В учебном пособии «История России XVIII-XIX веков» Л. В. Милова и Н. И. Цимбаева политический идеал Александра III сводится к убеждению в самобытности России, в основе которого – принцип «народного самодержавия». Именно поэтому Александр III смотрел на Россию как на «вотчину Романовых» [7, с. 634]. Также, по мнению авторов, го-

сударственная политика Александра III не отличалась последовательностью, а их «продворянский» характер противоречил ходу экономического развития, поэтому контрреформы Александра III не привели к заметным изменениям в политической и социальной сферах [7, с. 636].

В учебно-методическом комплексе «Отечественная история» Е. В. Илларионовой, А. С. Фоминой и С. А. Гуськова о внутренней политике Александра III упоминается лишь вскользь, в связи с характеристикой Великих реформ. В целом же, экономическим реформам середины XIX века в России присвоено определение «догоняющей модернизации по западному образцу», поскольку переход к индустриальному обществу уже был осуществлен в передовых странах Запада [4, с. 64].

В учебнике «История» И. Н. Кузнецова, рекомендованного также для студентов экономических специальностей, не только глубокого анализа, но даже упоминания о внутренней политике Александра III просто нет. При этом автор так оценивает развитие капитализма в России: чтобы иметь материальные возможности влиять на буржуазию, правительство использовало казенные предприятия, банки, железные дороги и т. п., чтобы путём льготных ссуд поддерживать дворянство [12, с. 143].

В. А. Фёдоров в книге «История России. 1861-1917», являющейся продолжением учебника под редакцией Н. И. Павленко «История России с древнейших времен до 1861 года», оценивает итоги внутренней политики самодержавия в 1880-90-х годах, занимает достаточно взвешенную, лишенную «крайностей» позицию. Так, например, «противоречивость» внутренней политики, выражавшаяся в «откате» к реакции путем «исправления» реформ 1860-70-х гг., была обусловлена отсутствием единства в правящих кругах, где наряду с реакционным направлением заметную роль играли оппозиционеры, выступавшие за «уступки духу времени» [18, с. 92-93].

Таким образом, подводя итог, можно выделить несколько направлений в понимании и оценке деятельности правительства Александра III в современных (постсоветских) учебниках истории для высших учебных заведений. Одни авторы, такие, например, как Н. А. Троицкий, Б. В. Личман, А. А. Чернобаев, В. В. Артёмов и Ю. Н. Лубченков, видят причину реакционной политики правительства в его зависимости от интересов дворянства (помещиков). Другие (А. А. Радугин, А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина) – во влиянии на правительственный курс консерваторов во главе с К. П. Победоносцевым. Третьи (как, например, И. Я. Фроянов) считают, что политика правительства Александра III складывалась под влиянием объективных обстоятельств (народовольческий террор) и вообще не была изначально predetermined. Сходного мнения придерживаются авторы учебного пособия по отечественной истории Северо-Западного государственного заочного технического университета, а также С. А. Есиков, А. А. Слезин и И. В. Двухжилова, которые склонны видеть в политике Александра III, прежде всего, борьбу с революционным движением и искоренение «крамолы». С. В. Плохих и З. А. Чеботаева, а также Е. В. Илларионова, А. С. Фомина, С. А. Гуськов, И. Н. Кузнецов рассматривают политику «контрреформ» преимущественно с экономической точки зрения и отмечают позитивное влияние консервативной части правительства на развитие в стране капиталистических отношений. Русофильской и даже «карательной с видимостью уступок» называют политику Александра III авторы учебников под редакцией Л. И. Ольштынского и В. Ю. Халтурина, а также Р. В. Дегтяревой и С. Н. Полторака. Ш. М. Мунчаев, В. М. Устинов, В. А. Фёдоров характеризуют политику Александра III как крайне непоследовательную и противоречивую, как бесконечное «чередование реформ и контрреформ», а Л. В. Милов и Н. И. Цимбаев – как политику «народного самодержавия».

Указанный спектр мнений свидетельствует о том, что на оценку интересующих нас событий заметное влияние все еще оказывает современная идеологическая ситуация в нашей стране, а значит, вопрос о роли и значении политики Александра III по-прежнему актуален и далёк от своего окончательного решения.

Список источников и литературы

1. Артемов В. В., Лубченков Ю. Н. (2004). *История Отечества: С древнейших времен до наших дней*: учебник для студ. проф. учеб. заведений. 6-е изд., доп. М.: Издательский центр «Академия». 360 с.
2. Дворниченко А. Ю., Кащенко С. Г., Флоринский М. Ф. (2002). *Отечественная история (до 1917 г.)*: учеб. пособие / Под ред. проф. И. Я. Фроянова. М.: УИЦ «Гардарики». 445 с.
3. Есиков С. А., Слезин А. А., Двухжилова И. В. (2005). *История России: век XIX*: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та. 192 с.
4. Илларионова Е. В., Фомина А. С., Гуськов С. А. (2008). *Отечественная история*: учебно-методический комплекс. М.: Изд. центр ЕАОИ. 369 с.
5. *История Отечества* (2002) / С. В. Плохих, З. А. Чеботаева. Владивосток: ДГУ ТИДОТ. 170 с.
6. *История России (Россия в мировой цивилизации): Курс лекций* (2001) / Сост. и отв. редактор А. А. Радугин. М.: Центр. 352 с.
7. *История России XVIII-XIX веков* (2006) / Л. В. Милов, Н. И. Цимбаев; под ред. Л. В. Милова. М.: Эксмо. 784 с.
8. *История России с древнейших времен* (2003) / В. Ю. Халтурин, С. П. Боброва, О. Е. Богородская, Г. А. Будник и др.; Под ред. В. Ю. Халтурина: учеб. пособие. Иваново: Иван. гос. энерг. ун-т. 340 с.
9. *История России с древнейших времен до наших дней* (2001). Учебник. Издание второе, переработанное и дополненное / Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. М.: ПБОЮЛ Л. В. Рожников. 520 с.
10. *История России. Теории изучения* (2001). Книга первая. С древнейших времен до конца XIX века. Учебное пособие / Под ред. Б. В. Личмана. Екатеринбург: Изд-во «СВ-96». 368 с.
11. *История России* (2001): учеб. для вузов / А. А. Чернобаев, И. Е. Горелов, М. Н. Зуев и др.; Под ред. М. Н. Зуева, А. А. Чернобаева. М.: Высш. шк. 479 с.
12. *История* (2013): Учебник для бакалавров / И. Н. Кузнецов. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°». 496 с.
13. *Курс отечественной истории IX-XX веков* (2002). (Основные этапы и особенности развития российского общества в мировом историческом процессе): учеб. пособие / Под ред. проф. Л. И. Ольштынского. М.: ИТ РК. 547 с.
14. Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. (2005). *История России*. М.: Издательская группа ИНФРА-М-Норма. 592 с.
15. *Отечественная история. IX-XX вв.* (2004): учеб. пособие. СПб.: СЗТУ. 343 с.
16. *Отечественная история* (2005): Учебное пособие / Под ред. Р. В. Дегтяревой, С. Н. Полторака. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гардарики.
17. Троицкий Н. А. (2003). *Россия в XIX веке*. Курс лекций: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Высш. шк. 431 с.
18. Федоров В. А. (2020). *История России 1861-1917 гг.*: учебник для вузов / В. А. Федоров, Н. А. Федорова. 5-е изд., испр. М.: Юрайт. 392 с.

References

1. Artemov, V. V., Lubchenkov, Yu. N. (2004). *Istoriya Otechestva: S drevneyshikh vremen do nashikh dnei* [History of the Fatherland: From ancient times to the present day] (A textbook for students of professional studies. Institutions). Moscow, Akademiya Publ. (in Russian).

2. Dvornichenko, A. Yu., Kashchenko, S. G., Florinsky, M. F. (2002). *Otechestvennaya istoriya (do 1917 g.)* [Russian History (before 1917)], textbook, edited by prof. I. Ya. Froyanov. Moscow, Gardariki Publ. (in Russian).
3. Esikov, S. A., Slezin, A. A., Dvukhzhilov, I. V. (2005). *Istoriya Rossii: vek XIX* [History of Russia: century XIX], textbook. Tambov, Tamb. gos. tekhn. un-t Publ. (in Russian).
4. Illarionova, E. V., Fomina, A. S., Guskov, C. A. (2008). *Otechestvennaya istoriya* [Russian History]. Moscow, Izd. tsentr EAOI Publ. (in Russian).
5. Plokhikh, S. V., Chebotaeva, Z. A. (2002). *Istoriya Otechestva* [History of the Fatherland]. Vladivostok, DGU TIDOT Publ. (in Russian).
6. *Istoriya Rossii (Rossiya v mirovoy tsivilizatsii): Kurs lektsiy* (2001). [History of Russia: Russia in the world civilization, course of lectures], comp. and the editor A. A. Radugin. Moscow, Tsentr Publ. (in Russian).
7. Milov, L. V., Tsimbaev, N. I. (2006). *Istoriya Rossii XVIII-XIX vekov* [History of Russia of the XVIII-XIX centuries], edited by L. V. Milov. Moscow, Eksmo Publ. (in Russian).
8. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* (2003). [The history of Russia since ancient times], ed. by V. Yu. Khalturin. Ivanovo, Ivan. gos. energ. un-t Publ. (in Russian).
9. Orlov, A. S., Georgiev, V. A., Georgieva, N. G., Sivokhina, T. A. (2001). *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The history of Russia from ancient times to the present day]. Moscow, PBOYuL L. V. Rozhnikov Publ. (in Russian).
10. *Istoriya Rossii. Teorii izucheniya* (2001). [History of Russia, theories of study], book one, from ancient times to the end of the XIX century, training manual, ed. by B. V. Lichman. Yekaterinburg, SV-96 Publ. (in Russian).
11. Chernobaev, A. A., Gorelov, I. E., Zuev, M. N. et al. (2001). *Istoriya Rossii* [History of Russia], ed. by M. N. Zuev, A. A. Chernobaev. Moscow, Vyssh. shk. Publ. (in Russian).
12. Kuznetsov, I. N. (2013). *Istoriya* [History], textbook for bachelors. Moscow, Dashkov i K°. (in Russian).
13. *Kurs otechestvennoy istorii IX-XX vekov* (2002). [The course of the national history of the IX-XX centuries], study guide, edited by prof. L. I. Olshtyn'sky. Moscow, IT RK Publ. (in Russian).
14. Munchaev, Sh. M., Ustinov, V. M. (2005). *Istoriya Rossii* [History of Russia]. Moscow, INFRA-M-Norma Publ. (in Russian).
15. *Otechestvennaya istoriya, IX-XX vv.* (2004). [Russian history, IX-XX centuries], textbook. St. Petersburg, SZTU Publ. (in Russian).
16. *Otechestvennaya istoriya* (2005). [Russian history], textbook, edited by R. V. Degtyareva, S. N. Poltorak. Moscow, Gardariki Publ. (in Russian).
17. Troitsky N. A. (2003). *Rossiya v XIX veke* [Russia in the XIX century], course of lectures. Moscow, Vyssh. shk. Publ. (in Russian).
18. Fedorov, V. A. (2020). *Istoriya Rossii 1861-1917 gg.* [History of Russia 1861-1917], textbook for universities, V. A. Fedorov, N. A. Fedorova]. Moscow, Yurayt Publ. (in Russian).

Мауль В. Я.
(Нижневартовск)

УДК 94(477.4)''18''

**« ... ПРИСЛАНА ИИСУСОМ ХРИСТОМ »
(КУЛЬТУРНЫЙ КАЗУС 1875 ГОДА В ЧИГИРИНСКОМ УЕЗДЕ)**

Актуальность темы обусловлена тенденциями развития исторической науки, вектор которых направлен в сторону изучения истории «маленьких» людей. Одним из совершенно забытых персонажей прошлого была простая крестьянка Настасья Лихошерстая. Впервые в историографии ее деятельность оказывается в сфере специального научного интереса и рассматривается на фоне длительных крестьянских волнений в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1870-е гг. Местом действия стало село Адамовка того же уезда. Главные действующие лица – сама Лихошерстая, несколько сотен сельских жителей, главным образом, женщин, волостной старшина и местный священник. Исследование проведено в рамках методов микроистории, дающих возможность рассмотреть объект изучения в событийных подробностях и смысловых оттенках. Источниковую базу исследования составили материалы официального делопроизводства, в том числе донесения волостного и уездного полицейского начальства в вышестоящие инстанции, а также отчеты Киевского ГЖУ в 3-е отделение императорской канцелярии. В статье показано, как изучение отдельного культурного казуса помогает по-новому взглянуть на отношение самих крестьян к реформе в государственной деревне на примере конкретного уезда Правобережной Украины.

Ключевые слова: Киевская губерния, Чигиринский уезд, село Адамовка, крестьянские волнения, культурный казус, Настасья Лихошерстая, август 1875 года.

The relevance of the topic is due to the trends in the development of historical science, the vector of which is directed towards the study of the history of "little" people. One of the completely forgotten characters of the past was a simple peasant woman, Nastasya Likhosherstaya. For the first time in historiography, her work is in the field of special scientific interest and is considered against the background of long-term peasant unrest in the Chigirin district of the Kiev province in the 1870s. The scene of action was the village of Adamovka of the same district. The main characters are Likhosherstaya herself, several hundred villagers, mostly women, a volost foreman and a local priest. The study was carried out within the framework of microhistory methods, which make it possible to consider the object of study in event details and semantic shades. The source base for the study was the materials of official records management, including reports from the volost and district police authorities to higher authorities, as well as reports from the Kiev GZhU to the 3rd department of the imperial chancellery. The article shows how the study of a separate cultural incident helps to take a fresh look at the attitude of the peasants themselves to the reform in the state village on the example of a specific district of Right-Bank Ukraine.

Keywords: Kiev province, Chigirin district, village of Adamovka, peasant unrest, cultural incident, Nastasya Likhosherstaya, August 1875.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-61-72

Для бывших казенных крестьян Чигиринского уезда, что в Киевской губернии, 1875 год остался в памяти чудовищными бедами, выпавшими на их долю, даже на фоне нескольких предшествовавших лет. В попытке сломить упорное сопротивление аграрным инновациям к ним «наслали войска, пехоту и кавалерию с приказанием довольствоваться водкой, говядиной и хлебом. Истязания розгами начались ежедневно», – вспоминали непосредственные очевидцы, после пережитых ужасов не находившие в себе

сил для перечисления подробностей «тех обид и того разорения, которое нам причинили: тех незаконных описать невозможно» [6, с. 149].

В горьких признаниях, прозвучавших из первых уст, не было ни малейшей доли преувеличения. Да и повод для них появился едва ли по случайному стечению обстоятельств. Реализация великой крестьянской реформы, конкретизированной царским указом от 16 мая 1867 г., обернулась для обездоленных чигиринцев ростом и без того немалых тягот и обременений. Используя административный ресурс, власть заставляла тружеников принять неприемлемые для большинства условия существования. От них в обязательном порядке, но, само собой, «добровольно», требовалось подтвердить подписью свое согласие с люстрационными актами нового межевания, после чего кабальные нормы незамедлительно вводились в жизнь. Между тем, недовольство крестьян вызывал несправедливый с их точки зрения порядок, при котором пахотная земля нарезалась сразу на целый двор (участок), а подати начислялись на каждую отдельно взятую душу. Отягощенная систематическими злоупотреблениями чиновников, люстрация, вопреки заявленным намерениям, привела к сокращению размеров крестьянских наделов, в состав которых, к тому же, включили пески и неплодородные земли, и, напротив, – к увеличению денежных поборов, преобразованных в выкупные платежи. Выгодный казне и немногим малолюдным хозяйствам принцип землепользования расколол сельский мир на две враждующие партии – подписавшееся под актами зажиточное меньшинство («актовики» или «участковые») и основная масса бедствующих, требовавших равномерного подушевого раздела («душевики»). Между ними нередко вспыхивали жаркие словесные перебранки, порой доходившие до выяснения отношений с помощью кулаков. Тотальному нажиму сверху деревенская беднота могла противопоставить лишь пассивный отпор, но уж на том твердо стояла почти целое десятилетие, не поддаваясь убеждениям правительственных землемеров и давлению местной администрации. Так продолжалось до середины 1870-х гг. С наступлением крайнего срока для ввода люстрационных актов отвечавшие за реализацию реформы инстанции отказались от дальнейшей имитации мирных уговоров и более не желали слышать крестьянских резов, взяв на вооружение методы силового принуждения. В деревнях появились воинские команды, начались массовые реквизиции и экзекуции, последовали судебные преследования и внесудебные расправы. Особенно сильно пострадали жители Шабельницкой волости, дольше других отказывавшиеся повиноваться мерам по «улучшению» крестьянского быта [12; 13; 21, с. 196-219].

В результате целенаправленных действий властей над не жировавшими и прежде чигиринцами навис великий страх голода. В рамках моральной экономики сельского хозяйства подобные экстремальные ситуации, как правило, заставляли деревню на время забывать об обычном человеческом милосердии. Для самосохранения крестьянских семей «от голодной смерти, прежде всего, старались спасти трудоспособных, для чего нередко отказывали в питании старикам и малым детям», а также женщинам [9, с. 383]. Они признавались лишними ртами и, чтобы уцелеть, в буквальном смысле побирались между дворами или в поисках куска хлеба насущного склонялись к воровству, мошенничеству и другим асоциальным поступкам. Изучая ментальность украинского селянства, историк О. О. Крижановская точно подметила: «Полуголодная жизнь, угроза голодной смерти будоражили общественную атмосферу в стране. Страхи, порожденные голодом, вселяли в многих отчаяние, которое часто толкало крестьян на акты стихийного протеста» [9, с. 385].

Как неоднократно бывало прежде и повсеместно, так и теперь, в Чигиринском уезде, спровоцированная реформой жизненная нестабильность вызвала резкие колебания психики социальных низов, а те, в свою очередь, стали катализатором эмоциональных переживаний чигиринцами менявшейся реальности и своего места в ней. При всем многообразии проявлений они укладывались в рамки имманентной сельскому населению традиционной «картины мира», причем традиционализм «как атрибут социетальной (присущей социуму) пси-

хики украинских земледельцев вряд ли можно признать чем-то слишком уникальным на фоне общеевропейской, а тем более российской истории» [23, с. 160].

Сказанное выше означает, что для адекватного понимания причин, хода и последствий тогдашних событий в бывших казенных имениях Правобережной Украины недостаточно исследовать материально-хозяйственное положение непосредственных производителей. Помимо этого необходимо углубиться в особенности социально-психологического климата в чигиринских деревнях и селах, поставленных на грань физического выживания, с сопутствующими взрывами враждебности [15]. Известно, что тяжелые времена всегда оживляли исконную народную веру в доброго царя-батюшку, в свете которой «государь-самодержец представлял своеобразным источником общего блага, неким носителем благополучия и олицетворением крайне важной для крестьян общественно-политической стабильности» [22, с. 124]. Не связывая свои беды с его именем, от него одного ожидали покровительства и заступничества, как это случилось в Чигиринском уезде при введении в действие люстрационных актов. Не случайно на сельском сходе в одной из непокорных волостей в мае 1875 г. его участники, обсуждая выкупную операцию, вслух усомнились в том, чтобы «государь император продавал государственную землю крестьянам и что нельзя допустить, чтобы государь настолько нуждался в грошах» [11, с. 73].

Не согласным с итогами люстрации чигиринским пахарям (убежденным православным монархистам) в голову неизбежно должны были закрадываться подозрения, будто всему виной государевы «изменники» – чиновники, да паны. При содействии полиции они скрывают «настоящие царские указы, способные к лучшему изменить их судьбу, подменяют фальшивыми или же неправильно их зачитывают». Именно об этом говорит распространенная среди украинских крестьян житейская мудрость: «цар хотів нам добро зробити та іродові пани переплутали по-своєму» [7, с. 156, 157]. Не стоит удивляться, что в тот период по Чигиринскому уезду прокатилась лавина соответствующих монархических слухов в самых причудливых их вариациях [14, с. 1325-1326; 15, с. 225-226, 229-230]. Реагируя на них, в июне 1875 г. чигиринский исправник М. В. Панкевич обеспокоенно докладывал киевскому губернатору Н. П. Гессе: «По всему видно, что ... крестьянами ожидается что-то неясное, неопределенное, чего они и сами не знают, но верят и ждут, что случится что-то такое, что должно послужить развязкой дела и непременно в их пользу» [11, с. 145].

Интересующий нас культурный казус приключился в конце августа того же года и был напрямую связан со сложившейся в уезде обстановкой. По сведениям из официальных источников, «крестьянка с. Тюнек Настасья Лихошерстая ходила по с. Адамовке с Евангелием, читая разные молитвы и проповедуя, что скоро явится в Адамовку начальство, "начнет рубить всем участковым головы"». Сбежавшейся толпе она прямо заявила: «Я послана от Бога – открыть правду». Взятая под стражу и доставленная, в конце концов, в Общее присутствие Киевского губернского правления, она после освидетельствования «установленным порядком» была «признана сумашедшею» [30].

Столь категоричное заключение опиралось лишь на то доказательство, что «рассказы ее не имеют логической связи между собою, мешают слова Евангелия с делом по поземельному устройству крестьян» [11, с. 168]. Однако профессиональная квалификация должностных лиц, ответственных за вынесение диагноза, заслуживает серьезных нареканий. 16-летний опыт участия «в заседаниях Особых Присутствий в провинции и в Петербурге» побудил известного юриста А. Ф. Кони к безрадостной констатации, что в данном вопросе никаких «гарантий правильности экспертизы не существует». Хотя, по его признанию, «закон и говорит, что исследование умственных способностей ... производится чрез Врачебную Управу, но в действительности, на практике, почти повсюду вопрос решается простым большинством голосов "врачебных" и "неврачебных" членов Присутствия». Последних он называл профанами, которые лишены «драгоценного свойства для суждения – опыта и практического навыка», а потому компенсировали их отсутствие «так называемым здравым смыслом» [5, с. 148, 149, 153, 154].

В психиатрической некомпетентности многих из тех, кто голосовал за наличие душевной болезни у Лихошерстой, заключалась лишь одна сторона проблемы. Еще более важное обстоятельство раскрывает знакомство с историей чигиринских беспорядков. Их изучение убедительно показало, что власть имущие уже давно не понимали символический язык традиционной народной культуры, характерной для украинской сельской глубинки. Иррациональная логика традиционализма, связывавшая воедино земное с небесным, была совершенно чуждой рациональному мировидению господ. Так что оставим оценку умственного здоровья Лихошерстой на их совести, тем более, что рядовым чигиринцам сумасшедшей она вовсе не показалась. Все ее слова и поведенческие «жесты» произвели, по отзывам полиции, «весьма нехорошее влияние на крестьян», которые «положительно уверовали, что женщина эта святая и говорит по откровению от Бога» [11, с. 169, 170]. Не усомнились они и в магической силе ее заступничества. По крайней мере, одна из местных жительниц убеждала собеседниц в том, «что с тех пор, как Божья Мать явилась ”тюньковской женщине” (Настасье Лихошерстовой), участь шабельницких крестьян облегчилась: солдаты более их уже не разоряют» [30].

В научной литературе на яркий и семантически насыщенный эпизод только однажды обращалось незначительное внимание. Имеется в виду диссертационное сочинение С. А. Тереховой, где около двух страниц отведено для фрагментарного пересказа событийной канвы сюжета. Назвав его героиню «блаженной» и «юродивой», соискательница, противореча сама себе, утверждает, что «подобный случай в тех драматичных обстоятельствах не был единичным» [22, с. 92-94]. Отсюда можно было бы ошибочно предположить, что в тот летний сезон Чигиринский уезд буквально заполнили толпы юродивых. Но, конечно, ничего подобного там не наблюдалось, ибо юродство, тем более женское, – достаточно эксклюзивный культурный феномен [4, с. 10].

Сделав спорный вывод, С. А. Терехова, по сути, приняла доводы губернских властей, усмотревших психическую патологию в сочетании рассказов Лихошерстой о сакральных видениях с ее же вполне внятные призывами, «чтобы крестьяне по примеру шабельницких требовали деления земель на души и проч.» [11, с. 169]. Будь картина произошедшего настолько незамысловатой, Лихошерстой надо было бы отвести место в одном ряду со многими ее земляками. На протяжении нескольких лет из уст в уста они передавали друг другу оптимистически-типовые слухи «о существовании какого-то Царского указа о всеобщем переделе земель, скрытого будто бы чиновниками и духовенством» [2, л. 110]. Так, например, посчитал и. д. губернского прокурора Д. Данилов, который в своем заключении, наравне с другими арестантами, обвинил Лихошерстую отнюдь не в религиозной экзальтации, а в «распространении ложных слухов» с целью возбудить крестьян к сопротивлению правительству [11, с. 224].

Между тем, уникальность казуса в том и состоит, что среди множества участников аграрных беспорядков Лихошерстая такая была одна – единственная и неповторимая. Все прочие уездные слухи и сплетни наряду с их распространителями относятся к явлениям родственного, но смежного порядка. Причем тезис о юродстве Лихошерстой, смотрящийся эвристически более перспективным на фоне банальности официального вердикта, тоже должен быть отвергнут [32]. Не понятно, на каком фактическом материале он вообще появился на свет, если Лихошерстая ни по каким параметрам не подходит ни под классический образ юродивых, ни под современных ей блаженных подвижниц Христа ради [4, с. 10-12; 19, с. 392-407; 28, с. 162-172]. Исправляя историографические изъяны и пробелы, попытаемся, насколько это возможно на основе имеющихся данных, реконструировать штрихи биографии Лихошерстой, а также хронологию и смысловое содержание августовского происшествия 1875 г.

Достигшая к тому моменту 28-летнего возраста, Настасья Евсеева Лихошерстая происходила из духовного сословия, родилась в с. Новоселицы Чигиринского уезда, рано училась азам грамоты. Осиротев еще в детские годы, позже переселилась в Тюньки и какое-

то время служила в доме тамошнего священника. В 16 лет вышла замуж за местного крестьянина, в браке с которым родилось трое детей. Материальное положение семьи поддерживалось за счет усадьбы и полевого хозяйства. Нрава она «была тихого, молчалива, угрюма, в свободное от работ время увлекалась чтением церковных книг, коих и найдено у нее на дому десять, получила их давно по наследству от бабки, в крестьянское дело не вмешивалась» [11, с. 169].

24-го числа, на второй день после возвращения с мужем из Чигирина с воскресной ярмарки, Лихошерстая вдруг «стала заговариваться», будто накануне видела то ли в самом городе, то ли «на дороге какого-то старика с черными крестами на руках, или же что слышала глас Божий, приказывающий ей идти в народ поучать истине», которую от них скрывают. Несмотря на усилия мужа, ему не удалось отговорить и удержать супругу от реализации навязчивых идей. Желание разобраться со звучащими в ней голосами побудило Лихошерстую 28 августа в первую очередь отправиться в Николаевскую церковь «к священнику села Тюнек» Г. А. Диаковскому, которого она «просила выслушать», в надежде услышать пастырский совет. Но «не дав окончить оной», сбежала из церкви с криками, что «свыше велят ей идти в Адамовку, снять там головы священнику, писарю и старшине» [11, с. 169]. Вечером и весь следующий день Лихошерстая, преодолев три версты расстояния, ходила по улицам соседнего села, рассказывая о собственных видениях и пророчествуя перед сотнями жителей (в основном женщинами) до тех пор, пока волостному старшине при содействии служителей клира не удалось ее арестовать. Наконец, 30 августа не без препятствий, чинимых ее почитателями, она все-таки была доставлена в Чигирин и передана уездному исправнику [30]. После чего препровождена в Киев, где вскоре последовали заседание Общего присутствия и пресловутое заключение – «умопомешанная». На этом основании государственный обвинитель, руководствуясь статьей 155-й «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», счел возможным дело о ней прекратить [11, с. 226].

Дальнейшая судьба Лихошерстой, к сожалению, неизвестна. В принципе, согласно российскому законодательству о душевнобольных [27, с. 92], ее могли поместить на лечение в какое-либо казенное заведение для умалишенных. В России XIX в. они были чем-то средним «между тюрьмой, богадельней и смиренным домом» и служили «больше полицейским целям, нежели делу излечения страждущих» [31, с. 381, 382]. Пребывание в них было нелегким испытанием для больного человека, а содержание его в частной лечебнице чревато немалыми расходами для родственников. Следует еще учесть, что в те времена представительниц слабого пола намного реже «решались удалить из семейства и сдать на чужие руки», считалось, что «с женщиной легче было управиться. Умалишенные мужчины попадали в заведения в значительно большем количестве, так как их было труднее и опаснее держать в доме» [31, с. 386]. Поэтому намного вероятней, что решением Присутствия Лихошерстую отдали под опеку мужу, на которого отныне и возложили нелегкое бремя пожизненного присмотра за недееспособной женой. В любом случае, подобно яркому метеориту, на мгновение ворвавшись в атмосферу большой истории, Настасья Лихошерстая сгорела в ней без остатка, но все-таки сумела оставить свой едва заметный след, пойдя по которому историк обретает шанс приблизиться к разгадке макроисторических процессов позапрошлого столетия.

Речи Лихошерстой, представшей в качестве рупора божественной воли, сводились к разъяснению крестьянам евангельской истины. Прямые обвинения в ее сокрытии были брошены в лицо волостному старшине Тыщенко и священнику Л. Ф. Яковлеву, которые, судя по всему, воспринимались не только олицетворением начальства в целом, но и как персональные виновники утайки: «отчего ты, старшина, людям правды не открываешь», – вопрошала Лихошерстая, вслед за которой и «все женщины стали кричать на старшину: ”зачем скрывает правду”». Суть же этой правды заключалась в необходимости твердо стоять на своем, не поддаваться давлению властей с их приспешниками («актовиками»), брать пример с шабельницких крестьян, которые «страдают и дадут защиту новому Иерусалиму».

Лихошерстая утверждала, что сидящие «в тюрьме по крестьянскому делу, страдальцы за общее дело и есть праведники, а все приставшие не на души погибнут» [11, с. 168, 169]. И поскольку ждать осталось совсем недолго, нужно «чтобы все держались до Семена», когда «последует деление земель на души» [30].

Бросающаяся в глаза полисемантическая онтология культурного казуса, тем не менее, осталась незамеченной представителями чиновной бюрократии, увидевшими в нем только то, что не противоречило их прагматично-рациональному кругозору: Лихошерстая «бунтует крестьян», «возбуждая умы», а «преследование и задержание ее возбуждает в них религиозный фанатизм и ропот» [11, с. 167, 168, 170]. Такая поверхностная причинно-следственная связь наглядно иллюстрирует глубину взаимного непонимания, словно противостоявшие стороны общались на разных языках. Для одних рассказы о видениях были галлюцинациями больной психики, для других – знаком высокой сакральной отмеченности. Логоцентристская трактовка действий Лихошерстой всего лишь как катализатора народного протеста обусловила уничижительное мнение о ее словах, дескать, она «толковала женщинам такие же нелепости» [11, с. 169]. Неспособность взглянуть на острую проблему под иным углом зрения доказывала, что губернской и уездной администрации, отвечавшей перед Петербургом за проведение аграрной реформы в регионе, было недосуг вникать в тонкости и нюансы «дремучей» крестьянской психологии. Проще было уверить себя в том, что нижайшие из нижайших в силу своей простоты и малоразвитости не способны понять мудрых «законоположений, относившихся к поземельному устройству» [2, л. 110], и дальше поступать в соответствии с намеченными культуртрегерскими планами.

В отличие от вершителей крестьянских судеб, историк не может оценивать былое, исходя из априорного признания превосходства «своего» настоящего над «их» прошлым, а потому не должен упрощать научный анализ сведением неизвестного ему феномена к привычным и знакомым понятиям. В рамках деконструкции смысловых кодов традиционализма для ученого обязательен отказ «от поучений в отношении контрагента», равно как и от высокомерных оценочных суждений. Добросовестному исследователю нужно «уважительно прислушиваться к "речи" людей прошлого», а значит, взглянуть на него «глазами своих "собеседников"» [27, с. 43-44]. Историографический опыт подтверждает, что эффективным инструментом для изучения смысловой полифоничности августовского казуса 1875 г. может стать равноправный «диалог культур», неотъемлемым условием которого является постановка рассуждений Лихошерстой в родной для них семиотический контекст традиционной культуры. Тогда они, наконец-то, обретают целостный и взаимосвязанный формат, где евангельские истолкования тесно сплетаются в стройную логическую цепочку с житейским опытом, народными поверьями, обычным правом и бытовым православием.

Прежде всего, отметим эсхатологические и хилиастические переживания говорившей. Они облечены в образ нового Иерусалима, взявшего на себя заботу о всеобщем спасении, поскольку там «смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» [17, с. 438]. Пророчества Лихошерстой непосредственно отсылали слушателей к новозаветному «Откровению Иоанна Богослова», подобно которому через глас Божий она также обрела право на сакральные откровения перед людьми. Как известно, в названной книге содержится библейское описание апокалипсиса, когда после и в результате светопреставления воцарятся людские беды и страдания. Не исключено, что симптомами приближающихся последних времен Лихошерстая называла тягостные изменения, к середине 1870-х гг. поставившие «душевилов» за гранью нищеты и, скорее всего, коснувшиеся ее собственной семьи. Полноценно характеризующим текущие уездные перемены ей мог казаться следующий пассаж «Откровения»: «Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святой да освящается еще» [17, с. 440]. Усиливая воздействие произносимых фраз ссылками на непререкаемый авторитет, шабельницких крестьян и всех земляков, страдающих за приверженность подушному землепользованию, она уподобляла христианским мученикам и называла правед-

никами, коим одним уготовано загробное спасение. В логике Лихошерстой их вроде бы незавидная участь коррелировала с известным текстом Нового Завета: «Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтоб искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» [17, с. 415].

Для понимания слов и дел Лихошерстой уместно вспомнить, что повседневный ритм тогдашней сельской жизни размерялся церковным календарем, в котором каждая из отмеченных дат символизировала особое, но не одинаковое значение для духовенства, с одной стороны, и опекаемой им паствы – с другой. Вместо упоминания конкретного числа и месяца принято было говорить: «на Покрова», «до Троицы», «на Петра», «страстную неделю», «в великом посту», «на масляной неделе», «после Пасхи» и т. д. [2, л. 70 об, 71, 112, 261, 262 и мн. др.]. Отражение сложившейся бытовой практики следует видеть в том, что для поучения крестьян евангельской истине Лихошерстой «невидимым гласом» было подсказано воскресенье 29 августа, на которое приходился праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи, отмечаемый всенощным бдением. Соответствующие службы должны были пройти и в Покровской церкви села Адамовка, насчитывавшей около 2,5 тысяч прихожан обою пола [18, с. 215].

Жизнеописание Иоанна Предтечи, – одного из наиболее чтимых святых в славянской народной традиции, подробно представлено на страницах евангелических текстов Нового Завета. На свой манер излагая заинтересованной публике слово Божие, Лихошерстая весь день не выпускала эту священную книгу из рук. С давних пор в заговорах и молитвах к Предтече «обращаются с просьбой об избавлении от нечистой силы, порчи», от «гнева начальства» и других напастей. Согласно эсхатологическим легендам, он предскажет пришествие Мессии, «первым из святых сойдет на землю перед концом света и будет убит; после его смерти явится Христос и наступит Страшный суд» [25, с. 421]. Такой имидж Иоанна Предтечи был созвучен мятущимся настроениям селян, окруживших Лихошерстую. Торжественное богослужение, вербализующее библейскую историю спасения человечества, с психологической точки зрения могло лишь умножить эмоциональный эффект речей Лихошерстой. Об этом говорит тот факт, что «женщины, слушая ее, плакали и собирались целой толпой», а после заутрени явились к адамовскому священнику «с обличениями, что он скрывает истину» [11, с. 169].

По мнению М. Б. Плюхановой, усеченная глава «в культе Предтечи – символ сложной семантической структурой ... Глава, продолжающая обличение после казни обличителя – символ грядущего возмездия» [20, с. 94]. Выбирая подходящие места из Евангелия, Лихошерстая с тем же обличительным пафосом грозила «приставшим не на души», как не выдержавшим соблазнов дьявольского искушения и поддавшимся власти не от Бога, погибелью нетленной души. В антитезе конечных судеб «праведников» и «грешников» одновременно заключалось предостережение адамовским жителям, которым надлежало усвоить преподанный урок и сделать окончательный выбор между «своими» и «чужими». Значимость острастки усугублялась указанием на то, что час расплаты уже близок, ибо сказал Господь: «Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его» [17, с. 440].

Вполне ожидаемо в центре уличных обсуждений находился актуальный вопрос о кормилице земле, нехватка которой стала результатом разорительной для чигиринских домохозяйств политики правительства. Наличием благой вести по этой насущной теме Лихошерстая мотивировала свое появление в Адамовке: она «прислана Иисусом Христом сказать всем душевым крестьянам, чтоб они собрались вокруг нее, так как она им хочет что-то разъяснить о земле» [30]. В предложенных толкованиях евангельские мотивы органично опирались на преданья старины глубокой о некогда единой социальной Правде. В былые времена она символизировала всеобщее равенство перед Богом. Была единая, да не сумели люди ее сохранить, и раскололась она на несколько правд. С тех пор настоящая Правда осталась при сырых и убогих, «богатые же и знатные зажили своей ”правдой”» [8, с. 134], а на

самом деле – ложью и неправдой. Не зря же Лихошерстая сочла нужным заострить внимание на том, «что их власти обманывают» [11, с. 168]. Акцентирование конкретных деталей социальной несправедливости согласовывалось с хорошо выученными фольклорными аксиомами, что «правда в постолах, а кривда в чоботях», что «мужича правда є колюча, а панська на всі боки гнуча». Тяготы последних горьких лет словно бы отзывались в сердцах обездоленных селян хрестоматийным унылым рефреном: «тільки то й Правди на світі, що смерть: вона не знає, хто бідний, а хто багатий» [8, с. 133, 134].

Под искомой Правдой народная традиция всегда подразумевала такое распределение земельной собственности, которое якобы изначально установлено свыше: Бог создал землю «для тех, кто работает на ней». Пиетет рядовых землепашцев перед трудовой собственностью уходил корнями в бездонную глубину веков. Поэтому в качестве бесспорного в их глазах аргумента они всегда опирались «не столько на теоретическое обоснование своих прав на землю, сколько на практику общественной и семейной жизни, то есть на обычное право» [8, с. 134]. Так и в 70-е гг. XIX в., не принимая обременительных условий люстрации, чигиринцы добивались душевого деления земли «не для того, чтобы давать ей пустовать или сдавать в аренду», как было свойственно зажиточным «актовикам», но чтобы самостоятельно трудиться на ней, а значит, досыта кормить себя и семью. «С мыслями о работе на собственных наделах» они, подобно братьям по нелегкому труду, «лелеяли надежды на улучшение и рост благосостояния, наконец, на счастливую жизнь» [23, с. 161-162]. Стандартная формула крестьянского утилитаризма отчеканилась в народном фольклоре: «Щоб лиха не знати, треба своїм плугом та на своєму полі орати» [16, с. 65]. В свете сказанного понятно, что для Лихошерстой тождество евангельской истины, как вселенской универсалии, и подушного порядка, как ценности локального микромира, представлялось несомненным. Объясняясь одно из другого, оно обретало силу идейного оружия для обоснования негативной реакции на результаты аграрной реформы и озлобленной неприязни к ее проводникам, союзникам и соглашателям.

Выстроенная Лихошерстой дуалистичная модель общественной стратификации не поднималась выше уездного уровня, чаще всего, ограничиваясь масштабами волости, и не замыкалась в узкие сословные рамки. Коль скоро она идентифицировала себя с посланницей Бога, в лагере «своих» по умолчанию предполагались и сам Господь, и его помазанник царь – надежные гаранты социальной справедливости. Перечисленный реестр «врагов» более приземлен и конкретен: он включал волостного старшину и писаря, адамовского священника и всех «участковых» крестьян скопом. Последние, по мнению Лихошерстой, повинны в приверженности подворному землеустройству, а остальные – в кощунственном утаивании «правды» («истины»). Интерпретация острых антагонизмов между «своими» и «чужими» возводилась Лихошерстой к категориям христианской нравственности [24, с. 544-545; 25, с. 99-100], закладывая фундамент под адекватное воздаяние каждому за их «грехи» или же «добродетели». Причем воздаяние происходит как бы в двойном измерении, – на том и на этом свете. В потустороннем мире волей Божьей грешников ждут адские мучения, праведников – вечное небесное блаженство и новый Иерусалим, куда смогут войти «только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» [17, с. 439]. Здесь же, в посюсторонней реальности, по утверждению Лихошерстой, «скоро явится в Адамовку начальство» (видимо, в них она полагала царевых слуг) и «начнет рубить всем участковым головы» [30]. Аналогичная кара ждет упомянутых членов волостной администрации и церковной иерархии [11, с. 169].

Вспомним, что появление Лихошерстой перед народом было приурочено к празднованию Усекновения главы Иоанна Предтечи. В день ритуальных священнодействий она грозила уже известным нам отступникам «снятием головы». Надо полагать, их прегрешения казались столь значимыми, что отменяли культурное табу на разговоры об острых и круглых предметах, напоминавших о мученической кончине Предтечи и могущих вызвать несчастья для нарушителей запретов [10, с. 494-495]. Озвученный посланницей Божьей спо-

соб наказания, мог порождать у внимавшей ей аудитории мысленные ассоциации с судьбой христианского подвижника. Однако само наличие сакральных аналогий вовсе не предполагало шансов «изменников» на искупление и спасение. Наоборот, в данном конкретном контексте нарочитое намерение лишить всех головы имело целью окончательный их «уход в небытие, плодотворный для будущего», и до некоторой степени символизировало грядущее возвращение вселенской Правды [20, с. 95, 96]. В отличие от них, находившиеся под прессом жизненных тягот, но не поддавшиеся сатанинскому соблазну «душевики», как уверяла Лихошерстая, будут вскоре вознаграждены вожделенным разделом земли «по душам». Осталось лишь дожидаться «до Семена».

В церковном календаре «Семенов день» посвящался преподобному Симеону Столпнику, приходился на 1-е сентября и исторически имел в народе репутацию «судного дня», когда встарь государем после соответствующих торжеств «разбирались такие дела, которых не могли решить наместники, приказчики, городовые и волостители. Такой суд назывался Судом Божиим, так как, по народному убеждению, то ведал Бог да Государь» [3, с. 124]. Прошедшие с тех пор столетия, вкупе с недавней отменой крепостного права, мало что изменили в монархических симпатиях украинской деревни. Венценосец по-прежнему воспринимался «грозным карающим началом, носителем правды, земным провидением» [22, с. 124]. В такой ипостаси он неявно присутствовал в речах Лихошерстой, как видно, уверовавшей, что небесной канцелярией «судный день» специально предназначен для «царской грозы», для окончательного выяснения всех счетов и обнуления прежних обязательств [10, с. 498].

В функциональном плане «Семенов день» начинал не только очередной сезонный цикл (осень), но и новый год (новолетие). Хотя сентябрьский календарь давно уже сменился январским, в народной памяти «Семену» по-прежнему отводилась почетная миссия «Летопроводца» [22, с. 121]. Когда-то в казацкие времена (Чигирин несколько десятилетий был гетманской столицей) «на Семена производили постриг молодых ребят и впервые сажали их на коней», а еще раньше в ночь с 1-го на 2-е сентября устраивался «базарный киевский праздник – ”Свадьба свечи” или ”Праздник свечи” («Весілля свічки», або «Свято свічки»)). По данным этнографов, встреча нового года превращалась в настоящий «карнавал огней на киевских базарах», там ставились елки, украшенные плодами нового урожая, на столах появлялись вкусные напитки с кушаньями, и гуляния не прекращались до утра [1, с. 160]. В устойчивых коллективных представлениях культурная семантика праздника раскрывалась в виде повторяющейся гармонии природного и социального обновления. Поэтому с приближением «Семена», после многих лет лишений, посулы Лихошерстой о близящемся восстановлении правильных порядков звучали многообещающе для всех селян, слышавших в ее словах глас Божий и не сомневавшихся, что правда на стороне страждущих. Благоговейный трепет перед трансцендентным могуществом соотносился с сокровенной библейской формулой: «Блажен читающий и слушающий слова пророчества сего» [17, с. 413].

Увы, как неоднократно бывало в прошлом, так теперь в 1875 г. на Чигиринщине, возвышенные мечтания простонародья разбились о суровую прозу жизни. Несущая людям благую весть проповедница, несмотря на поддержку ревностных защитников, оказалась в руках тех, кому только что грозила неотвратимым наказанием и, словно бы в отместку, заслужила от них пожизненное клеймо сумасшедшей. Но вынесенный ими квазимедицинский приговор не отменяет того факта, что понятия «психическая норма», «психическая девиация», «психическая патология» являются относительными, грань между ними необычайно прозрачной, а «их содержание варьируется от эпохи к эпохе, от одной культуры или общности к другой, даже от индивида к индивиду» [27, с. 43]. Результаты проведенного исследования на совокупности частных примеров подтвердили данное мнение. Удалось показать, что смысловое содержание неординарного августовского казуса латентно отражало столкновение двух непримиримых культурных парадигм. Взаимное непонимание как ментальный маркер эпохи аграрных перемен раз за разом провоцировало конфликтные ситуации

между властью и крестьянскими сообществами. Неспособность и неготовность слышать друг друга исключали возможность конструктивных дискуссий заинтересованных сторон. При изначально неравном раскладе победителем всегда выходил тот, кто мог реализовать силовой сценарий. Так произошло и в нашем случае.

На широком фоне пореформенных волнений казус Лихошерстой – один из малоизвестных и мимолетных эпизодов в истории чигиринских беспорядков, спрятавшийся в тени более приметных и массовых выступлений. Он не похож ни на какое из них, и, тем не менее, дополняет и продолжает их событийный ряд, свидетельствуя о богатстве крестьянского арсенала средств и методов борьбы за право на достойную жизнь.

Список источников и литературы

1. Воропай, О. (1958). *Звичаї нашого народу : Етнографічний нарис*. Мюнхен: Українське видавництво. 289 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 477.
3. Забылин, М. М. (2014). *Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия*. М.: Институт русской цивилизации. 688 с.
4. Ильин, А. Н. (2015). *Онтология женского юродства* // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 10. С. 9-13.
5. Кони, А. Ф. (1910). *Психиатрическая экспертиза и действующие законы (Речь при открытии съезда отечественных психиатров 27 декабря 1909-го года)* // Вестник Европы. Кн. 2 (февраль). С. 145-166.
6. Крестьянское движение в России в 1870-1880 гг.: сборник документов. М.: Наука, 1968. 613 с.
7. Крижановська, О. О. (2006). *Держава і церква в уявленнях селян Правобережної України доби скасування кріпосного права* // Проблеми історії України XIX - початку XX ст. Вип. 12. С. 155-165.
8. Крижановська, О. О. (2007). *Соціальні настрої та уявлення селян Правобережної України у 20-50-х рр. XIX ст.* // Український історичний журнал. № 2. С. 130-142.
9. Крижановська, О. О. (2009). *Страхи у ментальності українського селянства наприкінці XVIII – в середині XIX ст.* // Проблеми історії України XIX - початку XX ст. Вип. 16. С. 381-394.
10. Максимов, С. В. (1903). *Нечистая, неведомая и крестная сила*. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг. 526 [3] с.
11. Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875-1879 р.р.) / За ред. К. Гребенкіна. Харків: Видання Центрального архівного управління УСРР, 1934. 440 с.
12. Мауль, В. Я. (2021). *В цепи Великих реформ: казенная деревня на переломе (Чигиринский уезд, Киевская губерния)* // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. № 2. С. 56-68.
13. Мауль, В. Я. (2021). *Судьба казенных крестьян: ход и итоги великой реформы (Чигиринский уезд Киевской губернии)* // Проблемы аграрной истории России: Материалы IV Всероссийской научной конференции (памяти проф. В. М. Важинского), посвященной 160-летию крестьянской реформы в России 23.04.2021. Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского. С. 43-52.
14. Мауль, В. Я. (2020). *Чигиринские вольнодумцы в поисках крестьянской правды* // Quaestio Rossica. Т. 8. № 4. С. 1321-1334.
15. Мауль, В. Я. (2017). *«Чигиринский заговор» и крестьянская психология* // Quaestio Rossica. Т. 5. № 1. С. 221-240.
16. Мирошниченко, П. Я. (1999). *Культура русского и украинского крестьянства конца эпохи феодализма (1760-1861 гг.)*. Донецк: Изд-во ДонГИИИ. 244 с.

17. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. СПб.: Синодальная типография, 1910. 410 с.
18. Памятная книжка Киевской епархии. Историко-статистические сведения (1882) / Сост. А. В-нов и свящ. В. Антонов. Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого. 262 [3] с.
19. Панченко, А. М. (1999). *Юродивые на Руси* // Панченко А. М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб.: Юна. С. 392-407.
20. Плюханова, М. Б. (1995). *Сюжеты и символы Московского царства*. СПб.: Акрополь. 336 с.
21. Пойда, Д. П. (1960). *Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866-1900 гг.)*. Днепропетровск: Днепропетровск. обл. изд-во. 488 с.
22. Присяжнюк, Ю. П. (2001). *Віра українських селян в «добрих царів» після скасування кріпацтва* // Культура народов Причерноморья. № 24. С. 123-126.
23. Присяжнюк, Ю. П. (2007). *Українське селянство Наддніпрянської України: соціоментальна історія другої половини XIX – початку XX ст.* Черкаси: Вертикаль. 640 с.
24. Славянские древности: этнолингвистический словарь (1995) / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1 : А-Г. М.: Международные отношения. 577 с.
25. Славянские древности: этнолингвистический словарь (1995) / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 2 : Д-Ко. М.: Международные отношения. 689 с.
26. Терехова, С. А. (2016). *Революционеры-народники и идея «народного монархизма» (на примере «Чигиринского заговора»)»: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02.* Сургутский государственный педагогический университет, Сургут.
27. Усенко, О. Г. (2002). *Кто такой самозванец?* // Вестник славянских культур. № 5–6. С. 39–51.
28. Федотов, Г. П. (2000). *Собрание сочинений в 12 т. Т. 8: Святые Древней Руси*. М.: Мартис. 268 с.
29. Хлапов, А. Л., Камаев, И. А., Поздеева, Т. В., Иванов, М. А. (2013). *К вопросу о развитии российского законодательства XVIII-XX вв. о душевнобольных* // Российский психиатрический журнал. № 2. С. 89-93.
30. Чигиринское дело. (По официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 97. 16 августа.
31. Янгулова, Л. В. (2013). *Дома умалишенных в России : филантропическая психиатрия и политика гендера* // Журнал исследований социальной политики. № 3. С. 377-390.
32. Янгулова, Л. В. (2001). *Юродивые и Умалишенные: генеалогия инкарцерации в России* // Мишель Фуко и Россия: Сб. статей. СПб.; М.: Европейский университет; Летний сад. С. 192-211.

References

1. Zaby`lin, M. M. (2014). *Russkij narod. Ego oby`chai, obryady`, predaniya, sueveriya i poe`ziya* [Russian people. His customs, rituals, traditions, superstitions and poetry]. Moscow, Institut russoj civilizacii Publ. (in Russian).
2. П`in, A. N. (2015). *Ontologiya zhenskogo yurodstva* [Ontology of female foolishness] in Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 10, 9-13. (in Russian).
3. Koni, A. F. (1910). *Psichiatricheskaya e`kspertiza i dejstvuyushhie zakony` (Rech` pri otkry`tii s`ezda otechestvenny`h psichiatrov 27 dekabrya 1909-go goda)* [Psychiatric examination and current laws (Speech at the opening of the congress of domestic psychiatrists on December 27, 1909)] in Vestnik Evropy, 2 february, 145-166. (in Russian).
4. Maksimov, S. V. (1903). *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [Impure, unknown and cross power]. St. Petersburg, Tovarishhestvo R. Golike i A. Vil`borg. (in Russian).
5. Maul`, V. Ya. (2021). *V cepi Velikih reform: kazennaya derevnya na perelome (Chigirinskij uezd, Kievskaya guberniya)* [The Great Reforms: a State Village in a Time of Change (Chigirinskij uezd, Kievskaya guberniya)]

girin Uezd, Kiev Province)] in Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina, 2, 56-68. (in Russian).

6. Maul', V. Ya. (2021). *Sud'ba kazennykh krest'yan: hod i itogi velikoj reformy` (Chigirinskij uezd Kievskoj gubernii)* [The fate of state peasants: the course and results of the great reform (Chigirin district of the Kiev province)] in Problemy` agrarnoj istorii Rossii: Materialy` IV Vserossijskoj nauchnoj konferencii (pamyati prof. V. M. Vazhinskogo), posvyashhennoj 160-letiyu krest`yanskoj reformy` v Rossii 23.04.2021. Lipeck, LGPU imeni P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo Publ., 43-52. (in Russian).

7. Maul', V. Ya. (2020). *Chigirinskie vol`nodumcy v poiskah krest`yanskoj pravdy`* [Chigirin Freethinkers in Search of the Peasant Truth] in Quaestio Rossica, 4, 1321-1334. (in Russian).

8. Maul', V. Ya. (2017). «*Chigirinskij zagovor` i krest`yanskaya psichologiya* [The Chigirin Conspiracy and Peasant Psychology] in Quaestio Rossica, 1, 221-240. (in Russian).

9. Miroshnichenko, P. Ya. (1999). *Kul`tura russkogo i ukrainskogo krest`yanstva konca e`pochi feodalizma (1760-1861 gg.)* [The culture of the Russian and Ukrainian peasantry at the end of the era of feudalism (1760-1861)]. Doneck, DonGIII Publ. (in Russian).

10. Panchenko, A. M. (1999). *Yurodivy`e na Rusi* [Holy fools in Russia] in Russkaya istoriya i kul`tura: Raboty` razny`kh let. St. Petersburg, Yuna Publ., 392-407. (in Russian).

11. Plyukhanova, M. B. (1995). *Syuzhety` i simvoly` Moskovskogo czarstva* [Plots and symbols of the Moscow kingdom]. St. Petersburg, Akropol` (in Russian).

12. Pojda, D. P. (1960). *Krest`yanskoe dvizhenie na Pravoberezhnoj Ukraine v poreformny`j period (1866-1900 gg.)* [Peasant Movement in Right-Bank Ukraine in the Post-Reform Period (1866-1900)]. Dnepropetrovsk, Dnepropetrovskoe oblastnoe izdatel`stvo (in Russian).

13. *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* (1995) [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] pod redaktsiei N. I. Tolstogo. T. 1. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (in Russian).

14. *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* (1995) [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] pod redaktsiei N. I. Tolstogo. T. 2. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (in Russian).

15. Terekhova, S. A. (2016). *Revolucionery`-narodniki i ideya «narodnogo monarchizma» (na primere «Chigirinskogo zagovora»)* [Populist revolutionaries and the idea of "people's monarchism" (on the example of the "Chigirin conspiracy")] (doctoral dissertation). Surgut State Pedagogical University, Surgut.

16. Usenko, O. G. (2002). *Kto takoj samozvanec?* [Who is an impostor?] in Vestnik slavyanskih kul`tur, 5-6, 39-51. (in Russian).

17. Fedotov, G. P. (2000). *Sobranie sochinenij v 12 t. T. 8: Syaty`e Drevnej Rusi* [Collected works in 12 volumes. Vol. 8 : Holy Ancient Russia]. Moscow, Martis. (in Russian).

18. Khlapov, A. L., Kamaev, I. A., Pozdeeva, T. V., Ivanov, M. A. (2013). *K voprosu o razvitii rossijskogo zakonodatel`stva XVIII-XX vv. o dushevnobol`ny`h* [Concerning the development of Russian legislation in the 18th–20th cent. regarding the mentally ill] in Rossijskij psichiatricheskij zhurnal, 2, 89-93. (in Russian).

19. Chigirinskoe delo. (Po oficial`ny`m istochnikam) [Chigirin case. (According to official sources)] in Kievlyanin, 1877, 97, August 16. (in Russian).

20. Yangulova, L. V. (2013). *Doma umalishenny`h v Rossii: filantropicheskaya psichiatriya i politika gendera* [Mental Health Hospitals in 19th Century Russia: Philanthropic Psychiatry and Politics of Gender] in Zhurnal issledovanij social`noj politiki, 3, 377-390. (in Russian).

21. Yangulova, L. V. (2001). *Yurodivy`e i Umalishenny`e: genealogiya inkarceracii v Rossii* [Holy fools and the insane: the genealogy of incarceration in Russia] in Mishel` Fuko i Rossiya: sb. statej. St. Petersburg; Moscow, Evropejskij universitet; Letnij sad, 192-211. (in Russian).

Полухин О.В.
(Орел)

УДК 947

ЛИВЕНСКИЙ УЕЗД В ПЕРИОД ГУБЕРНСКИХ РЕФОРМ В XVIII ВЕКЕ

На протяжении всего XVIII в. Российская Империя стала ареной административно-территориальных преобразований. В 1708 г. была начата губернская реформа Петра I, в ходе которой государство было разделено на 8 губерний. В 1719 губернская реформа была преобразована, губернии были разделены на провинции, а провинции на дистрикты, в результате была создана трёхуровневая система административно-территориального деления. После некоторой относительной стабильности в середине столетия, во второй половине столетия губернская реформа была продолжена Екатериной II, в ходе которой количество губерний было увеличено с 23 до 50 и образованы наместничества, состоящие из нескольких губерний. В губернскую реформу Екатерины II в конце столетия внёс свои коррективы Павел I, который ликвидировал наместничества и уменьшил количество до 41 губернии. В статье исследуется история преобразований в XVIII в. административно-территориальных единиц будущей Орловской губернии, а также Ливенский уезд и его административного центра города Ливны. Значительное внимание уделено истории образования и становления города Ливен и его уезда как административно-территориальных единиц в губернской системе государства и проанализированы причины их преобразований.

Ключевые слова и фразы: Ливенский уезд, город Ливны, губерния, наместничество, провинция.

Throughout the XVIII century the Russian Empire has become an arena of administrative and territorial transformations. In 1708, the provincial reform of Peter I was initiated, during which the state was divided into 8 provinces. In 1719, the provincial reform was transformed, provinces were divided into provinces, and provinces into districts, as a result, a three-level system of administrative and territorial division was created. After some relative stability in the middle of the century, in the second half of the century, the provincial reform was continued by Catherine II, during which the number of provinces was increased from 23 to 50 and governorates consisting of several provinces were formed. In the provincial reform of Catherine II, at the end of the century, Paul I made his own adjustments, who eliminated the governorships and reduced the number to 41 provinces. The article examines the history of transformations in the XVIII century of the administrative-territorial units of the future Orel province - Livensky Uyezd and its administrative center of the city of Livny. Considerable attention is paid to the history of the formation and formation of the city of Lieven and its county as administrative-territorial units in the provincial system of the state and the reasons for their transformations are analyzed.

Keywords: Livensky county, Livny city, province, viceroyalty, province.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-73-81

На протяжении длительного времени складывалось административно-территориальное устройство нашего государства. История административно-территориального деления (АТД) проводит анализ объекта исследования во времени и в пространстве, и имеет прямую связь с такой дисциплиной, как история государства и права. Основными процессами АТД считается рост или сокращение административно-территориальных единиц (АТЕ), их укрупнение или разукрупнение. Как правило, указанные процессы происходят в ходе административно-территориальных реформ.

Данное исследование посвящено истории административно-территориальной единицы – Ливенского уезда и его центра г. Ливны во время административно-территориальных

преобразований XVIII столетия. В настоящее время территория бывшего Ливенского уезда большей частью входит в состав Орловской области, часть территорий вошли в состав современных Липецкой и Курской областей.

С целью укрепления обороноспособности Русского государства от военного конфликта с татарами, в 1586 г. на южных рубежах, на землях так называемого «Дикого поля», был образован новый субъект административно-территориального устройства – город-крепость Ливны, вокруг которого, был образован одноимённый Ливенский уезд. В дальнейшем уезд стал одним из густонаселённых с преобладанием сельскохозяйственной деятельности.

Считается, что предвестником губернской реформы Петра I стал Указ от 18 декабря 1707 г. № 2176 «О расписании городов на округа, кроме тех, которые во 100 верстах от Москвы до Киева...». Этим указом Ближней канцелярии поручалось произвести роспись городов к Азову, Архангельску, Казани, Киеву и Смоленску, кроме тех городов, которые находились в 100 верстах от Москвы [9, с. 397]. По этой росписи Ливны, которые на рубеже XVII-XVIII вв. входили в Белгородский разряд или военный округ, были приписаны к городу Азову.

Чтобы понять, как выглядели Ливны в начале XVIII в. приведём данные описной книги 1701 г., в которой указано, что «*Ливны острог, в нём 3 проезжих и 3 глухих башни, по мере около острога и башен 345 сажен*» [3, с. 194]. В тот период времени Ливенский уезд состоял из четырёх станов, сформированных ещё на рубеже XVI-XVII вв.: Красного, Серболова, Затруцкого и Мокрецкого. Название станов происходит от названий природных объектов. Так, Красный и Серболов станы получили своё название от одноимённых лесов, в свою очередь Серболов лес получил своё название от небольшого ручья, притока речки Ливенки, протекающего в той местности. Затруцкий стан получил название от своего расположения за р. Труды относительно Ливен. Мокрецкий стан был назван по гидрониму — речке Мокрец.

В ходе Петровской губернской реформы 1708 г. военные разряды были упразднены, а территория государства была разделена на восемь губерний, в том числе Киевскую и Азовскую, в которые вошли все города будущей Орловской губернии. Города Брянск, Карачев, Кромы, Мценск, Новосиль, Орёл, Севск, Трубчевск, приписанные из Смоленской губернии города Белёв и Болхов, а также приписанный из Азовской губернии город Ливны вошли в Киевскую губернию. В Азовской губернии из будущих орловских городов числились город Чернавск, также в числе городов приписанных к корабельным делам указан Елец.

По произведённой в 1710 г. переписи населения в Ливнах и Ливенском уезде Киевской губернии насчитывалось 4988 дворов, в них проживало 31386 человек: 15960 мужчин и 15426 женщин [4, с. 50-53].

Следующим шагом губернской реформы Петра I, стало разукрупнение губернии на административно-территориальные единицы низшего уровня – «доли», во главе которых стали выборные лица – ландраты. Первое упоминание о «доле» встречается в 1712 г., однако, вполне определённо о ландратах говорит указ 1713 г. Для усиления местной власти в 1715 г. появляются совершенно новые функции ландрата, которые становятся правителями определённой местности. Ландраты были введены повсюду, исключениями стали, так называемые «украинные города», где преследуя интересы военного ведомства, были оставлены коменданты, которые исполняли на местах и ландратские функции, а именно: финансовые, полицейские и судебные.

С целью устранения противоречий появившихся в результате переписей 1678 и 1710 годов, в 1715 г. правительством было принято решение о проведении новой переписи, получившей название ландратской, от наименования лиц её проводивших. Ландратская перепись, начавшаяся в Киевской губернии в 1716 г., продвигалась медленно и в 1719 г. сведений по губернии, куда в тот период времени относились Ливны, ещё не было. В Ливенской

провинции, по сообщению из Киевской губернской канцелярии, велено было переписное дело закончить царедворцу Василию Давыдову [4, с. 334-336, 349, 414-416]. Как стало известно в будущем, поручение по переписи Ливенской провинции исполнено не было. Даже в 1720 г. после принятия правительством жестких мер, когда в Санкт-Петербург стали поступать недостающие ландратские переписи, тем не менее, по Азовской губернии, к которой уже был причислен город Ливны, переписные книги по этому городу не поступили.

На какие пять долей была разделена Киевская губерния, в настоящее время ясности до конца нет, но, можно отметить, что в период долевого деления государства, территория будущей Орловской губернии была разделена на провинции: Карачевскую, Ливенскую, Севскую, Брянскую, Белёвскую, Орловскую и др. В частности, в 1718 г. Ливны являлись административным центром Ливенской провинции.

Согласно ведомости 1718 г., поданной в Военную Коллегию была обследована Ливенская крепость. Необходимо отметить, что на тот период Ливны указаны ещё как административный центр Ливенской провинции Киевской губернии: *«В Ливнах город стоячим острогом и в 1711 году, где имели быть слабые места, починены против прежняго; тайник из города к реке Сосне сделан заново. По городу одна башня, не крыта; около города с двух сторон ров вычищенный, в глубину двух сажень трехаршинных; с правой стороны города река Сосна, на востоке с левой стороны города река Ливенка, на полудень впала в Сосну; а вокруг того города меж башен стены 345 сажень без полусажени; 3 проезжие ворота; на тех воротах 2 башни о шести стенах; на одной вестовой колокол, весу в нем 8 пуд; 5 башен четырехстенных. В городе казенный погреб, выход каменный; над тем погребом сарай на столбах, крыты тесом, крышка ветха; в том же городе 5 житниц, на оных житницах крышка огнила...»*. Далее следует описание гарнизона, откуда становится известно, что службу несли 67 пушкарей, из них: годных – 41 человек, не годных – 26 человек; 57 стрельцов, из них: годных – 30 человек, не годных – 27 человек; 242 казака, из них: годных – 136 человек, не годных 106 человек и 2 воротников. Вооружён гарнизон был 15 пищальями в затинных станках и 4 пушками, в том числе: $\frac{1}{2}$ фунтовой медной пушкой, 2-х фунтовой и двумя 1-о фунтовыми чугунными пушками на волоковых станках [6, с. 11].

В 1719 в результате второго этапа губернской реформы Петра I город Ливны с округой был передан из Киевской в Елецкую провинцию Азовской губернии, в результате чего утратил свой статус провинциального центра в двухуровневой системе АД, и стал центром дистрикта, в трёхуровневой системе АД: губерния-провинция-дистрикт. Елецкая провинция являлась одной из пяти провинций Азовской губернии, с административным центром в Ельце и состояла из городов: Данков, Ефремов, Лебедянь, Ливны, Скопин, Талец и Чернавск. Таким образом, Ливны стали административным центром низшего звена — дистрикта, что естественно отразилось на его развитии. Только в 1727 г. дистрикты были заменены на уезды.

Анализируя карту территории Ливен картографов К. Бородавкина и Н. Соморокова на 1724 г. было установлено, что в Ливенском уезде числилось 68 сёл, в которых на тот период времени находились церкви. Красный стан состоял из 15 сёл, в Серболовом стане числилось 11 сёл. В самом многочисленном Затруцком стане числилось 33 села, а в самом малочисленном Мокрецком стане, в котором числилось 9 сёл.

Город Ливны Елецкой провинции Азовской губернии, а при отдаче Азова туркам, Воронежской губернии¹, располагался в 40 верстах от провинциального центра города Ельца. По ведомости Камер-коллегии в 1727 г. в городе действовал магистрат с бургомистром и ратманом, существовали крепостная контора с надсмотрщиком и двумя писцами. На тот период в Ливнах значились фискалы из дворянства Ларион Глотов и Иван Костромитинов. Тогда в Ливнах находился ям, в уезде числилось 75 церквей и 2 монастыря [3, с. 194-195].

¹ 22 апреля 1725 Азовская губерния была переименована в Воронежскую.

Указами Верховного Тайного Совета от 24 февраля и 31 марта 1727 г. были отправлены воеводы в 31 провинцию Воронежской губернии и в приписные города без воевод, в том числе в Ливны Елецкой провинции. После принятия городов воеводами, должности земских комиссаров и камериров были упразднены, а судебная власть передана воеводским канцеляриям. 25 июня 1727 г. в Ливны прибыл на службу воеводой жилец Ефим Никитович Елагин, который принял дела, кроме ссудных и розыскных у комиссара Бориса Подгорецкого. До него должность воеводы занимал некий Коробовский [17, с. 5, 16-20].

Согласно Переписным книгам 1748 г. в Ливнах числилось шесть слобод: Беломесная, Подгородная, Пушкарская, две Стрелецких и Черкасская, а Ливенский уезд, как и прежде, разделялся на четыре стана: Красный, Серболов, Мокрецкий и Затруцкий. В Красном стане числилось 16 сёл, 1 сельцо и 25 деревень; в Серболовом стане – 13 сёл и 19 деревень; в Мокрецком стане – 9 сёл и 11 деревень [12, д. 1731, л. 1-3], в Затруцком стане – 40 сёл, 1 сельцо и 32 деревни [13, д. 1732, л. 1192-1195].

О состоянии города Ливны с уездом в 1750 г. узнаем из его описания при размещении на зимние квартиры Тверского драгунского полка на территории Елецкой провинции Воронежской губернии. По распоряжению провинциальной канцелярии в Ливнах необходимо было поместить штаб и унтер-штаб с тремя ротами. В связи с указанным обстоятельством в городе стали подыскивать квартиры, но найти не смогли. В качестве причины было указано, что в городе проживают однодворцы и всякие разночинцы, и при отсутствии леса у обывателей *«избы черные и топят соломой»*. За неимением в Ливнах достойных квартир, места для постоя военных стали подыскивать в селениях Ливенского уезда. В результате штаб и унтер-штаб были размещены сёлах Дровосечном, Упалом Колодезе, Егорьевском, что на Сучьей Плоте, Куначе, Колпенском и д. Агарковой. Было указано, что эти селения стоят в стороне от дороги, при хорошей воде, *«у обывателей довольныя белыя светлицы и квартиры достойныя»* [17, с. 43-44].

В 1752 г. при очередной передаче города воеводой коллежским асессором Иваном Ергольским воеводе Ивану Дурову был составлен Росписной список Ливенского кремля с описью построек и имущества: *«Город Ливны строен острогом из дубового лесу, в нем пять башен, в том числе две проезжие, глухих три, и оной острог и башни огнили и верхи поволились и тайник к реке Сосне огнил же и заволился...»* [7, с. 298-299].

Согласно Указа от 11 октября 1764 г. № 12259 «Об учинении губернаторам, каждому в своей губернии, росписания о приписных городах и о всех уездах...» в Елецкой провинции Воронежской губернии числилось пять городов: Ефремов, Ливны, Данков, Лебедянь, Чернавск [11, с. 926-932].

20 февраля 1765 г. по Указу епископа Воронежского и Елецкого Тихона консистория слушала доклад казначея Ливенского Сергиевского монастыря о состоянии дел в состоящих за штатом Ливенских монастырях — Сергиевском и Николаевском девичьем. На тот период имущество монастырей было переписано. Согласно переписи в Сергиевском монастыре состояло три иеромонаха и один монах, приписаны были к Сергиевской церкви — поп, дьякон, дьячок, сторож и 53 крестьянских двора, а в них 316 душ мужского пола и 302 души женского пола. В Николаевском монастыре значилась одна игуменья, к Николаевской церкви были приписаны — поп и 66 приходских дворов, в них 189 мужчин и 201 женщина. 13 марта 1766 г. преосв. Тихоном было принято решение об упразднении указанных монастырей и переводе монастырских храмов в приходские церкви. Главными причинами упразднения монастырей были указаны недостатки монашествующих лиц и доходов [5, с. 187-188]. Необходимо отметить, что в Сергиевском монастыре существовало училище, для обучения детей священников и церковных служителей Ливенского и Чернского уездов. Училище было разделено на три школы или класса: словесную, письменную и нотную [8, с. 415-416].

В 1766 г. Ливенский уезд Елецкой провинции Воронежской губернии являлся самым густонаселённым уездом в провинции с количеством населения 55055 человек, опережая

более чем на 7500 человек административный центр провинции Елец, в котором числилось 47348 человек. Необходимо отметить, что из всех городов будущей Орловской губернии Ливны, по количеству жителей, в тот период, уступали лишь Орлу, Брянску и Севску [16, с. 99-101].

Необходимо отметить, что по сравнению с количеством населения в начале губернской реформы Петра I на 1710 г., когда в Ливенском уезде состояло 31386 душ обоего пола, по состоянию на 1766 г. оно увеличилось более чем на 23600 душ.

В 1774 г. Ливны были подвержены очередному большому пожару, который полностью уничтожил в городе все деревянные здания и строения в крепости [2, с. 253].

Следующая страница истории Ливен и его уезда относится ко времени губернской реформы Екатерины II. 19 сентября 1777 г. началось распределение местностей Елецкой провинции в наместничества, в результате в тульское наместничество из Елецкого уезда было отчислено 6200 ревизских душ. После учреждения Орловского наместничества из 13 уездов, в него были причислены в числе других города Елец и Ливны с уездами и лежащим между ними г. Чернавском. Одновременно произведено переформирование Ливенского и Елецкого уездов, из первого в Белгородскую губернию были переданы до 10000 душ предназначенных для Курского наместничества, из второго передано в Воронежскую губернию 18000 душ.

Одновременно с переводом населения южной части уезда, разукрупнение Ливенского уезда было продолжено. Из состава уезда была выведена территория Затруцкого стана, за счёт которой был образован Малоархангельский уезд. Тогда же село Архангельское было переименовано в город Малый Архангельск (Малоархангельск). После этих разукрупнений Ливенский уезд уже стал значительно меньше по занимаемой площади и населению по сравнению с тем, каким был в начале и середине XVIII в.

Согласно утверждённому 6 сентября 1778 г. штату Орловской губернии в административном центре Ливенского уезда – городе Ливны, значилось правление городничего, в котором числился городничий 8 класса. В уездном центре состояли присутственные места: суд, казначейство, дворянская опека, нижний земский суд, городской магистрат, нижняя расправа. Штат присутственных мест предусматривал следующие должности: в уездном суде – уездный судья 8 класса, 2 заседателя 9 класса, секретарь 14 класса; в уездном казначействе – уездный казначей 9 класса, 4-е присяжных из отставных унтер-офицеров; в дворянской опеке – протоколист 14 класса; в нижнем земском суде — земский капитан или исправник 9 класса, 2 дворянских заседателя 10 класса, 2 сельских заседателя, секретарь 14 класса; в городском магистрате – 2 бургомистра 12 класса и 4 ратмана 13 класса; в нижней расправе — расправный судья 9 класса, 4 заседателя и секретарь 14 класса. В уезде числились по штату: землемер, стряпчий 11 класса, доктор, лекарь, 2 подлекаря и 2 ученика лекаря. Кроме того, при уездном правлении числилось 34 воинских чина, из них: подпоручик, сержант, 3 капрала, 28 рядовых и барабанщик.

В 1777 г. в Ливнах на средства от казны, на месте засыпанного вала, были построены две деревянных избы, одна из которых для уездного суда, другая для прочих присутственных мест. В 1779 г. казённых домов в городе ещё не было [1, с. 20].

21 января 1779 г. было открыто Орловское наместничество. Присутственные места в уездах необходимо было открыть к 11 февраля.

14 марта 1780 г. был утверждён план города Ливны. Согласно плану предполагалось построение прямых кварталов с каменными и деревянными казёнными, публичными и обывательскими домами взамен искривлённой сетки старых улиц. Устанавливались места для торговых лавок, кузниц, присутственных мест и другого казённого строения. Границы города рекомендовалось обнести валом и рвом [11, с. 231].

16 августа 1781 высочайше утверждён герб города Ливны. В верхней части изображался герб Орловской губернии, а в нижней – *«три летящие перепелки в золотом поле, которыми сия страна обильно изобилует»* [11, с. 61].

С 1784 г. началось исполнение утверждённого плана. Крепостные валы были срыты, рвы засыпаны, в результате чего признаков кремля не осталось вообще, кроме потайного колодезя. На месте валов и рвов расположилась торговая площадь, сад и некоторые новые здания. На болотах, примыкавших к Ямской слободе, была выстроена лучшая улица — Соборная, на месте Ямской улицы, параллельно Соборной была выстроена Казанская улица, обустроенная каменными строениями. Места по плану нового города раздавались под застройку лицам, преимущественно торгового класса — купцам и мещанам. Олнодворцам, ямщикам, войсковым обывателям (черкасам), крестьянам, земледельцам селиться было запрещено, с целью избежания постройки в городе гумен, а также складов соломы и сена. В торговых рядах были построены 31 лавка, в овсяном и дегтярном рядах построили 28 лавок, было открыто 6 харчевен. В 1785 г. Орловским купцом Новиковым в Ливнах был первый трактир и несколько погребков, в которых торговали водкой, пивом и вином [1, с. 20-21].

В 1787 г. проводилось топографическое описание Орловского наместничества, в том числе г. Ливны с его уездом. Из этого описания следует, что Ливны на тот период имели в длину 1,5 версты, в ширину — 1 версту, и был разделён на 3 улицы и 36 переулков. В городе не сохранилось остатков и признаков прежних укреплений. Строения в городе изрядные, но все деревянные и практически не разделённые друг с другом. В городе значились присутственные места: духовное правление Воронежской епархии, уездный суд, нижний земский суд, дворянская опека, правление городничего и казначейство. Все места были открыты 5 февраля 1779 вице губернатором Балашовым, за исключением духовного правления, открытого ранее. В городе числилось 12 приходских храмов, 9 каменных и 3 деревянных. В числе публичных строений значились: каменная казённая Палата для хранения денежной казны, каменный казённый магазин. Домов в городе числилось 725, в их числе: деревянных дворянских — 3, мещанских — 22, церковнослужителей, приказных, солдатских, ямских, и прочих — 700. Помимо этого числилось 13 питейных домов, 1 соляная стойка, 10 лавок на каменных погребках, 60 лавок на каменных фундаментах, 12 деревянных харчевен, 1 герберг². В городе числилось 2814 жителей мужского пола (купцов, мещан, священно и церковнослужителей, приказных и прочих разночинцев). В уездном центре существовало три еженедельных торга — в среду, пятницу и воскресенье. На торги съезжались городские и сельские жители и торговали хлебом и домашними изделиями. В связи с малым количеством в городе купечества, торговлю осуществляли олнодворцы и войсковые жители. Кроме того, в Ливнах после десятой пятницы бывали три небольшие ярмарки. Ремесло в городе в основном кузнечное, для сельского хозяйства [15, д. 18903, л. 38-38об., 40].

Согласно топографического описания на 1787 г., в уезде числилось 50 храмов, из них 9 каменных и 41 деревянный, монастырей как штатных, так и за штатных не значилось. В уезде состояло 86 помещичьих селений, из них: 12 сёл с господскими дворами, 14 сёл без господских дворов, 6 селец с господскими дворами, 48 деревень, 4 хутора, 1 слободка подгородная войсковых обитателей и 1 слободка крестьян Экономического ведомства. Олнодворцы состояли в 91 селении, из них: 39 сёл, 47 деревень, 5 хуторов. Итого в Ливенском уезде числилось: 41 село, 6 селец, 95 деревень, 1 соляная стойка, 9 питейных домов. Уезд заслуживал внимание тем, что земли в нём были наилучшие к урожаю хлеба. Жители уезда в основном хлебопашцы, которые сбывали свою продукцию в своём и соседних городах, а также в Москве. Ливенский уезд граничил с Елецким и Малоархангельским уездами Орловского наместничества, а также с уездами Тульского, Воронежского и Курского наместничествами [15, д. 18903, л. 40-40 об.].

По данным 5-й ревизии, состоявшейся в Ливнах и Ливенском уезде в 1795 г., численность города составляла 12952 жителя обоого пола, в Ливенском уезде проживало 90293 жителя, а всего в городе и уезде проживало 103245 человек, из них: 52450 мужского пола и

² Постоялый двор с трактиром.

50795 женского пола [14, д. 944, л. 1]. Очевидно, что по сравнению с данными на 1766 г. население уезда увеличилось более чем в два раза, причём необходимо учесть, что по площади уезд значительно уменьшился в ходе реформы 1778 г.

В конце 1796 г. на престол Российской Империи вступил Павел I, который вместе со своими помощниками видели недостатки губернской реформы Екатерины II, в том числе в местном управлении. Придерживаясь политики централизации и финансовой дисциплины, правительство Павла I считало необходимостью проведение новой губернской реформы. В этой связи, указом Павла I от 12 декабря 1796 г. в государстве была проведена укрупнительная губернская реформа, в результате которой были ликвидированы наместничества и образовано 40 губерний. В уездах Павлом I были упразднены 2 учреждения — городской магистрат и нижняя расправа; остались без изменения: уездный суд, казначейство, чины технического надзора и медицины, а также городничий, где не было положено быть коменданту. Также уменьшился штат нижнего земского суда, были упразднены заседатели.

12 декабря 1796 г. ликвидировано наместничество и утверждена Орловская губерния. В 1797 Малоархангельский уезд был ликвидирован, а его территория вновь вошла в территорию Ливенского уезда, при этом город Малоархангельск считался заштатным без уезда. Однако 24 апреля 1802 г. заштатный город Малоархангельск был восстановлен, и к нему приписана территория бывшего одноимённого уезда.

Подводя итоги положения Ливен и Ливенского уезда в XVIII столетии, в период губернской реформ, необходимо отметить, что исследуемые административно-территориальные единицы в полной мере коснулись преобразований практически на каждом этапе реформирования. В предреформенном положении Ливны входили в Белгородский военный округ и были приписаны к городу Азову. В ходе губернской реформы Петра I, Ливны были причислены к Киевской губернии. В продолжение реформы Ливны и Новосиль составили одну Ливенскую провинцию, существовавшую до 1719 г. На втором этапе Петровской реформы Ливны были отнесены к Елецкой провинции Азовской, а позже Воронежской губернии.

Почему в 1719 г. Ливны, на тот период город, превышающий по численному составу дворов Елец, вошёл в состав именно Елецкой провинции можно лишь предполагать. Вероятно, основной причиной послужило то, что Ливны были ближе всего к Ельцу, нежели к провинциальным центрам Киевской губернии — Белгороду, Орлу или Севску. Города Ливны и Елец были связаны друг с другом помимо сухопутного пути, и одним водным сообщением — рекой Быстрой Сосной. Кроме того, необходимо учесть, что Елец являлся стратегически более важным объектом лично для Петра I.

В 1724 г. территория Ливен была огромной, она состояла из современных территорий Ливенского, Краснозоренского, Должанского, Малоархангельского, Копнянского районов Орловской области, частей районов Верховского и Покровского Орловской области, Измалковского Воловского и Тербунского Липецкой области, а также некоторых районов северной части Курской области.

Преобразования 1727 г., когда дистрикты были заменены уездами, отразились и на Ливенском уезде, в уездном центре стали появляться уездные административные учреждения.

Указом от 5 сентября 1778 г. было учреждено Орловское наместничество из 13 уездов, в него был причислен и Ливенский уезд с городом, в последнем были учреждены присутственные места. Во времена губернской реформы Екатерины II Ливенский уезд был разукрупнён, из его территории была исключена территория Затруцкого стана, которая вошла в состав образованного Малоархангельского уезда, часть территорий были переданы в состав Курского наместничества. После этих разукрупнений Ливенский уезд уже стал значительно меньше по площади и населению по сравнению с тем, каким был в начале и середине XVIII в.

Окончательные преобразования в XVIII в. коснулись Ливенского уезда в период губернской реформы Павла I, здесь главным образом был изменён штат уездного управления. Территория уезда вновь увеличилась, в связи с упразднением Малоархангельского уезда, территория Затруцкого стана была возвращена в состав Ливенского уезда.

Четыре указанных выше стана сохранялись в Ливенском уезде практически до конца XVIII в. Указом Министерства внутренних дел от 7 августа 1797 г. по предложению Экспедиции государственного хозяйства в государстве была введена низшая инстанция управления государственными крестьянами – Волостное правление государственных крестьян. Согласно указу в волости предлагалось установить численность населения не более 3000 ревизских душ, название волости именовать по главному селению, в котором учредить волостное правление. Волостное правление состояло из выборного главы, старосты и писаря и т.д.

Таким образом, на примере отдельно взятого уезда можно проследить не только изменения территориально-административных границ, но и влияние изменений на социально-экономическое положение, как уезда, так и населенных пунктов входящих в него.

Список источников и литературы

1. Артемьев, А. (2003). *Город Ливны и Ливенский уезд Орловской губернии* // На берегах быстрой Сосны. № 16. 108 с.
2. Воротникова, И. А., Неделин, В. М. (2016). *Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости юга России*. Том 2. Книга 1. М.: Индрик, 556 с.
3. Кириллов, И. К. (1977). *Цветущее состояние Всероссийского государства*. Москва: Наука. 444 с.
4. Клочков, М. В. *Население России при Петре Великом по переписям того времени. Переписи дворов и населения. (1678–1721)*. Т. 1. СПб, 1911. 435 с.
5. *Материалы для истории Воронежской епархии* // Воронежские губернские ведомости. № 17. 1862. С. 187-191.
6. Мышлаевский, А. З. (1897). *Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году*. Санкт-Петербург. 62 с.
7. Неделин, В. М. (2012). *Древние города земли Орловской. XVII–VIII века: История. Архитектура. Жизнь и быт*. Орёл: Вешние воды, 560 с.
8. Пясецкий, Г. М. (1899). *История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей*. Орёл. 1066 с.
9. *ПСЗРИ. Собрание Первое. Т. IV. Под редакцией М.М. Сперанского*. (1830). СПб. Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Ст. 2176. С. 397.
10. *ПСЗРИ. Собрание Первое. Т. XVI. Под редакцией М.М. Сперанского*. (1830). СПб. Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Ст. 12259. С. 926-932.
11. *ПСЗРИ. Собрание Первое. Книга чертежей и рисунков (планы городов)*. Под редакцией М.М. Сперанского. (1859). СПб. Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. С. 231.
12. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА)*. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1731.
13. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1732.
14. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 944.
15. *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18903.
16. *Статистические очерки России. Сочинение Константина Арсеньева*. (1848). СПб.: Типография Императорской Академии наук. 504 с.

17. *Труды Орловской ученой архивной комиссии / Орловская ученая архивная комиссия* (1893). Орел : тип. Губ. Правления. Вып. 1. 60 с.

References

1. Artem'ev, A. (2003). *Gorod Livny i Livenskij uezd Orlovskoj gubernii* [The city of Livny and the Livensky uyezd of the Oryol province] in *On the banks of the bystraya Pine*. 16, 108.
2. Vorotnikova, I. A., Nedelin, V. M. (2016). *Kremlj, kreposti i ukreplennye monastyri Russkogo gosudarstva XV–XVII vekov. Kreposti yuga Rossii*. [Kremlins, fortresses and fortified monasteries of the Russian state of the XV-XVII centuries. Fortresses of the south of Russia]. Volume 2. Book 1. Moscow: Indrik, 556.
3. Kirillov, I. K. (1977). *Cvetushchee sostoyanie Vserossijskogo gosudarstva* [The blooming state of the All-Russian state]. Moscow. Nauka Publishing House, 444.
4. Klochkov, M. V. (1911). *Naselenie Rossii pri Petre Velikom po perepisyam togo vremeni. Perepisi dvorov i naseleniya. (1678–1721)* [The population of Russia under Peter the Great according to the censuses of that time. Censuses of households and population. (1678-1721)]. Vol. 1. St. Petersburg, 435.
5. *Materialy dlya istorii Voronezhskoj eparhii* [Materials for the history of the Voronezh Diocese] (1862) in *Voronezh provincial Vedomosti*. 17, 187-191.
6. Myshlaevskij, A. Z. (1897). *Kreposti i garnizony YUzhnoj Rossii v 1718 godu*. [Fortresses and garrisons of Southern Russia in 1718]. St. Petersburg. 62.
7. Nedelin, V. M. (2012). *Drevnie goroda zemli Orlovskoj. XVII–VIII veka: Istoriya. Arhitektura. Zhizn' i byt* [Ancient cities of the Oryol land. XVII-VIII centuries: History. Architecture. Life and everyday life]. Oryol: Spring Waters, 560.
8. Pyaseckij, G. M. (1899). *Istoriya Orlovskoj eparhii i opisanie cerkvej, prihodov i monastyrej* [History of the Diocese of Orel and description of churches, parishes and monasteries]. Oryol, 1066.
9. *PSZRI. Sobranie Pervoe. T. IV. Pod redakciej M.M. Speranskogo*. [PSZRI. The First Meeting. Vol. IV. Edited by M.M. Speransky]. (1830). St. Petersburg. Type. II Department Of His Imperial Majesty's Own Chancery. St.2176, 397.
10. *PSZRI. Sobranie Pervoe. T. XVI. Pod redakciej M.M. Speranskogo*. [PSZRI. The First Meeting. Vol. XVI. Edited by M.M. Speransky]. (1830). St. Petersburg. Type. II Department Of His Imperial Majesty's Own Chancery. St. 12259. S. 926-932.
11. *PSZRI. Sobranie Pervoe. Kniga chertezhej i risunkov (plany gorodov). Pod redakciej M.M. Speranskogo* [PSZRI. The First Meeting. A book of drawings and drawings (city plans). Edited by M.M. Speransky]. (1859). St. Petersburg. Type. II Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 231.
12. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA)*. [Russian state archive of ancient acts]. F. 350. Op. 2. D. 1731.
13. *RGADA*. F. 350. Op. 2. D. 1732.
14. *RGADA*. F. 1355. Op. 1. D. 944.
15. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA)*. [Russian State Military Historical Archive (RGVIA)]. F. 846. Op. 16. D. 18903.
16. *Statisticheskie ocherki Rossii. Sochinenie Konstantina Arsen'eva*. [Statistical essays of Russia. The work of Konstantin Arsenyev]. (1848). St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 504.
17. *Trudy Orlovskoj uchenoj arhivnoj komissii / Orlovskaya uchenaya arhivnaya komissiya* [Proceedings of the Oryol Scientific Archival Commission / Oryol Scientific Archival Commission] (1893). Oryol: Lip type. Board. Issue. V. 1, 60.

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

*Каримов О. В.,
Пумпянская О. В.
(Москва)*

УДК 94(47).084.6

**РЕПРЕССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ АППАРАТЕ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ
В КОНТЕКСТЕ РЕПРЕССИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СССР (1919-1940 ГГ.)**

В статье рассматривается вопрос о масштабах репрессий в центральных органах военной и военно-морской разведки Народного комиссариата обороны (далее – НКО) и Народного комиссариата Военно-морского флота СССР (далее – НКВМФ). Актуальность исследования обусловлена необходимостью установления точной численности репрессированных сотрудников органов разведки обоих наркоматов; потребностью в обосновании обвинений, зачастую выдвигаемых отечественными и зарубежными историками в адрес руководства СССР в репрессировании «лучших представителей» военной разведки; установлении степени влияния репрессий на эффективность работы органов разведки. До настоящего времени изучение репрессий в Вооруженных Силах СССР было ограничено лишь общими работами, исследованием репрессий в отдельных военных округах (к примеру – Забайкальский военный округ), в видах и родах войск (ВМФ, кавалерия), а также в отдельных соединениях и военных училищах. Новизна настоящего исследования заключается в том, что до настоящего времени вопрос репрессий и их последствий в центральных органах разведки РККА и РККФ не изучался. В своей работе авторы использовали метод историографического анализа. С учетом особенностей и сложностей в доступе к до сих пор закрытым материалам по личному составу военной разведки, основной источниковой базой исследования послужили так называемые «Книги Памяти» всех расстрелянных в г. Москве в 1919-1940-х гг., намечены перспективы дальнейшей поисковой работы по данной теме.

Ключевые слова: военная разведка, НКВД, Разведуправление РККА; репрессии, РККА, РККФ.

The article deals with the issue of the scale of repression in the central military and naval intelligence agencies of the People's Commissariat of Defense (hereinafter - NCO) and the People's Commissariat of the Navy of the USSR (hereinafter - NKVMF). The relevance of the study is due to the need to establish the exact number of repressed intelligence officers of both People's commissariats; the need to substantiate the accusations often made by domestic and foreign historians against the leadership of the USSR in the repression of the "best representatives" of military intelligence; establishing the degree of influence of repression on the effectiveness of the work of intelligence agencies. Until now, the study of repression in the Armed Forces of the USSR has been limited only to general work, the study of repression in individual military districts (for example, the Trans-Baikal Military District), in the types and branches of the armed forces (Navy, cavalry), as well as in individual formations and military schools. The novelty of this study lies in the fact that until now the issue of repression and its consequences in the central intelligence agencies of the Red Army and the Red Army has not been studied. In their work, the authors used the method of historiographical analysis. Taking into account the peculiarities and difficulties in access to hitherto closed materials on military intelligence personnel, the main source base of the study was the so-called "Memory Books" of all those shot in Moscow in the 1919-1940s, prospects for further search work on this topic are outlined.

Keywords: military intelligence, NKVD, Intelligence Directorate of the Red Army; repression, Red Army, Red Army.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-82-92

Проблема так называемых «сталинских» репрессий принадлежит к числу часто исследуемых, и в то же время слабоизученных проблем в отечественной исторической науке. По мнению авторитетнейшего специалиста в этой области В. Н. Земскова, с 1935 до 1941 гг. по политическим мотивам было репрессировано 1 868 085 чел., из них приговорены к высшей мере наказания 288 503 чел. [4, с. 393-394], хотя иногда приводятся и другие цифры со ссылкой на того же историка – 1 344 923 чел., из которых 681-692 тыс. были расстреляны [28].

Изучению темы репрессий в РККА, РККФ, НКВД и НКГБ, а также установлению количества репрессированных военнослужащих за период 1930-1940 гг. посвящено достаточно много исследований. В настоящее время существует три точки зрения на последствия репрессий [33].

Сторонники первой считают, что репрессии оказали крайне негативное воздействие на боеспособность Красной Армии [7; 17; 19; 20; 25; 27; 39 и др.]. В Советском Союзе об этом впервые официально высказался Н. С. Хрущев на XX съезде КПСС: «На протяжении этих лет [1937-1938 гг. – прим. авт.] репрессировано было несколько слоев командных кадров, начиная буквально от роты и батальона и до высших армейских центров, в том числе почти полностью были уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке... Многие из... командиров погибли в лагерях и тюрьмах, и армия их не увидела. Все это вместе взятое и привело к тому положению, которое создалось в начале войны для нашей страны и которое угрожало величайшей опасностью для судеб нашей Родины» [31].

Эта идея получила дальнейшее развитие в 1980-1990-е гг. В это время были опубликованы первые количественные данные о массовом терроре в армии: «Перед Великой Отечественной войной была почти полностью обезглавлена Красная Армия (репрессированы были 4 заместителя наркома обороны, 16 командующих военными округами, 25 их заместителей и помощников, 5 командующих военными флотилиями, 8 начальников военных академий, 25 начальников штабов военных округов и их заместителей, 33 командира корпуса, 76 командиров дивизий, 40 командиров бригад, 291 командир полка и другие начальники» [17, с. 73].

Вторая группа исследователей считает, что репрессии кардинально не повлияли на боеспособность Красной Армии [15; 40], так как и до репрессий РККА находилась «не на высоте». Однако сторонники этой идеи, тем не менее, подтверждают, что воздействие репрессий оказалось весьма ощутимым – «на войне даже «проценты» обернулись десятками и сотнями тысяч жизней» [15, с. 160].

Сторонники третьей точки зрения видят основным результатом репрессий замену в РККА полководцев гражданской войны новыми кадрами. По мнению одного из этих исследователей: «Приход плеяды выдающихся советских полководцев эпохи Великой Отечественной войны стал возможен лишь после того, как им расчистили место...» [10, с. 116]. Другие сторонники этой точки зрения рассматривают репрессии в РККА как возможность «реорганизации армии» [16, с. 17], целью которой являлось создание нового корпуса командного и начальствующего состава, «от представителей которого требовалось не только более гибкое военное мышление и техническая осведомленность, но и безусловное подчинение приказам. Сформировавшаяся в специфических условиях гражданской войны, прежняя генерация комсостава не отличалась особой приверженностью к дисциплине» [33, с. 69].

Вызывает большие споры проблема определения численности репрессированных военнослужащих. В. Н. Рапопорт и Ю. А. Геллер оценивают их количество в 100 000 чел. [30,

с. 289, 291, 407-414]. Другие – снижают количество репрессированных военнослужащих вдвое: 48 773 чел. [8, с. 47]; 44 000 чел. [29, с. 3]; 43 000 чел. [32, с. 102]. Ту же численность приводит третья группа историков: 40 000 военнослужащих и до 200 000 членов их семей и родственников [7, с. 51; 27, с. 304; 34, с. 77].

Имеются данные по уволенным, но еще не арестованным военнослужащим: «кадровыми органами в результате чистки 1937-1938 гг. из рядов РККА было уволено по политическим мотивам командно-начальствующего состава 28 328 чел. (без учета ВВС), при этом число арестованных составило на 19 сентября 1938 г. – 10 868 чел. (без ВМС)» [33, с. 69]. Однако из этого числа выпали те военнослужащие, которые были арестованы и осуждены судебными и внесудебными органами через некоторое, более-менее продолжительное время после увольнения [19, с. 18].

В начале 1990-х гг. было предложено разделить категорию «уволенных» из РККА и собственно «репрессированных» [13, с. 24-25]. Из 9 579 командиров, арестованных в 1937-1938 гг., к 1939 г. были освобождены и восстановлены в армии 1 457 чел. Кроме того, из общего списка репрессированных были исключены 8 624 чел. осужденных по уголовным статьям [37, с. 58]. Однако есть мнение, что таких осужденных насчитывалось лишь 5 316 чел. [35, с. 302-308].

Непосредственно перед Великой Отечественной войной и в первые ее месяцы были возвращены в РККА около ¼ репрессированных генералов и офицеров [4, с. 429]. Всего из же «из общего числа в 36 898 уволенных из армии командиров и политработников было восстановлено 12 461 человек» [16, с. 18].

Недавно было опубликовано масштабное исследование доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института Российской истории РАН О. Б. Мозохина, проанализировавшего статистические отчеты органов ВЧК–ОГПУ–НКВД за 1920-1950-е гг. Он представил, в числе прочих, сведения о количестве осужденных военнослужащих, которые существенно отличаются от упомянутых выше исследований. На основе этих данных нами была составлена таблица количества арестованных в 1921-1941 гг. военнослужащих (табл. 1) [21, с. 29, 37, 40, 46, 52-53, 55, 57, 64-66, 87-89, 96-98, 110-111, 116-118, 124-125, 132-133, 138, 144, 149-150, 154-155, 162, 167, 171, 176, 191].

Таблица 1

Количество арестованных органами ВЧК–ОГПУ–НКВД в 1921-1941 гг.

<i>Год</i>	<i>Арестовано органами ВЧК – ОГПУ – НКВД (чел.)</i>	<i>В том числе военнослужащих</i>
1921	204 593	сведений нет
1922	119 329	3 214
1923	104 520	1 488
1924	92 849	540
1925	72 653	762
1926	71 435	3 848
1927	88 130	3 759
1928	148 975	4 580
1929	219 862	4 466
1930	399 445	3 647
1931	131 168	2 840
1932	486 497	6 081
1933	634 429	8 727
1934	196 717	1 686
1935	293 681	6 249
1936	131 168	2 840

1937	936 750	14 339
1938	638 509	сведений нет
1939	44 731	3 164
1940	132 958	5 431
1941	133 740	12 799
Итого:	5 222 139	90 460

Благодаря рассекреченным материалам мы приходим к выводу, что в указанный период было арестовано более 90 460 военнослужащих (без учета 1921 и 1938 гг.). Таким образом, наиболее точным являлось эмпирическое предположение В. Н. Рапопорта [30]. Другие же исследователи не учитывали данные по младшим командирам и рядовому составу.

Несмотря на общую проработанность темы репрессий в Вооруженных Силах, в настоящее время осталась недостаточно изучена репрессивная политика в отношении отдельных органов военного управления, сил и родов войск, а также репрессий на региональном уровне. Имеются отдельные исследования по Западно-Сибирскому, Сибирскому и Забайкальскому военным округам, 57-му особому корпусу, Томскому артиллерийскому училищу, Бурятской кавалерийской бригаде [19; 22; 24; 26; 33; 36].

К сожалению, до настоящего времени тема репрессий в отношении сотрудников советской военной разведки была практически не исследована. Необходимо отметить, что в предвоенные годы разведка Наркомата обороны СССР являлась одним из органов внешней разведки наряду с Первым (Разведывательным) управлением Наркомата ВМФ и Первым управлением Наркомата госбезопасности.

Разведуправление ГШ КА Красной армии (далее – РУ ГШ КА) занималось агентурной разведкой за рубежом и руководило деятельностью разведотделов штабов военных округов. Оно осуществляло руководство работой более чем сотни зарубежных резидентур РУ ГШ КА, действовавших в 32 странах. Общая численность центрального аппарата военной разведки составляла 759 человек [5, с. 96].

В 1932-1937 гг. в ряде государств (Великобритания, Италия, Китай, США, Финляндия, Франция и др.) произошли провалы советских разведчиков и зарубежными органами контрразведки было арестовано значительное их число. После этого, в мае 1937 г. И.В. Сталин дал указание распустить агентурную сеть Разведупра и создать ее заново [5, с. 96].

В это же время органы НКВД уже приступили к выявлению истинных и мнимых врагов народа. Авторами был проведен анализ книг памяти жертв политических репрессий по городу Москве [3; 9; 14]. Так на «Бутовском полигоне» из более 20 000 чел. выявлено 14 чел., имевших отношение к военной разведке. На «Коммунарке» из 4 527 чел. выявлено 299 чел. (6,6%), а на Донском кладбище из 5 068 чел. – 162 (3,2%).

Таким образом, в Москве было расстреляно не менее 475 чел. действующих или бывших сотрудников военной разведки. Эта цифра несколько отличается от той, которую указал в своем докладе от 25 мая 1940 г. наркому обороны и комиссии ЦК ВКП(б) начальник 5-го (т.е. Разведывательного) управления НКО – заместитель наркома обороны генерал-лейтенант И. И. Проскуров. «Последние два года были периодом чистки агентурных управлений и разведорганов от чуждых и враждебных элементов. За три года органами НКВД арестовано свыше 200 человек, заменен весь руководящий состав, до начальников отделов включительно. За время моего командования [т.е. с апреля 1939 г. – прим. авт.] только из центрального аппарата и подчиненных ему частей отчислено по различным причинам и деловым соображениям 365 человек. Принято вновь 326 человек, абсолютное большинство из которых без разведывательной подготовки...» [4, с. 446], – писал Проскуров. При этом пришедшие в разведку люди «...были совершенно неподготовлены решать задачи, поставленные перед разведкой. В Центральном комитете партии считали, что в разведке, как, впрочем, и повсюду, самое главное – пролетарское происхождение, все остальное может быть легко восполнено. Такие мелочи, как понимание государственной политики, уровень

культуры, военная подготовка, знание иностранных языков значения не имели», – вспоминал генерал-майор Никольский [23, с. 28–29].

Необходимо отметить, что репрессивная деятельность органов ВЧК в отношении военных разведчиков началась с момента создания новых органов безопасности: апрель 1919 г. – расследование дела о шпионаже в Морском Генеральном штабе России («дело Генмора»), сентябрь 1919 г. – аресты бывших офицеров в Региструпре ПШ РСВР. В течение июня-сентября 1919 г. многие бывшие офицеры были арестованы или направлены в действующую армию [11, с. 135], что можно также расценить, как акт «репрессирования». Судьбы ряда бывших офицеров старой армии установить не удалось – данные о них в Центральном архиве ФСБ отсутствуют. Объяснение репрессивным действиям чекистов лежит на поверхности – после Октябрьской революции и начала гражданской войны активизировалась антисоветская деятельность зарубежных спецслужб и белоэмигрантов и за лояльность многих офицеров никто поручиться не мог.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. из военной разведки по тем или иным причинам было уволено большое число военнослужащих, часть из которых впоследствии была расстреляна. Сюда можно отнести и бывшего преподавателя курсов разведки капитана 1-го ранга Б. И. Доливо-Добровольского (арестован в 1931 г.), начальников военной разведки В. Х. Ауссема (арестован в 1929 г.) и Г. Л. Пятакова (арестован в 1936 г.), военных атташе комкоров В. К. Путну и В. М. Примакова (арестованы в 1936 г.).

Во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. репрессиям подверглись один за другим начальники РУ РККА: армейский комиссар 2-го ранга Я. К. Берзин, комкор С. П. Урицкий, старший майор госбезопасности С. Г. Гендин, комдив А. Г. Орлов, генерал-лейтенант И. И. Проскуров. Практически полностью сменился состав заместителей и помощников начальника управления: корпусные комиссары А. Х. Артузов, О. О. Штейнбрюк, Ф. Я. Карин, Л. Н. Захаров-Мейер, полковой комиссар А. Л. Абрамов-Миров, старший майор госбезопасности М. К. Александровский, комдив А. М. Никонов, Б. Н. Мельников, Р. А. Таиров и другие разведчики [12, с. 16].

Массовые репрессии способствовали распространению такого негативного явления, как доноительство, в результате которого пострадали многие невинные люди [4, с. 393–394]. К примеру, на допросе 20 июля 1938 г. соратник Рихарда Зорге К. М. Римм сообщил: «Рамзай по своим политическим убеждениям примыкал к правым, поддерживал Бухарина и был с ним в близких отношениях» [1, с. 212]. Так Зорге был причислен к группе «политически невыдержанных товарищей». Даже бывший начальник Разведуправления Я. К. Берзин, по некоторым сведениям, назвал до 200 «врагов народа» из состава военной разведки, многие из которых впоследствии были репрессированы или находились под подозрением. К примеру, из людей, работавших или руководивших деятельностью Зорге, были репрессированы и расстреляны: А. Б. Асков, Л. А. Борович, В. Ф. Воля, П. В. Воропинов, А. Ю. Гайлис, А. И. Гурвич-Горин, В. В. Давыдов, Н. П. Ермаков, А. А. Икал, Е. С. Иолк, П. П. Краузе, Э. У. Краутман, А. А. Лейферт, Э. Д. Лепин, Б. Д. Нивинский, М. К. Покладок, К. М. Римм, И. А. Ринк, В. Г. Ромм, А. И. Скорпилев, В. В. Смагин, Г. Б. Смоленский, О. А. Стига, О. С. Тарханов, И. И. Шебеко, Н. Л. Шинкарев, П. Д. Шленский, В. Д. Шталь, К. Ю. Янель. Осуждены на длительный срок: А. Л. Клетный, В. М. Константинов, М. И. Сироткин, А. Л. Шипов, М. Штерн. Уволены с военной службы: Г. А. Абрамов, Б. И. Гудзь, Д. Д. Киселев. В то же время, один из бывших руководителей Зорге – Я. Г. Бронин после ареста в Китае не только не был репрессирован в 1930-е гг., но даже продолжил службу в военной разведке.

В 2002 и 2012 гг. были изданы биографические сборники [2; 18]. Если в первой представлены биографии около 900 сотрудников военной разведки, то во второй уже до 1500 чел. Это позволило сравнить указанные списки с фамилиями в книгах памяти жертв политических репрессий и получить более точное количество репрессированных военных разведчиков.

В качестве дальнейшего перспективного исследования необходимо изучить региональные книги памяти, чтобы выявить военных разведчиков окружного, армейского, дивизионного и полкового звена. Не изучены книги памяти по Ваганьковскому кладбищу, на котором хоронили жертв репрессий периода 1926-1935 гг., кладбища Яузской больницы (захоронения 1920-1926 гг.). К сожалению, подобный подсчет (по книгам памяти) не может считаться достаточно репрезентативным. Ведь и в этом случае наши данные будут неполны пока не будет осуществлен допуск к следственным делам, хранящиеся в архивах ФСБ.

Разведка ВМФ также ощутила на себе удар репрессий. В мае 1938 г. был арестован начальник Разведотдела ВМФ капитан 2-го ранга А. М. Якимычев. К 1939 г. из имевшихся в отделе 33 сотрудников, лишь один служил в разведке с 1934 г., двое – с 1935 г., девять – с 1936 г., четверо – с 1937 г. и семнадцать – с 1938 г. [6, с. 15]. Это является косвенным свидетельством последствий репрессивной политики в военной разведке.

Аресты не могли не отразиться на результатах деятельности военной разведки в этот период. В ходе «чисток» 16 военных атташе были отозваны из служебных командировок и арестованы. Весной 1939 г. аппараты военных атташе были укомплектованы лишь на 40%. Вакантными оставались должности в Великобритании, Германии, Италии, США, Турции, Франции, Финляндии и Японии.

Назначенный вместо Проскурова начальником РУ ГШ генерал-лейтенант Ф. И. Голиков докладывал наркомун обороны СССР: «при полной замене старых работников ВАТ мы в настоящее время имеем ниже 70% укомплектованности. В советских аппаратах преобладают неопытные работники» [38, л. 250].

Чтобы исправить сложившуюся ситуацию для службы в разведку были подобраны новые кадры. Заместителями генерала Голикова стали – генерал-майор танковых войск А. П. Панфилов (в разведку пришел в июне 1940 г. с должности помощника начальника Автобронетанкового управления Красной Армии) и генерал-майор И. Г. Рубин (в разведку пришел в июле 1940 г. с должности командира 8-го стрелкового корпуса), заместителем по политической части – начальником отдела политической пропаганды стал бригадный комиссар И. И. Ильичев (в разведку пришел в мае 1938 г. после окончания Военно-политической академии им. Толмачева) [12, с. 16].

В предвоенный период в военной разведке, как и Вооруженных Силах в целом, шел бурный процесс выдвижения молодых командиров. Только за один год (с 1 марта 1937 по 1 марта 1938 гг.) в РККА получили продвижение по службе 39 090 чел. из числа командного и начальствующего состава (без учета политического состава), в том числе: на должности командующих войсками военных округов назначено 12 человек, командиров корпусов – 35 чел., командиров дивизий и бригад – 116 чел. Средний возраст командиров полков составлял 29-33 года, командиров дивизий – 35-38 лет, командиров корпусов и командующих армиями – 40-43 года. К сожалению, на вакантные должности зачастую назначались люди недостаточно подготовленные, не имевшие нужного опыта и знаний [4, с. 428].

Генералы Проскуров и Голиков приложили огромные усилия, чтобы в 1939-1940 гг. укомплектовать зарубежные аппараты военной разведки новыми сотрудниками. Из Военной академии им. М. В. Фрунзе прибыли: майор Г. М. Еремин (направлен в Румынию), подполковник Л. А. Середа (в Болгарию). Из Военной академии механизации и моторизации им. И. В. Сталина прибыли подполковник Н. И. Никитушев (направлен в Швецию) и полковник В. Е. Хлопов (направлен в Германию). Из Военной академии Генерального штаба прибыл полковник Н. Д. Скорняков, штаба Харьковского военного округа – генерал-майор В. И. Тупиков, из штаба Тихоокеанского флота – капитан 1-го ранга М. А. Воронцов – все направлены в Германию. Из Главного управления военных учебных заведений прибыл генерал-майор А. Г. Самохин – направлен в Югославию. Выпускник Артиллерийской академии РККА им. Ф. Э. Дзержинского полковник И. А. Сулопаров был командирован во Францию, а летчик – полковник А. В. Яковлев в Чехословакию. Выдвинулись будущие

крупные руководители фронтовой разведки – К. Н. Деревянко, П. П. Евстигнеев, А. С. Рогов, Ф. А. Феденко, М. А. Шалин и другие.

Во второй половине 1940 г. большинство резидентур РУ ГШ КА практически было восстановлено. Тем не менее, последствия репрессий и ряда других факторов продолжали сказываться. В акте от 7 декабря 1940 г. по передаче руководства Наркоматом обороны СССР отмечалось: «Организация разведки является одним из наиболее слабых участков в работе Наркомата обороны. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется. Работа Разведуправления не связана с работой Генерального штаба. Наркомат обороны не имеет в лице Разведуправления органа, обеспечивающего Красную армию данными об организации, состоянии, вооружении и подготовке к развертыванию иностранных армий. К моменту принятия Наркомат обороны такими разведывательными данными не располагает. Театры военных действий и их подготовка не изучены...» [4, с. 450]. Для устранения этих недостатков в качестве одной из мер было принято решение об увеличении численности личного состава РУ ГШ КА.

Отмечая многочисленные ошибки и недостатки в советском военном строительстве, выделяя факт репрессий в отношении военной разведки и возникший дефицит кадров, тем не менее, в кратчайший срок, практически на пустом месте военная разведка сумела обеспечить советское военное и политическое руководство необходимым объемом добытых сведений о подготовке гитлеровской Германии и ее союзников к войне против Советского Союза. Зачастую эти данные не совпадали с личными оценками И. В. Сталина.

Список источников и литературы

1. Алексеев, М. А. (2017). *«Верный Вам Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. 1933-1938 годы*. М.: Алгоритм. 864 с.
2. Алексеев, М. А., Колпакиди, А. И., Кочик, В. Я. (2012). *Энциклопедия военной разведки. 1918-1945*. М.: Кучково Поле. 976 с.
3. *Бутовский полигон. 1937-1938*. (1998-2003). Т. 1-7. М.: Альзо.
4. *Великая Отечественная война 1941-1945 годов*. В 12 т. Т. 2. *Происхождение и начало войны* (2015). М.: Кучково поле. 864 с.
5. *Великая Отечественная война 1941-1945 годов*. В 12 т. Т. 6. *Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны*. (2013). М.: Кучково поле. 864 с.
6. Владимиров, О. В. (2004). *Деятельность советской военно-морской разведки в Германии. 1939-1941 годы* // Отечественная история. № 3. С. 14-19.
7. Волгогонов, Д. А. (1989). *Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина*. В 2-х книгах. М.: Агентство печати «Новости». Кн. 1. 309 с.
8. Горьков, Ю. А. (1995). *Кремль. Ставка. Генштаб*. Тверь: РИФ ЛТД. 384 с.
9. *Донское – Расстрельные списки. Москва 1935-1953. Донское кладбище* (2005). М.: Мемориал – Звенья. 596 с.
10. Иванов, А. М. (1993). *Логика кошмара*. М.: Русский вестник. 193 с.
11. Каримов, О. В. (2004). *Советская военно-морская разведка в годы гражданской войны* // Вопросы истории. № 3. С. 133-137.
12. Каримов, О. В. (2018). *Филипп Иванович Голиков – жертва обстоятельств или виновник трагедии 1941 года* // «Филипп Голиков. Записки начальника Разведупра. Июль 1940 года – июнь 1941 года». М.: Родина. 462 с.
13. Комал, Ф. Б. (1990). *Военные кадры накануне войны* // Военно-исторический журнал. № 2. С. 24-25.
14. *Коммунарка – Расстрельные списки. 1937-1941. «Коммунарка». Бутово*. (2000). М.: Мемориал – Звенья. 500 с.

15. Короленков, А. В. (2005). *Еще раз о репрессиях в РККА в предвоенные годы* // Отечественная история. № 2. С. 154-162.
16. Лошков, Д. Б. (2003). *Командные кадры Красной армии накануне Великой Отечественной войны (1939-июнь 1941)*: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. М.
17. Лунеев, В. В. (1999). *Политическая преступность в России: прошлое и настоящее* // Общественные науки и современность. № 5. С. 66-79.
18. Лурье, В. М., Кочик, В. Я. (2002). *ГРУ: дела и люди*. М.: Нева - Олма-пресс. 639 с.
19. Мильбах, В. С. (2001). *Политические репрессии командного состава Забайкальского военного округа и 57-го особого корпуса в 1937-1938 гг.*: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Иркутск.
20. Мильбах, В. С. (2005). *Политические репрессии командно-начальствующего состава Рабоче-крестьянской Красной Армии и флота на востоке страны в 1936-1939 гг.*: автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02. Иркутск.
21. Мозохин, О. Б. (2016). *Статистические сведения о деятельности органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ (1918 – 1953 гг.)*. М.: Алгоритм. 446 с.
22. Намнанов, Д. Д. (1997). *Национальные формирования Красной Армии в Бурятии в 1924-1939 гг.*: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Улан-Удэ.
23. Никольский, В. А. (1999). *Аквариум-2*. М.: Гея Итэрум. 179 с.
24. Папков, С. А. (1997). *Сталинский террор в Сибири. 1928-1941 гг.* Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН. 271 с.
25. Печенкин, А. А. (2003). *Военная элита в СССР в 1935-1939 гг.: репрессии и обновление*. М.: ВЗФЭИ. 160 с.
26. Подустов, Ф. Н. (2000). *Репрессии в Томском артиллерийском училище накануне и в годы Великой Отечественной войны* // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманит. науки. История: Спецвыпуск. № 4. С. 105-111.
27. Проэктор, Д. М. (1989). *Фашизм: путь агрессии и гибели*. М.: Наука. 294 с.
28. Пыхалов, И. *Масштабы сталинских репрессий. Сталинские репрессии в цифрах и фактах*. URL: <http://newsland.com/community/5652/content/stalinskie-repressii-ckolko-nasamom-dele-bylo-zhertv/6135356> (дата обращения: 16.10.2020).
29. Раманичев, Н. М. (1991). «Красная армия всех сильнее?» // Военно-исторический журнал. № 12. С. 2-9.
30. Рапопорт, В. Н., Геллер, Ю. А. (1995). *Измена Родине: о роли сталинских репрессий в истории Красной Армии*. М.: РИЦ «Стрелец». 462 с.
31. «О культуре личности и его последствиях». URL: http://www.coldwar.ru/hrushev/cult_of_personality.php (дата обращения: 16.10.2020).
32. Самсонов, А. М. (1990). *Вторая мировая война. 1939-1945. Очерк важнейших событий*. М.: Наука. 584 с.
33. Степанов, М. Г. (2008). *Проблема политических репрессий в Вооруженных Силах СССР в период «большого террора» 1937-1938 гг.: краткий обзор отечественной историографии* // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 1. С. 67-70.
34. Стецовский, Ю. И. (1997). *История советских репрессий*: В 2-х тт. М.: Знак СП. Т. 1. 600 с.
35. Сувениров, О. Ф. (1998). *Трагедия РККА 1937-1938*. М.: Терра. 528 с.
36. Уйманов, В. Н. (1995). *Репрессии: как это было. Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов*. Томск: Томский государственный университет. 334 с.
37. Уколов, А. Т., Ивкин, В. И. (1993). *О масштабах репрессий в Красной армии в предвоенные годы* // Военно-исторический журнал. № 1. С. 56-58.

38. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 23. Оп. 14751. Д. 2.

39. Черушев, Н. С., Черушев, Ю. Н. (2012). *Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937-1941. Биографический словарь*. М.: Кучково поле, Мегapolis. 496 с.

40. Юмашев, Ю. Ю. (1994). *Высший командный состав советских вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Опыт историко-статистического анализа*: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. М.

References

1. Alekseev, M. A. (2017). «*Vernyj Vam Ramzaj*». *Rihard Zorge i sovetskaya voennaya razvedka v Yaponii. 1933-1938 gody* ["Ramzai, faithful to you." Richard Sorge and Soviet military intelligence in Japan. 1933-1938]. Moscow, Algoritm Publ. (in Russian).

2. Alekseev, M. A., Kolpakidi, A. I., Kochik, V. Ya. (2012). *Enciklopediya voennoj razvedki. 1918-1945* [Encyclopedia of Military Intelligence. 1918-1945]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ. (in Russian).

3. *Butovskij poligon. 1937-1938*. (1998-2003). [Butovsky landfill. 1937-1938], vol. 1-7. Moscow, Also Publ. (in Russian).

4. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941-1945 godov. V 12 t. T. 2. Proiskhozhdenie i nachalo vojny* (2015) [The Great Patriotic War of 1941-1945. In 12 vols. 2. The origin and beginning of the war]. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (in Russian).

5. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941-1945 godov. V 12 t. T. 6. Tajnaya vojna. Razvedka i kontrrazvedka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* (2013) [The Great Patriotic War of 1941-1945. In 12 vol. 6. The Secret War. Intelligence and counterintelligence during the Great Patriotic War]. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (in Russian).

6. Vladimirov, O. V. (2004). *Deyatel'nost' sovetskoj voenno-morskoj razvedki v Germanii. 1939-1941 gody* [The activities of Soviet naval intelligence in Germany. 1939-1941 years] in *Otechestvennaya istoriya*, 3, 14-19. (in Russian).

7. Volkogonov, D. A. (1989). *Triumf i tragediya: Politicheskij portret I. V. Stalina. V 2-h knigah. Kn. 1* [Triumph and Tragedy: A Political Portrait of I. V. Stalin. In 2 books]. Moscow, Agentstvo pechati «Novosti». (in Russian).

8. Gor'kov, Yu. A. (1995). *Kreml'. Stavka. Genshtab* [Kremlin. Bet. The General Staff]. Tver', RIF LTD Publ. (in Russian).

9. *Donskoe – Rasstrel'nye spiski. Moskva 1935-1953. Donskoe kladbishche* (2005) [Donskoye - Execution lists. Moscow 1935-1953. Don Cemetery]. Moscow, Memorial – Zven'ya Publ. (in Russian).

10. Ivanov, A. M. (1993). *Logika koshmara* [The logic of a nightmare]. Moscow, Russkij vestnik Publ. (in Russian).

11. Karimov, O. V. (2004). *Sovetskaya voenno-morskaya razvedka v gody grazhdanskoj vojny* [Soviet naval intelligence during the Civil War] in *Voprosy istorii*, 3, 133-137. (in Russian).

12. Karimov, O. V. (2018). *Filipp Ivanovich Golikov – zhertva obstoyatel'stv ili vinovnik tragedii 1941 goda* [Philip Ivanovich Golikov - a victim of circumstances or the culprit of the tragedy of 1941] in «*Filipp Golikov. Zapiski nachal'nika Razvedupra. Iyul' 1940 goda – iyun' 1941 goda*». Moscow, Rodina Publ. (in Russian).

13. Komal, F. B. (1990). *Voennye kadry nakanune vojny* [Military personnel on the eve of war] in *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 2, 24-25. (in Russian).

14. *Kommunarka – Rasstrel'nye spiski. 1937-1941. «Kommunarka». Butovo* (2000) [Kommunarka - Execution lists. 1937-1941. "Kommunarka". Butovo]. Moscow, Memorial – Zven'ya Publ. (in Russian).

15. Korolenkov, A. V. (2005). *Eshche raz o repressiyah v RKKA v predvoennye gody* [Once again about the repressions in the Red Army in the pre-war years] in *Otechestvennaya istoriya*, 2, 154-162. (in Russian).
16. Loshkov, D. B. (2003). *Komandnye kadry Krasnoj armii nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny (1939-iyun' 1941)* [Command cadres of the Red Army on the eve of the Great Patriotic War (1939-June 1941)] (doctoral dissertation abstract). Moscow. (in Russian).
17. Luneev, V. V. (1999). *Politicheskaya prestupnost' v Rossii: proshloe i nastoyashchee* [Political crime in Russia: Past and present] in *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5, 66-79. (in Russian).
18. Lur'e, V. M., Kochik, V. Ya. (2002). *GRU: dela i lyudi* [GRU: affairs and people]. Moscow, Neva – Olma-press Publ. (in Russian).
19. Mil'bah, V. S. (2001). *Politicheskie repressii komnachsostava Zabajkal'skogo voennogo okruga i 57-go osobogo korpusa v 1937-1938 gg.* [Political repressions of the command staff of the Trans-Baikal Military District and the 57th Special Corps in 1937-1938] (doctoral dissertation abstract). Irkutsk. (in Russian).
20. Mil'bah, V. S. (2005). *Politicheskie repressii komandno-nachal'stvuyushchego sostava Raboche-krest'yanskoj Krasnoj Armii i flota na vostoke strany v 1936-1939 gg.* [Political repressions of the commanding staff of the Workers' and Peasants' Red Army and Navy in the east of the country in 1936-1939] (doctoral dissertation abstract). Irkutsk. (in Russian).
21. Mozohin, O. B. (2016). *Statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti organov VCHK – OGPU – NKVD – MGB (1918-1953 gg.)* [Statistical data on the activities of the organs of the Cheka - OGPU - NKVD - MGB (1918-1953)]. Moscow, Algoritm Publ. (in Russian).
22. Namnanov, D. D. (1997). *Nacional'nye formirovaniya Krasnoj Armii v Buryatii v 1924-1939 gg.* [National formations of the Red Army in Buryatia in 1924-1939] (doctoral dissertation abstract). Ulan-Ude. (in Russian).
23. Nikol'skij, V. A. (1999). *Akvarium-2* [Aquarium-2]. Moscow, Geya Iterum Publ. (in Russian).
24. Papkov, S. A. (1997). *Stalinskij terror v Sibiri. 1928-1941 gg.* [Stalin's terror in Siberia. 1928-1941]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. (in Russian).
25. Pechenkin, A. A. (2003). *Voennaya elita v SSSR v 1935-1939 gg.: repressii i obnovlenie* [The military elite in the USSR in 1935-1939: repression and renewal]. Moscow, VZFEI Publ. (in Russian).
26. Podustov, F. N. (2000). *Repressii v Tomskom artillerijskom uchilishche nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Repression at the Tomsk Artillery School on the eve and during the Great Patriotic War] in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanit. nauki. Istoriya: Specvypusk*, 4, 105-111. (in Russian).
27. Proektor D.M. (1989). *Fashizm: put' agressii i gibeli* [Fascism: the Path of Aggression and Death]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
28. Pyhalov, I. *Masshtaby stalinskih repressij. Stalinskie repressii v cifrah i faktah* [The scale of Stalin's repressions. Stalin's repressions in figures and facts]. URL: <http://newsland.com/community/5652/content/stalinskie-repressii-ckolko-na-samom-dele-bylo-zhertv/6135356> (date accessed: 16.10.2020). (in Russian).
29. Ramanichev, N. M. (1991). «*Krasnaya armiya vsekh sil'nej?*» ["Is the Red Army the strongest of all?"] in *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 12, 2-9. (in Russian).
30. Rapoport, V. N., Geller, Yu. A. (1995). *Izmena Rodine: o roli stalinskih repressij v istorii Krasnoj Armii* [Treason to the Motherland: on the role of Stalinist repressions in the history of the Red Army]. Moscow, RIC «Strelec» Publ. (in Russian).
31. «*O kul'te lichnosti i ego posledstviyah*» ["On the cult of personality and its consequences"]. URL: http://www.coldwar.ru/hrushev/cult_of_personality.php (date accessed: 16.10.2020). (in Russian).

32. Samsonov, A. M. (1990). *Vtoraya mirovaya vojna. 1939-1945. Oчерk vazhnejshih sobytij* [The Second World War. 1939-1945. An outline of the most important events]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

33. Stepanov, M. G. (2008). *Problema politicheskikh repressij v Vooruzhennyh Silah SSSR v period «bol'shogo terrora» 1937-1938 gg.: kratkij obzor otechestvennoj istoriografii* [The problem of political repression in the Armed Forces of the USSR during the "Great Terror" of 1937-1938: a brief overview of Russian historiography] in *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 1, 67-70. (in Russian).

34. Stecovskij, Yu. I. (1997). *Istoriya sovetskih repressij* [The history of Soviet repression]: v 2-h tt., vol. 1. Moscow, Znak SP Publ. (in Russian).

35. Suvenirov, O. F. (1998). *Tragediya RKKA 1937-1938* [The tragedy of the Red Army 1937-1938]. Moscow, Terra Publ. (in Russian).

36. Ujmanov, V. N. (1995). *Repressii: kak eto bylo. Zapadnaya Sibir' v konce 20-h – nachale 50-h godov* [Repression: how it was. Western Siberia in the late 20s - early 50s]. Tomsk, Tomskij gosudarstvennyj universitet Publ. (in Russian).

37. Ukolov, A. T., Ivkin, V. I. (1993). *O masshtabah repressij v Krasnoj armii v predvoennye gody* [On the scale of repression in the Red Army in the pre-war years] in *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 1, 56-58. (in Russian).

38. Cherushev, N. S., Cherushev, Yu. N. (2012). *Rasstrelyannaya elita RKKA (komandarmy 1-go i 2-go rangov, komkory, komdivy i im ravnye). 1937-1941. Biograficheskij slovar'* [The executed elite of the Red Army (1st and 2nd rank commanders, komkor, komdiv and their equals). 1937-1941. Biographical dictionary]. Moscow, Kuchkovo pole, Megapolis Publ. (in Russian).

39. Yumashev, Yu. Yu. (1994). *Vysshij komandnyj sostav sovetskih vooruzhennyh sil v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg.: Opyt istoriko-statisticheskogo analiza* [The supreme command staff of the Soviet Armed Forces during the Great Patriotic War of 1941-1945: The experience of historical and statistical analysis] (doctoral dissertation abstract). Moscow. (in Russian).

Лузгина М. И.
(Рязань)

УДК 94(4)"1939/45"

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья «Кадровое обеспечение судебных органов в период Великой Отечественной войны» посвящена анализу проблемных вопросов в области профессиональной подготовки юридических кадров в военное время. С первых дней войны в советских судах появляется проблема с кадрами. В стране начинается мобилизация, работники судебных органов уходят на фронт, погибают в результате военных действий. На их места приходят новые специалисты, у которых нет опыта работы, а зачастую нет даже юридического образования. Разумеется, у новых сотрудников появляются трудности в работе, к тому же меняется законодательство, учащаются некоторые виды преступлений. Большинство судов не укомплектовано кадрами, на каждого работника нагрузка возрастает в несколько раз. В этот непростой период в истории советской судебной системы необходимо было участие государства в решении названных проблем. Высшие законодательные органы СССР начинают издавать множество приказов и распоряжений, касающихся тех или иных вопросов в области подготовки профессиональных кадров для судебной системы страны. Между высшими должностными лицами ведется активная переписка, в которой также поднимаются и решаются многие вопросы, связанные с кадровым состоянием судов СССР. Государство старается оказать поддержку образовательным учреждениям, готовящим юридические кадры. Производится восстановление учебных зданий после эвакуации, выделяются средства на ремонт учебных аудиторий. У большинства студентов все равно остается немало трудностей в получении юридического образования, в годы войны была нехватка денег, питания, существовали проблемы с транспортом, топливом. Государство старалось стимулировать студентов получать образование, в заключительные годы войны практически во всех ВУЗах и средне-специальных учебных заведениях, готовящих юристов, вводится стипендия. Не остаются без внимания инвалиды Великой Отечественной войны и члены их семей, для них устанавливаются некоторые льготы при поступлении в учебные заведения. При написании статьи наряду с историческими способами познания использовался формально-юридический метод исследования (при изучении нормативно-правовых актов того периода), а также применялись социологические техники анализа информации о социальных факторах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, профессиональная подготовка, судебные работники, судебная система, военное время, эвакуация, заочное образование.

The article "Staffing of judicial bodies during the Great Patriotic War" is devoted to the analysis of problematic issues in the field of professional training of legal personnel in wartime. Since the first days of the war, there has been a problem with personnel in Soviet courts. Mobilization begins in the country, judicial officials go to the front, die as a result of military operations. They are replaced by new specialists who have no work experience, and often do not even have a legal education. Of course, new employees have difficulties in their work, besides, legislation is changing, some types of crimes are becoming more frequent. Most courts are not staffed, the workload increases several times for each employee.

During this difficult period in the history of the Soviet judicial system, it was necessary for the state to participate in solving these problems. The supreme legislative bodies of the USSR are beginning to issue many orders and orders concerning certain issues in the field of training professional personnel for the judicial system of the country. There is an active correspondence be-

tween senior officials, in which many issues related to the personnel status of the courts of the USSR are also raised and resolved. The State is trying to support educational institutions that train legal personnel. The restoration of educational buildings after evacuation is carried out, funds are allocated for the repair of classrooms. Most students still have a lot of difficulties in obtaining a legal education, during the war there was a shortage of money, food, there were problems with transport, fuel. The state tried to encourage students to get an education in the final years of the war in almost all universities

When writing the article, along with historical methods of cognition, the formal legal method of research was used (in the study of normative legal acts of that period), and sociological techniques for analyzing information about social factors were also used.

Keywords: The Great Patriotic War, professional training, judicial officers, judicial system, wartime, evacuation, correspondence education.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-93-100

Период Великой Отечественной войны является одним из самых ярких, самых сложных и значимых периодов в истории нашей страны. Война отразилась практически на всех сферах общественной и государственной жизни. Поэтому изучение любого опыта военного времени всегда будет актуальным и значимым для истории. Целью статьи является исторический анализ ситуации, сложившейся в годы войны в судебных органах из-за кадрового дефицита, из-за недостаточной профессиональной подготовки кадров. На места ушедших на фронт, эвакуированных, уволенных по другим причинам работников приходили новые кадры, без опыта работы и с минимальным уровнем юридической подготовки.

Вопрос подготовки профессиональных кадров в период чрезвычайных обстоятельств, к которым относится война, является весьма интересным и актуальным для изучения. К тому же в историографии этому вопросу уделено не так много внимания. Так, некоторые исследователи рассматривали проблему юридической подготовки кадров для органов суда только в региональном аспекте. Например, В. А. Печерский в своей работе «Советская система в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны (на примере судов общей юрисдикции)», в числе прочих вопросов функционирования Красноярского суда затрагивает и кадровый вопрос [6, с. 134-144]. Автор уделяет внимание кадровому составу, структуре и подготовке прокурорских работников, которые также, как и судебные работники, получали юридическое образование в период Великой Отечественной войны [7, с. 31-34]. Некоторые исследователи уделяли внимание вопросу подготовки кадров для органов прокуратуры в период войны [5; 6; 7], другие анализировали деятельность органов военной юстиции в военное время [8]. В работе В. Н. Казарина, посвященной Иркутскому областному суду в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны, приводится статистика сотрудников суда, не имеющих юридическое образование, а также анализируются ошибки судов, связанных с недостаточной профессиональной подготовкой кадров [3, с. 85-94]. Рагушняк В. Н. в региональном аспекте исследует деятельность адвокатуры в период Великой Отечественной войны [8]. Некоторые исследователи изучали ситуацию, происходившую в целом с правовой системой страны в годы Великой Отечественной войны [4; 9; 10; 11].

В период Великой Отечественной войны вопрос профессиональной подготовки судебных работников и укомплектование кадрами судебных органов стал актуальным еще и потому, что с началом войны нагрузка на судебные органы значительно возросла. Так, начальник Управления НКЮ по Рязанской области Шепелев С. А. в своей переписке от октября 1943 года с народным комиссаром юстиции РСФСР Горшениным А. И. рассказывает о проблемах в судебной работе, с трудом сдерживая эмоции: «Прав я или нет, скажите Вы, но обстоятельства заставляют меня поставить этот вопрос перед Вами. НКЮ Союза не раз отмечал в работе наших органов по руководству периферии бумажный стиль и принимал меры к сокращению потока директив, циркуляров, заданий и отчетов. Сейчас это особенно

нужно и важно. Однако положение не только не исправилось, но стало еще хуже. Нам пишут и дают задания: НКЮ Союза, НКЮ РСФСР из Москвы, НКЮ РСФСР из Соль-Илецка. С моей точки зрения это делается без учета количества заданий и возможностей, какими располагают места. Одиннадцать распоряжений в день – это обычный день, на него похожи многие дни» [2, д.44, л.121].

Судам было сложно разобраться в большом количестве требований по предоставлению в НКЮ отчетов и статистики, некоторые суды «махнули рукой и совсем не представляют эти отчеты, благо у них есть отговорка – нет бумаги» [2, д. 44, л. 121]. На деле не хватало не только бумаги, но была и сильная нехватка кадров. Так, например, НКЮ по Рязанской области для того, чтобы выполнять все требования НКЮ Союза и Федерации по составлению отчетов, специальных донесений, сводок и докладов имелось только два ревизора, у которых не хватало на это времени. При том, что опыт работы у них был весьма небольшой, иногда составление даже типовых документов могло вызывать некоторые трудности и на это уходило много времени. В указанной переписке о работе ревизоров говорится следующее: «так как они молодые и неискушенные в составлении докладов работники, за этим делом нужно следить и самому начальнику». А у начальника НКЮ по Рязанской области помимо этого было еще очень много работы. Около 60% судей в Рязанской области работали с 1942 года, к ним нужно было ехать, учить, инструктировать, проверять их [1, д. 44, л. 187].

Видится, что складывающиеся обстоятельства требовали применения каких-либо мер для стабилизации ситуации. Так, для того, чтобы более детально разобраться в кадровых проблемах, существовавших в судебных органах, необходимо было изучать кадры, выяснять что является причинами тех или иных кадровых проблем, искать способы устранения этих причин. Из доклада Морозова К. И. о мероприятиях по изучению кадров органов Наркомюста и суда 1944 года видится следующая обстановка, сложившаяся в тот период. Изучение кадров в тот период проводилось неудовлетворительно. Многие Наркоматы юстиции союзных и автономных республик, начальники управлений НКЮ и их заместители по кадрам плохо знали работников своей номенклатуры, представления о работниках имели только в пределах кратких биографических данных и своих впечатлений, в результате личной беседы или рассказов других лиц [1, д. 44, л. 188].

Государство не оставалось равнодушным к появившимся в судебных органах проблемам и трудностям, связанным в первую очередь с кадровым дефицитом и слабой юридической подготовкой судебных работников. Руководство страны остро ощущало и осознавало необходимость коренного улучшения подготовки юридических кадров.

Анализ архивных документов подтверждает, что уровень юридической подготовки судебных работников в период Великой Отечественной войны был невысоким. Так, в переписке с заместителем народного комиссара юстиции СССР И. А. Басавиным народный комиссар СССР В. М. Молотов приводит такую статистику за 1943 год: «Из работающих в настоящее время народных судей 27% не имеют никакой юридической подготовки и 28% окончили только краткосрочные (трех-шести месячные курсы). Из числа районных и городских прокуроров не имеют никакой юридической подготовки 34%, окончили краткосрочные курсы – 35%» [2, д. 88. л. 24].

В переписке прокурора А. Я. Вышинского с народным комиссаром юстиции СССР Е. Л. Зейдиным от марта 1944 года последним отмечается, что «состояние кадров народных судей, районных и городских прокуроров, их помощников и народных следователей требует решительных мер по улучшению их подготовки» [2, д. 88. л. 3].

Представляет интерес анализ Постановления Коллегии Народного комиссариата юстиции РСФСР от 11 ноября 1943 года «О повышении юридической квалификации судебными работниками и работниками органов НКЮ по Московской области». В указанном постановлении сообщается, что Управление НКЮ по Московской области недостаточно занималось повышением юридической квалификации судебных работников Управления, в

результате чего 4 оперативных работника не имели никакого законченного юридического образования. Из 144 народных судей 59 окончили лишь юридические курсы, а у 52 совершено не было юридической подготовки. Отдел кадров УНКЮ в ряде случаев укомплектовал судебные органы малограмотными людьми, не имеющими даже семилетнего образования. Так, в 1943 году в Рязанской области был выдвинут на должность народного судьи гражданин, не имеющий ни среднего, ни юридического образования [1, д. 60. л. 12].

Для решения проблемы профессиональной подготовки судебных работников и работников прокуратуры было необходимо обеспечить этим работникам возможность получения юридического образования. Одним из актуальных способов получения юридического образования стало заочное обучение. Народный комиссар юстиции СССР В. М. Молотов по этому поводу замечал: «В деле подготовки работников суда и прокуратуры система заочного юридического образования играет исключительно важную роль, особенно в связи со значительным обновлением судебно-прокурорских кадров за время войны» [2, д. 88, л. 24].

Основной базой подготовки народных судей, районных прокуроров и народных следователей являлись юридические школы с двухгодичным сроком обучения. В 1944 году таких школ насчитывалось 27, с общим числом слушателей 3912 человек. Необходимо отметить, что школы эти находились зачастую в неудовлетворительном состоянии. Большинство из них не имели необходимых учебных помещений, и занятия проводились в помещениях судов, областных управлениях НКЮ и т. д. Не было общежитий для слушателей, они ютились по углам в частных квартирах.

Также существовала проблема с профессорско-преподавательским составом. Ведь большой костяк отличных педагогов, с многолетней преподавательской практикой тоже был мобилизован еще в первые годы войны. Одной из причин плохого состояния школ является большая текучесть в составе директоров. В течение 1941-1942 учебного года по 25 школам выбыло 18 директоров. За 1942-1943 годы были смещены директора 5 юридических школ [2, д. 105. л. 4].

В период войны набор слушателей в юридические школы, как правило, осуществлялся из молодежи, окончившей семилетки и десятилетки и ранее нигде не работавших. Это приводило к тому, что выпускники юридических школ становились судьями, не имея практического стажа и необходимого опыта, или вовсе не могли быть направлены на судебную работу. Например, из 111 человек, окончивших в 1944 году Московскую юридическую школу в возрасте от 18 до 22 лет – 50 человек (45%); Ивановскую школу – 82%, Ташкентскую школу – 72%. При приеме на 1943-1944 учебный год во все юридические школы РСФСР было зачислено 2311 человек, из них две трети – 1525 человек в возрасте моложе 22 лет [2, д.105, л.5].

Государство, осознавая необходимость урегулирования вопросов в области подготовки юридических кадров, 12 июня 1944 года Советом Народных комиссаров СССР было принято Постановление № 648 «О реорганизации юридических школ». В соответствии с указанным постановлением, на эти школы была возложена специальная задача подготовки народных судей, районных и городских прокуроров и народных следователей. Был установлен особый порядок комплектования школ: в них принимались лица не моложе 23 лет, из числа партийного и советского актива, направляемые по путевкам краевых и областных руководящих органов [2, д. 97. л. 7].

В соответствии с Постановлением совета народных комиссаров Союза ССР от 19.04.1944 "О мероприятиях по улучшению подготовки юридических кадров с высшим и средним юридическим образованием" высшие юридические институты должны были обеспечить подготовку квалифицированных юристов, обладающих всесторонними глубокими знаниями в области юридических наук, способных вести самостоятельную судебную, прокурорско-следственную и адвокатскую работу, а также правовую работу в области советского строительства [2, д. 97, л. 8].

Проблемы при организации юридической подготовки судебных работников все равно оставались, и не удавалось избежать многих сложностей в этом процессе. Трудности военного времени, в том числе элементарная нехватка денег на проезд и проживание лишали некоторых обучающихся возможности являться на экзаменационные сессии. Согласно постановлению СНК СССР от 8 февраля 1941 года отпуска для выезда на экзаменационные сессии предоставлялись заочникам без сохранения содержания. Расходы по проезду на сессию и обратно им не возмещались. Имело место второгодничество, учебные заведения заканчивали далеко не все кто в него поступал, в образовательных учреждениях не всегда хватало надлежащего руководства самостоятельной работой, отсутствовал систематический контроль над выполнением учебного плана [1, д. 39, л. 10].

В начальный период войны многие здания институтов отдавались под нужды заводов, госпиталей, институтские общежития использовались для различных целей, связанных с обстоятельствами военного времени. В заключительные годы войны, когда Красная армия освобождала оккупированные неприятелем территории, во многих областях начиналась постепенно реэвакуация населения, принимались восстанавливать здания. Стала пропадать необходимость занимать здания учебных заведений другими учреждениями, и юридические институты постепенно начинали восстанавливать свою деятельность.

Так, в переписке народного комиссара юстиции Н. М. Рычкова с председателем совнаркома Алма-Аты Н. Д. Ундасыновым от декабря 1944 года, последним высказывается просьба вернуть Алма-атинскому юридическому институту принадлежащее ему помещение. «Здание юридического института занятое заводом 175 большей частью используется им для не производственных целей. Предполагается перевод завода в другое помещение. А освобождаемое здание института передать другому предприятию. Юридический институт, школа, курсы ютятся совершенно в не приспособленных для нормальных занятий помещениях» [2, д. 97, л. 1].

В 1944 году в городе Ленинграде работала специальная комиссия, которая определяла перечень ленинградских вузов, подлежащих реэвакуации. В переписке Рычкова и Молотова от февраля 1944 года очень эмоционально был поднят вопрос о том, что ленинградский юридический институт имени И. И. Калинина в это число институтов, подлежащих реэвакуации, не был включен [2, д. 97, л. 72].

Даже если здание института возвращалось учебному заведению, в большинстве случаев требовался ремонт и переоборудование помещений, ранее использовавшихся не для учебных целей. Так, Московский Государственный Юридический институт, который являлся одним из самых крупных в период войны, при восстановлении своей деятельности считал необходимым проведение в своих стенах капитального ремонта. Контингент студентов института в 1944 году составлял 860 человек, а к началу нового учебного года должен был возрасти до 1200 человек. Между тем, «учебный корпус института, требовавший капитального ремонта ещё до войны, пришёл в чрезвычайно ветхое состояние» [2, д. 97, л. 45]. Для организации учебного процесса необходимо было произвести капитальный ремонт чёрного здания института. Требовалось 150 тысяч рублей в дополнение к предусмотренным по смете 60 тысячам рублей. Необходимые средства были выделены институту на проведение капитального ремонта и тем самым на обеспечение нормального и комфортного учебного процесса у студентов.

Также средства стали выделяться и на материальное обеспечение студентов. Так, в соответствии с Постановлением совета народных комиссаров Союза ССР от 19.04.1944 года "О мероприятиях по улучшению подготовки юридических кадров с высшим и средним юридическим образованием", для студентов Московского Государственного Юридического института Прокуратуры СССР были установлены стипендии. На 1 и 2 курсах размер стипендии в юридическом институте составлял 500 рублей, на 3 курсе - 600 рублей, на 4 курсе - 700 рублей. Лицам, окончившим Московский Государственный Юридический институт Прокуратуры СССР, присваивается чин юриста второго класса, а при окончании с отличием

– чин юриста первого класса. Было принято решение организовать при институте аспирантуру. Стипендия в аспирантуре составляла 900 рублей. Студентам института предоставляется отсрочка от службы в Красной Армии на весь период обучения в институте. А Наркомат Обороны обязали возвратить из рядов Красной Армии в юридические институты 25 человек профессоров преподавателей юридических институтов и юридических факультетов университетов.

Лица, окончившие юридические институты и юридические факультеты университетов и не имевшие до поступления в высшие юридические учебные заведения стажа правовой работы, должны были пройти годичный стаж в качестве кандидата на должность, указанную при его распределении и в период прохождения стажа получали заработную плату в размере 75% ставки должностного оклада [2, д. 97, л. 46].

Ссылаясь на постановления СНК СССР от 11 ноября 1937 г. № 2000 и учитывая возросшее значение Казанского, Саратовского, Свердловского юридических институтов Н.М. Рычков предлагал указанные юридические институты отнести к высшим учебным заведениям II категории [2, д. 97, л. 3].

Со стороны высших должностных лиц принимались попытки, не только повысить престиж института безупречно организовав учебную и научную деятельность, но и создавать студентам как можно более благоприятные условия для обучения. Немаловажным было внимание к студентам, которые были участниками войны или инвалидами войны, а также членами семей военнослужащих. В годы войны число таких лиц резко возросло. Человеку, вернувшемуся с войны, в особенности инвалиду, необходимо было создать особые условия для поступления и обучения в юридических институтах.

Так, в переписке заместителя народного комиссара юстиции союза ССР Е. Л. Зейдина с заместителем председателя совета народных комиссаров союза ССР А. Я. Вышинским от 25.03.1944 года активно обсуждался вопрос об обеспечении возможности обучения в юридических учебных заведениях инвалидов Великой Отечественной войны. Инвалиды войны, имели, как правило, опыт советской или партийной работы, но нередко были лишены возможности получить высшее юридическое образование в виду отсутствия у них законченного среднего образования. Особую остроту этот вопрос приобретал при подготовке специалистов с высшим юридическим образованием для работы в органах суда и прокуратуры национальных республик.

С учётом этих обстоятельств Наркоматом Юстиции СССР в 1943 году были организованы при Казанском, Ташкентском, Алма-Атинском юридических институтах курсы подготовки для лиц, желающих обучаться в этих институтах из числа инвалидов отечественной войны и националов с образованием в объёме 9 классов средней школы. Этот опыт вполне себя оправдал, и все окончившие указанные курсы после надлежащей проверки знаний были приняты в соответствующие институты [2, д. 97, л. 18].

Также 5 декабря 1944 было принято распоряжение № 22334р, согласно которому с 1 сентября 1944 года освобождались от платы за обучение в 8-10 классах средних школ, техникумов, высших учебных заведениях дети офицеров инвалидов ВОВ и дети офицеров, погибших и пропавших без вести [2, д. 97, л. 8].

11 марта 1944 года было принято распоряжение №5432-р, в соответствии с которым комитету по делам Высшей школы при Совнаркоме СССР разрешено было восстановить правила приёма в вузы и техникумы, существовавшие до войны, установленные Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП/б от 23 июня 1936 года [2, д. 97, л. 54].

Таким образом, в заключительные годы войны можно наблюдать стабилизацию ситуации по подготовке юридических кадров для органов юстиции и суда. За годы войны, конечно, возникло в этой области немало вопросов и трудностей, и они оставались впоследствии. Но можно смело констатировать, что в целом ситуация по обеспечению судебных органов юридическими кадрами все время находилась под контролем у государства.

Проблемы с обеспечением судебных органов профессиональными кадрами не стали критическими, и деятельность советской судебной системы все же не была полностью парализована, однако трудности отправления правосудия в связи с этим имели место быть. Государство старалось всячески контролировать данную проблему, принимало большое количество постановлений и указаний, посредством которых пытались стабилизировать ситуацию. Также большое внимание уделялось юридическому образованию судебных работников и повышению их профессиональных навыков. Государство пыталось не только дать студентам юридическое образование, но и старалось обеспечивать комфортные условия обучения, стипендию. Особое внимание уделялось участникам и инвалидам войны, которые имели желание по возвращении с фронта получить юридическое образование. Это приветствовалось, так как люди, прошедшие войну, имели большой жизненный опыт, а некоторые и трудовой стаж, что было очень ценно в их дальнейшей судебной работе. Как только появилась возможность, статусы институтов стали закрепляться и подниматься, а при институтах стали образовываться аспирантуры. Стипендии у аспирантов были выше, чем у студентов, и это становилось одним из стимулов продолжать обучение и более глубоко изучать советское право. Все это имело большое значение для развития юридического образования и в последующие годы. Ведь с появлением возможности обучаться в аспирантуре у некоторых юристов появилась возможность углубленно изучать правовые науки и передавать свои знания новым студентам.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-3471. Оп. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9494. Оп. 1.
3. Казарин, В. Н. (2005). *Иркутский областной суд в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны* // Сибирский юридический вестник. № 4. С. 85-94.
4. Макиша, А. С., Прокопенко, А. А. (2015). *Деятельность прокуратуры в годы Великой Отечественной войны* // Юридический вестник Самарского университета. № 4. С. 108-111.
5. Петухов, Н. А. (1995). *Деятельность органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны* // Государство и право. № 8. С. 82-107.
6. Печерский, В. А. (2016). *Советская судебная система в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны (на примере судов общей юрисдикции)* // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Т. 15. №1. С. 134-144.
7. Печерский, В. А. (2016). *Структура и кадровый состав прокурорских органов Красноярского края в годы Великой Отечественной войны* // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. № 2 (22). С. 31-38.
8. Ратушняк, В. Н. (2017). *Кубанская адвокатура в годы Великой Отечественной войны* // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 9. № 4-2. С. 75-81.
9. Шатилова, О. А. (2009). *Деятельность судебных и прокурорских органов в период Великой Отечественной войны* // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 13. С. 69-71.
10. Широкова, А. А. (2009). *Подготовка и переподготовка кадров советской прокуратуры в годы Великой Отечественной войны* // Вестник Московского университета МВД России. № 7. С. 220-221.
11. Хундиашвили, Д. М. (2012). *Изменения в советском праве в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)* // Человеческий капитал. № 4 (40). С. 18-20.

References

1. Kazarin, V. N. (2005). *Irkutskij oblastnoj sud v predvoennyj period i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Irkutsk Regional Court in the pre-war period and during the Great Patriotic War] in *Siberian Legal Bulletin*, 4, 85-94. (in Russian).
2. Makisha, A. S., Prokopenko, A.A. (2015). *Deyatel'nost' prokuratury v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Activity of the prosecutor's office during the Great Patriotic War] in *Legal Bulletin of Samara University*, 4, 108-111. (in Russian).
3. Petuhov, N. A. (1995). *Deyatel'nost' organov voennoj yusticii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Activity of military justice bodies during the Great Patriotic War] in *State and law*, 8, 82-107. (in Russian).
4. Pecherskij, V. A. (2016). *Sovetskaya sudebnaya sistema v Krasnoyarskom krae v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere sudov obshchej yurisdikcii)* [The Soviet judicial system in the Krasnoyarsk Territory during the Great Patriotic War (on the example of courts of general jurisdiction)] in *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: history, philology*, vol. 15, 1, 134-144. (in Russian).
5. Pecherskij, V. A. (2016). *Struktura i kadrovyy sostav prokurorskih organov Krasnoyarskogo kraja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Structure and personnel of the prosecutor's bodies of the Krasnoyarsk Territory during the Great Patriotic War] in *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences*, 2, 75-81. (22). (in Russian).
6. Ratushnyak, V. N. (2017). *Kubanskaya advokatura v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Kuban advocacy during the Great Patriotic War] in *Historical and socio-educational thought*, vol. 9, 4-2, 75-81. (in Russian).
7. Shatilova, O. A. (2009). *Deyatel'nost' sudebnyh i prokurorskih organov v period Velikoj Otechestvennoj vojny* [Activities of judicial and prosecutorial bodies during the Great Patriotic War] in *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 13, 69-71. (in Russian).
8. Shirokova, A. A. (2009). *Podgotovka i perepodgotovka kadrov sovetskoj prokuratury v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Training and retraining of personnel of the Soviet Prosecutor's Office during the Great Patriotic War] in *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 7, 220-221. (in Russian).
9. Hundiashvili, D. M. (2012). *Izmeneniya v sovetskom prave v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945 gg.)* [Changes in Soviet law during the Great Patriotic War (1941-1945)] in *Human capital*, 4 (40), 18-20. (in Russian).

**Оришев А. Б.,
Тарасенко В. Н.**
(Москва)

УДК 93/94

ГЕРМАНСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ И ПРОБЛЕМА КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1941 Г.

В статье обосновывается научная и политическая актуальность темы изучения германской оккупационной политики на Украине в 1941 г. Показаны основные различия в подходах к этой проблеме российских и украинских историков. Источниковой базой настоящего исследования стали документы разведывательных органов Южного и Юго-Западного фронтов из фондов Центрального архива Министерства обороны, в которых приведены секретные директивы немецкого командования, определяющие политические и экономические мероприятия немцев на захваченной ими территории Украинской ССР. Цель исследования: используя ранее неизвестные архивные документы, охарактеризовать основные направления гитлеровской оккупационной политики на Украине в 1941 г. и показать роль украинских коллаборационистов в создании «нового порядка» на захваченных территориях. Основа методологии исследования – принцип историзма, предполагающий рассмотрение изучаемого объекта с учетом конкретных обстоятельств второй половины 1941 г. Научная новизна заключается в том, что авторы показали эволюцию взглядов германского правительства в отношении перспектив украинской государственности; дали характеристику экономическим мероприятиям Третьего рейха на территории Украинской ССР; доказали, что важным направлением оккупационной политики стало подавление партизанского движения; выявили основные методы и средства нацистской пропаганды на Украине. Главный научный результат: показано, что германские оккупационные власти, установив репрессивный режим на Украине, рассматривали украинских националистов исключительно как марионеток, не ставя в повестку дня вопрос о создании Украины как независимого государства.

Ключевые слова: Украина, оккупированные территории, украинские националисты, коллаборационизм, партизанское движение, террор.

The article substantiates the scientific and political relevance of the topic of studying the German occupation policy in Ukraine in 1941. The main differences in the approaches to this problem of Russian and Ukrainian historians are shown. The source base of this study was the documents of the intelligence agencies of the Southern and Southwestern Fronts from the funds of the Central Archives of the Ministry of Defense, which contain secret directives of the German command that determine the political and economic activities of the Germans on the territory of the Ukrainian SSR that they have seized. Purpose of the study: using previously unknown archival documents to characterize the main directions of the Nazi occupation policy in Ukraine in 1941 and to show the role of Ukrainian collaborators in creating a "new order" in the occupied territories. The basis of the research methodology is the principle of historicism, which presupposes an examination of the object under study, taking into account the specific circumstances of the second half of 1941. The scientific novelty lies in the fact that the authors showed the evolution of the views of the German government regarding the prospects for Ukrainian statehood; gave a description of the economic activities of the Third Reich on the territory of the Ukrainian SSR; proved that the suppression of the partisan movement became an important direction of the occupation policy; identified the main methods and means of Nazi propaganda in Ukraine. The main scientific result: it is shown that the German occupation authorities, having established a repres-

sive regime in Ukraine, considered Ukrainian nationalists exclusively as puppets, without putting on the agenda the issue of creating Ukraine as an independent state.

Keywords: Ukraine, occupied territories, Ukrainian nationalists, collaborationism, partisan movement, terror.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-101-109

Сразу после того, как в нашей стране в эпоху «перестройки» был открыт доступ ко многим архивным документам, а с историков сняли идеологические ограничения, у некоторых «исследователей» возник соблазн представить историю Великой Отечественной войны как еще одну гражданскую войну, когда часть народов СССР активно противодействовала оккупантам, а другая с оружием в руках стала воевать на стороне вермахта [4, с. 122-125]. Однако серьезные ученые остались верны своим принципам. Не стремясь к разоблачительным сенсациям, они продолжили традиции советских историков и уже на новой документальной базе показали репрессивный характер германского оккупационного режима и неприглядную роль некоторых националистических организаций, в том числе и на Украине. Как явление украинский коллаборационизм в 2000 г. стал предметом фундаментального монографического исследования М. И. Семиряги [12, с. 482-524]. В 2009 г. вышла в свет монография Б. Н. Ковалева, в которой автор рассматривал коллаборационизм не в привязке к какой-либо территории, а исходя из предложенной им классификации: военный, экономический, административный, идеологический, интеллектуальный коллаборационизм и т.д. [5]. Появились и другие работы отечественных авторов, в которых раскрывалась суть оккупационного режима и поднимался вопрос о сотрудничестве украинских националистов с оккупантами [8, с. 28-31; 13, с. 45-82].

Среди публикаций последних лет можно назвать посвященную вопросам трудовой политики нацистов на Украине работу И. И. Баринова [2, с. 83-98], защитившего в итоге по теме германской оккупационной политики кандидатскую диссертацию. Интерес вызывает работа И. С. Канавина, который называет украинских националистов «главным карательным инструментом в руках оккупантов» [6, с. 51-54].

Иначе на события военных лет смотрят на Украине. Современные украинские историки говорят о том, что карательные меры германских оккупационных властей были вызваны «безоглядной провокационной диверсионной войной, которую в тылу вермахта развязал кремлевский диктатор» [9, с. 154-169]. Украинские историки ставят порой знак равенства между германским оккупационным режимом и «тоталитарным режимом империи зла», установленным на Украине в послевоенные годы [10, с. 54-55, 57, 59]. Также поднимается вопрос о том, насколько применимо понятие «Великая Отечественная война» в отношении украинского народа [5].

Что касается западных исследователей, то некоторые из них указывают на различия в позициях германского руководства в отношении Украины. Так, Р. Ильницкий обращает внимание на концепцию А. Розенберга, выступавшего за предоставление Украине статуса автономного государственного образования, что расходилось с позицией фюрера [15, с. 2, 7].

Таким образом, вопрос о германской оккупационной политике в Украинской ССР вышел за рамки научной дискуссии. Поэтому в наше время любой новый материал с использованием ранее неизвестных архивных источников привлекает внимание научной общественности как в России, так и на Украине. Настоящей статьёй авторы вносят свой вклад в изучение заявленной темы, вводят в научный оборот ранее неизвестные документы и тем самым содействуют приращению нового исторического знания. Они подчеркивают, что изучение германского оккупационного режима, в том числе порожденного им коллаборационизма, актуально и в политическом плане, т. к. попытки пересмотреть итоги Второй ми-

ровой войны, принизить роль Советского Союза в победе над нацизмом предпринимаются вплоть до наших дней.

Цель настоящего исследования – используя ранее неизвестные архивные документы, охарактеризовать основные направления гитлеровской оккупационной политики на Украине в 1941 г. и показать роль украинских коллаборационистов в создании «нового порядка» на захваченных территориях.

Основой методологии исследования стал принцип историзма, предполагающий рассмотрение изучаемого объекта с учетом конкретных обстоятельств второй половины 1941 г., когда германские войска заняли большую часть европейской территории СССР и часть советских граждан, прежде всего на национальных окраинах, стало сомневаться в окончательной победе Красной Армии.

22 июня 1941 г. началась германская агрессия против СССР. Уже в первые дни войны бомбардировке подверглись крупные украинские города: Киев, Львов, Ровно, Одесса, Севастополь. Наступавшей здесь группе армий «Юг» (командующий – генерал-фельдмаршал Г. Рундштедт) противостояли части Киевского особого военного округа, преобразованные в Юго-Западный фронт (командующий генерал-полковник М. Кирпонос).

Потеряв в течение одной недели в боях большую часть своей боевой техники, части Юго-Западного фронта, имевшие значительный некомплект в живой силе и имея на вооружении в основном легкие танки, бронь которых пробивалась немецкими крупнокалиберными пулеметами, были вынуждены отступить. 19 сентября германские войска взяли Киев и 600 тыс. бойцов и командиров Красной Армии попали в плен.

К концу 1941 г. вермахт оккупировал фактически всю Украинскую ССР, за исключением нескольких восточных районов. В составе германских войск на территорию Украины вступил специально созданный немцами батальон «Нахтигаль» («Соловей»), сформированный из украинских националистов под командованием Р. Шухевича [1, с. 172]. И как результат, был установлен оккупационный режим, ставший серьезным испытанием для миллионов украинцев.

Прежде всего, обратим внимание на позицию Германии в отношении перспектив украинской государственности. Впервые о своих претензиях на украинские территории Гитлер публично высказался на очередном партийном съезде в Нюрнберге в сентябре 1936 г. [16, с. 1]. 21 июля 1940 г., говоря о своих планах в отношении СССР, Гитлер заявил о необходимости создания на его территории независимых Белоруссии, Федерации Прибалтийских государств и собственно Украинского государства. Однако уже через десять дней он решительно отказался от этого проекта, что подтверждается записями из дневника Ф. Гальдера [3, с. 60]. С тех пор Украина рассматривалась нацистами исключительно как одна из сырьевых баз рейха. Верховное командование 11-й германской армии от 16 сентября 1941 г. издало приказ, в котором казуистически заявляло: «При подходящих случаях можно заявить украинцам, что Украина будет принята в семью европейских народов, как одно из крупных государств, но при этом желательно одновременно указывать им, что для создания самостоятельного украинского государства проливается германская кровь и что они, учитывая это, сначала должны мириться с некоторыми жертвами, какие германское правительство с точки зрения политической сочтет необходимым» [14, д. 259, л. 1]. Таким образом, тема украинской государственности рассматривалась немцами исключительно в целях пропаганды и манипулирования украинскими националистами, которых они широко использовали против СССР.

Сразу после захвата советской Украины управление на ее территории было сосредоточено в руках военных оккупационных властей. В немецкой инструкции об организации комендатур, опубликованной в приказе 11-й армии от 17 августа 1941 г. отмечалось: обязанности коменданта возлагаются на старшего в чине офицера, поскольку высшая инстанция не назначает специального коменданта; состав комендатуры зависит от величины населенного пункта. Персонал комендатуры (офицерский состав, писари, ординарцы, телефони-

сты, переводчики и др.); задачи и права комендантов публикуются в сборнике приказов по армии.

По условиям «нового порядка» в обязанности коменданта входили:

- 1) организация в городах и селах местных органов управления (бургомистров);
- 2) организация сбора урожая, назначение руководителей предприятий (старшин колхозов) по согласованию с уполномоченным по сельскохозяйственным вопросам;
- 3) возобновление работы коммунальных предприятий;
- 4) ведение военной пропаганды, издание воззваний, обращений и т.д.;
- 5) организация наблюдения за населением и контрразведка с привлечением частей полевой жандармерии [14, д. 259, л. 7].

Помимо комендантов на оккупированные территории направлялись уполномоченные германского правительства по сельскохозяйственным и промышленным вопросам, в функцию которых входило подчинение всей экономики интересам вермахта.

Важнейшим составляющим германской оккупационной политики стали экономические мероприятия. Экономике захваченной украинской территории немцы рассматривали как придаток экономики рейха. Усилия немецкого командования осенью 1941 г. были направлены на то, чтобы собрать полностью урожай, перевести армию на снабжение за счёт местных ресурсов, вывести максимум продовольствия в Германию и использовать местные заводы и мастерские для ремонта автомашин, тракторов, танков и других видов вооружения немецкой армии, действующей на восточном фронте.

В приказе главнокомандующего 6-й армии В. фон Рейхенау от 4 октября 1941 г. говорилось: «Мое воззвание об уборке урожая западнее Днепра имело большой успех благодаря всемерной поддержке всех соединений. Восточнее Днепра уборка зерновых и корнеплодов, а также посев озимых очень отстают. Под нажимом противника сельское население боялось проводить работу по уборке урожая. С удовлетворением можно отметить, что уже имеется перелом в этом отношении. Наше продовольственное хозяйство требует не только для нас, но и для родины, чтобы сельское хозяйство восточнее Днепра было полностью использовано.

Принимая во внимание дальнейшее развитие военных операций, особая рабочая сила для полевых работ не может быть выделена. Поэтому ничего другого не остается, как то, что во всех селах, где останавливаются воинские части даже на самое короткое время, а особенно там, где части располагаются на несколько дней, выделить ответственных лиц и колхозных руководителей, которые должны провести уборку урожая и провести посев озимых, привлекая для этого все гражданское население, включая женщин и детей» [14, д. 259, л. 2].

Заметим, что инструкции и приказы немецкого командования требовали не распускать колхозы, а использовать колхозников для сбора урожая и посева. И это несмотря на то, что часть населения, оказавшегося на оккупированной территории и испытывавшая некоторые иллюзии в отношении «нового порядка» надеялась прежде всего на ликвидацию колхозного строя. Между тем всюду развешивались приказы, в которых под угрозой смертной казни гитлеровцы требовали от колхозников собрать урожай: «Лица, не вставшие на учет и самовольно оставляющие колхозы и работу, подлежат расстрелу».

Снабжение армии, действующей на восточном фронте, германское командование целиком стремилось провести за счёт местных ресурсов. И это в тот момент, когда ведомство Геббельса вещало, что германская армия не нуждается в местных ресурсах и полностью снабжается поставками с родины [11, д. 14, л. 8-9]. В приказе армейского интендантства 6-й армии от 2 октября 1941 г. говорилось: «В дальнейшем будут подвозиться только те продукты питания, которые нельзя взять в оккупированной стране и которые необходимы для того, чтобы ввести определенное разнообразие в меню питания, как например: вино, табачные изделия, колбаса. В первую очередь необходимо добиться полного обеспечения овсом и мукой (чтобы не быть зависимыми от подвоза). От подвоза скота (из Германии) и речи

быть не может. За скот, продукты питания и фураж, которые не были собственностью русской армии, необходимо уплачивать владельцам наличными по установленным ценам. Сумму меньше 1000 марок уплачивать наличными, а на суммы больше 1000 марок выдавать установленные расписки».

Согласно изданным приказам, крестьян обязали сдавать скот и продукты немецкой армии по следующим ценам: корова упитанная - 180 руб.; корова средней упитанности - 160 руб.; корова неупитанная - 120 руб.; свинья (6 пудов) - 300 руб.; пшеница 1-й сорт - 25 руб. (за центнер); пшеница 2-й сорт - 20 руб.; пшеница 3-й сорт - 15 руб.

Платежными средствами на захваченной территории устанавливались оккупационные марки, рейхспфенниг и рентепфенниг. Интересно, что наряду с маркой имели хождение и советские деньги. 10 советских рублей приравнивались к одной марке.

Несмотря на установленные цены на сельскохозяйственные продукты, немецкие воинские части при реквизиции их у крестьян вместо денег давали крестьянам, главным образом, расписки, которые не имели обращения. Наряду с тем, что снабжение армии было переведено за счет местных ресурсов, немецкое командование стремилось как можно больше вывезти сельскохозяйственных продуктов в Германию. Ради справедливости, скажем о том, что расписки после реквизиций оставляли местному населению и партизаны. И по понятным причинам, никто из крестьян так и не получил после войны каких-либо компенсаций по партизанским распискам.

Украинцы, имевшие коров и кур, были обязаны сдавать оккупантам ежедневно два литра молока и два яйца с каждой курицы в неделю. Собранный колхозниками хлеб вывозился к железным дорогам, там грузился в вагоны и отправлялся в Германию.

Немцы пытались вывезти из оккупированных территорий буквально все. В ряде приказов по 11-й армии указывалось, что «для отправки продовольствия в Германию необходимо использовать автотранспорт, разгруженный от боеприпасов, и всякий другой порожняк, возвращающийся в империю» [14, д. 259, л. 3].

Как следует из архивных документов, немцы использовали обратные рейсы транспортных самолетов, которые доставляли на театр военных действий запасные части, медикаменты и т. д. для отправки в Германию масла, свиной кожи и т.д.

Одним из видов грабежа немцы применяли так называемую «разверстку». В село присылалось требование доставить немедленно овчину, валенки, полушубки, шерстяные вещи, причем срок для выполнения этого требования часто не превышал 24 часа. Наряду с организованным грабежом населения, широко осуществлялся индивидуальный грабеж. В докладе уполномоченного германского генерального командования от 24 июля 1941 г. говорилось: «После вступления германских войск в город начался поголовный грабёж, всюду были видны разрушения, на квартирах, в магазинах, лавках и складах. К утру все оказалось полностью опустошенным. В грабеже участвовали офицеры».

В другом документе «Приказ по 3 армейскому корпусу от 27 июля 1941 г.» говорилось: «Командование устанавливает незаконные действия отдельных военнослужащих корпуса, как то:

а) крестьянка была убита военнослужащим в своем доме за то, что она возражала против того, чтобы у нее забрали последнюю свинью;

б) ефрейтор отдал письменное распоряжение немедленно доставить ему 25 кг сливочного масла;

в) в одном из колхозов были изъяты все свиноматки и зарезаны в то время, когда имелся другой убойный скот».

В приказе по 14-й танковой дивизии от 30 августа 1941 г. приводились другие факты, раскрывающие суть оккупационного режима: «Констатируются незаконные реквизиции и бесчинства военнослужащих дивизии. Они отбирают у жителей продукты и другое имущество, а также взламывают двери в домах, забирая совершенно ненужные для солдата вещи» [14, д. 259, л. 4]. Заметим, что оба документа имели гриф «секретно», предназначались ис-

ключительно для служебного пользования, когда само германское командование признавало факты насильственных действий своих солдат в отношении гражданского населения.

В отношении восстановления промышленности немцами принимались меры в первую очередь к пуску тех заводов и мастерских, на которых можно было ремонтировать танки, автотранспорт или оружие. Проводилась перепись населения в городах и местечках. Рабочим под угрозой репрессий, вплоть до расстрела, было приказано являться на заводы и фабрики.

В Кировограде работал завод «Профинтерн», ремонтируя немецкие автомашины и танки; функционировали механические цехи днепропетровских заводов, ремонтировавшие тягачи, автомашины и танки. Плата рабочим производилась ежедневно. Мастер электростанции получал две марки в день, машинист провоза - 1,3 марки, слесарь - одну марку. Железная дорога от Кировограда на Кременчуг, Днепропетровск и Николаев была перестроена следующим образом: первая линия оставлена под советский подвижной состав, вторая линия перешита под немецкий подвижной состав. Проезд по железной дороге гражданским лицам воспрещался.

В своей агитационной работе немцы, привлекая к сотрудничеству украинских националистов, не брезговали никакими средствами. Помимо специальных пропагандистских органов по работе среди населения оккупированных территорий они возлагали пропагандистские функции также на комендантов, в обязанности которых вменялось заниматься военной и политической пропагандой, издавать воззвания. Немецкие пропагандисты распускали слухи о том, что Красная Армия уже разбита, немецкие войска захватили Ленинград, Москву, Ростов и подошли к Уралу, возврата советской власти уже не будет, что среди членов политбюро произошел раскол. Использовались различные формы пропаганды: листовки, плакаты, объявления, сходки, ходоки по селам с задачей распространения нужных для Германии слухов и т.д. Особое внимание немцы отводили радиопропаганде, организовав широковещательные станции во Львове, Виннице, Кировограде.

Всяческое проявление недовольства немцы пытались задуть террором. За малейшие жалобы или негодование по отношению к германской армии они угрожали расстрелом. Тысячи жителей Украины были расстреляны уже летом-осенью 1941 г. даже без предъявления обвинения. В селе Тритузное в первых числах сентября было расстреляно 300 человек, якобы за трех немецких солдат, найденных задавленными в этом селе. В конце сентября 1941 г. в Днепродзержинске оккупанты расстреляли свыше 300 жителей за обнаруженного в городе убитого немецкого офицера.

Важным направлением оккупационной политики стало подавление партизанского движения. Для того чтобы дискредитировать партизан немцы прибегали к таким приемам: в селе Андреевка банде, состоявшей из петлюровцев, белогвардейцев и репрессированных элементов, они приказали выдавать себя за партизан и заниматься грабежом населения. По настоянию жителей немцы, сделав жест защитников населения, «переловили» эту банду, а через некоторое время выпустили ее, и эта банда продолжала грабежи в другом месте.

Как следует из архивных документов, для того чтобы добиться сотрудничества населения с оккупантами, последние практиковали и такие приемы: ночью самолет бросал на село три-четыре бомбы, весом до 5 кг, а утром в село приезжал комендант с переводчиком, собирал все село и говорил: «За то, что вы не ушли с большевиками, они вас объявили вне закона и хотят уничтожить, но мы взяли вас под охрану и больше этого не допустим, живите мирно, а мы вас будем защищать». Или такой прием: в селах наблюдался острый недостаток соли, спичек и керосина, а немцы, захватив кооперативный склад, в котором были соль и спички, громили его и начинали выдавать соль крестьянам, а при раздаче говорили: «Видите, как большевики над вами издевались, целые склады соли от вас прятали, а мы их разбили и все отдали вам» [14, д. 259, л. 6].

Особая миссия в борьбе с партизанами отводилась коллаборационистам из числа местных жителей. В распоряжении немецкого верховного командования 11-й армии от 16 сен-

тября 1941 г. отмечалось: «Там, где образовались национальные украинские власти (местные или окружные) они не имеют права издавать какие-либо самостоятельные постановления или законы, они будут считаться доверенными органами для связи с германскими военными властями, задания которых они должны выполнять и разъяснять их населению (никакой партийной политики). Там, где образовалась местная милиция, она может быть терпима только после очистки ее от сомнительных элементов (политкомиссаров, русских солдат).

Вооружение – только легкое, в абсолютно необходимых размерах.

Командиры – офицеры или унтер-офицеры из служивших в бывшей австрийской или польской армиях.

Знаки различия – желто-голубая нарукавная повязка со штампом коменданта.

Права – только поддержание порядка» [14, д. 259, л. 7].

Для работы в местных управлениях немцы пытались использовать украинских националистов, кулацкие и репрессированные элементы. Однако полного доверия к ним со стороны германского командования не было. По вопросу о националистических организациях на оккупированной территории в приказе немецкого верховного командования от 16 сентября 1941 г. приводилась следующая установка: «Создание межрайонных украинских организаций нужно пока во всяком случае прекратить. На запросы по этому вопросу целесообразно отвечать, что подобные учреждения могут быть организованы лишь после установления гражданского управления в стране» [14, д. 259, л. 8]. Так или иначе, но летом 1941 г. на оккупированной территории действовали оба основных направления Организации украинских националистов ОУН («бандеровцы» и «мельниковцы»), которая активно занялась антисоветской пропагандой. И все это несмотря на то, что установившийся на Украине оккупационный режим не создавал предпосылок для массовой поддержки населением оккупантов, напротив, своими репрессиями и тотальным контролем он настраивал подавляющее большинство украинцев на сопротивление.

Все помыслы украинских националистов о создании на территории Украины с помощью немцев самостоятельного государственного образования оказались тщетны. Германское правительство не нуждалось в независимом украинском государстве ни до войны, ни после. Об этом говорит сам режим гитлеровской оккупации, характеризовавшийся насилием и террором, вывозом природных ресурсов в Германию, сохранением системы колхозов, которую немцы использовали в целях эксплуатации украинцев. Украинские коллаборационисты интересовали Берлин исключительно как инструмент для поддержания оккупационного режима и для репрессий против местного населения, не смирившегося с оккупантами. Поэтому не случайно, что осенью 1941 г., разуверившись в немцах, часть украинских националистов прекратили сотрудничество с Третьим рейхом. Только их отношения с оккупационным режимом в последующие годы – это уже предмет другого исследования.

Список источников и литературы

1. Баринов, И. И. (2013). *Воображаемая история? (украинский национализм, третий рейх и современная украинская историография)* // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 169-176.
2. Баринов, И. И. (2013) *Трудовая политика нацистской германии на оккупированной Украине и украинские остарбайтеры в 1941-1943 гг.* // *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. № 4. С. 83-98.
3. Гальдер, Ф. (1969). *Военный дневник*. Т. 2. М.: Воениздат. 328 с.
4. Горобец, А. Ф. (2004). *Коллаборационизм казаков 1941-45 гг. как продолжение гражданской войны в России* // *Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ*. № 1-3 (14-16). С. 122-125.
5. Ковалев, Б. Н. (2009). *Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы*. Великий Новгород: НГУ имени Ярослава Мудрого. 372 с.

6. Канавин, И. С. (2021). *Деятельность украинских националистов на Украине в годы ее гитлеровской оккупации в 1941-1944 годах* // Преподавание истории в школе. № 4. С. 51-54.
7. Коваль, М. В. (1999). *Україна у Другій Світовій і Великій вітчизняній війнах (1939-1945)*. Київ: Альтернативи. 336 с.
8. Кулик, С. В. (2007). *Особенности оккупационного режима и отношение гитлеровцев к советским гражданам* // Военно-исторический журнал. № 1. С. 28-31.
9. Легасова, Л. В., Шевченко, М. Ю. (2010). *Сожженые села (1941-1944 гг.): украинское измерение трагедии* // Сторінки воєнної історії України. № 13. С. 154-169.
10. Милусь, В. І. (2005). *Українці в роки Другої світової війни* // Науковий вісник Волинського державного університету імені Лесі Українки. Вип. 6. Луцьк: ВНУ. С. 54-59.
11. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 615к. Оп. 1. Д. 14.
12. Семиряга, М. И. (2000). *Коллаборационизм: природа, типология, и проявления в годы Второй мировой войны*. М.: РОССПЭН. 862 с.
13. Турицын, И. В. (2014). *Гитлеровцы и возникновение Украинской повстанческой армии: исторические реалии 1941-1943 гг.* // Современная научная мысль. № 3. С. 45-82.
14. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 500. Оп. 12480. Д. 259.
15. Pnytzkyj R. (1955). *Deutschland und die Ukraine 1934-1945*. Bd. 1. München, Osteuropa-Institut. 383 S.
16. Völkische Beobachter. 15 September 1936.

References

1. Barinov, I. I. (2013). *Voobrazhaemaya istoriya? (ukrainskiy natsionalizm, tretiy reykh i sovremennaya ukrainskaya istoriografiya)* [An imaginary story? (Ukrainian nationalism, Third Reich and modern Ukrainian historiography)] in *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1, 169-176. (in Russian).
2. Barinov, I. I. (2013) *Trudovaya politika natsistskoy germanii na okkupirovannoy Ukraine i ukrainskie ostarbaytery v 1941-1943 gg.* [Labor policy of Nazi Germany in occupied Ukraine and Ukrainian ostarbeiters in 1941-1943] in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, 4, 83-98. (in Russian).
3. Gal'der, F. (1969). *Voennyi dnevnik*. [War diary], t . 2. Moscow, Voenizdat. 328. (in Russian).
4. Gorobets, A. F. (2004). *Kollaboratsionizm kazakov 1941-45 gg. kak prodolzhenie grazhdanskoj vojny v Rossii* [Collaboration of the Cossacks 1941-45 as a continuation of the civil war in Russia] in *Ekonomika. Pravo. Pechat'. Vestnik KSEI*, 1-3 (14-16), 122-125. (in Russian).
5. Kovalev, B. N. (2009). *Kollaboratsionizm v Rossii v 1941-1945 gg.: tipy i formy* [Collaboration in Russia in 1941-1945: types and forms]. Velikiy Novgorod, NGU imeni Yaroslava Mudrogo. (in Russian).
6. Kanavin, I. S. (2021). *Deyatel'nost' ukrainskikh natsionalistov na Ukraine v gody ee giterovskoy okkupatsii v 1941-1944 godakh* [The activities of Ukrainian nationalists in Ukraine during the years of its Nazi occupation in 1941-1944] in *Prepodavanie istorii v shkole*, 4, 51-54. (in Russian).
7. Koval', M. V. (1999). *Україна у Другий Світовий і Великій вітчизняній війнах (1939-1945)* [Ukraine at Another Svitoviy and the Great Vitchiznyany Vyinakh (1939-1945)]. Київ, Al'ternativi, 336. (in Ukraine).
8. Kulik, S. V. (2007). *Osobennosti okkupatsionnogo rezhima i otnoshenie gitlerovtsev k sovetskim grazhdanam* [Features of the occupation regime and the attitude of the Nazis to Soviet citizens] in *Voenno-istoricheskiy zhurnal*, 1, 28-31. (in Russian).

9. Legasova, L. V., Shevchenko, M. Yu. (2010). *Sozhzhennye sela (1941-1944 gg.): ukrainskoe izmerenie tragedii* [Burnt villages (1941-1944): Ukrainian dimension of the tragedy] in *Storinki voinnoï istorii Ukraïni*, 13, 154-169. (in Ukraine).
10. Milus', V. I. (2005). *Ukraïntsi v roki Drugoi svitovoi viyni* // *Naukoviy visnik Volin'skogo derzhavnogo univer-sitetu imeni Lesi Ukraïнки*. Vip. 6. Luts'k: VNU. S. 54-59.
11. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv (RGVA)*. F. 615k. Op. 1. D. 14.
12. Semiryaga, M. I. (2000). *Kollaboratsionizm: priroda, tipologiya, i proyavleniya gody Vtoroy mirovoy voyny* [Collaboration: nature, typology, and manifestations of the Second World War]. Moscow, ROSSPEN. (in Russian).
13. Turitsyn, I. V. (2014). *Gitlerovtsy i vzniknovenie Ukrainskoy povstancheskoï armii: istoricheskie realii 1941-1943 gg.* [The Nazis and the Emergence of the Ukrainian Insurgent Army: Historical Realities 1941-1943] in *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, 3, 45-82. (in Russian).
14. *Tsentral'nyy arkhiv Ministerstva oborony (TsAMO)* [Central Archive of the Ministry of Defense], f. 500, op. 12480, d. 259.

Серазетдинов Б. У.
(Москва)

УДК 94(57). 084. 8

ПРЕДСЕДАТЕЛИ КОЛХОЗОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: КАДРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ПРОФЕССИОНАЛИЗМ, УПРАВЛЕНИЕ

В статье рассмотрена слабоизученная тема о положении председателей колхозов в годы Великой Отечественной войны, о формировании и реализации кадровой политики в сельских районах, поскольку от подбора, подготовки председателей колхозов зависело, насколько эффективно будет колхоз в военное лихолетье решать задачи по реализации продовольственной программы. Целью данного исследования является изучение особенностей кадровой политики районных партийных организаций и Алтайского крайкома ВКП(б) по подбору людей на должность председателя колхоза. Методологическая база исследования основана на принципе историзма с применением при описании исторических событий и процессов идеографического метода. Основные выводы исследования заключаются в том, что на основе архивных сведений выделены основные направления кадровой работы, осуществлявшейся партийными и государственными органами среди председателей колхозов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, кадровая политика, председатель колхоза, секретарь райкома ВКП(б), Алтайский край.

The article deals with a poorly studied topic about the situation of collective farm chairmen during the Great Patriotic War, about the formation and implementation of personnel policy in rural areas, since the selection and training of collective farm chairmen depended on how effectively the collective farm would solve the tasks of implementing the food program during the war years. The purpose of this study is to study the features of the personnel policy of district party organizations and the Altai Krai Committee of the CPSU (b) on the selection of people for the position of chairman of the collective farm. The methodological basis of the research is based on the principle of historicism with the use of the ideographic method in describing historical events and processes. The main conclusions of the study are that on the basis of archival information, the main directions of personnel work carried out by party and state bodies among the chairmen of collective farms are highlighted

Keywords: the Great Patriotic War, personnel policy, chairman of the collective farm, secretary of the district committee of the CPSU(b), Altai Territory.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-110-114

Председатель колхоза в годы военного лихолетья (1941-1945 гг.) был одним из низовых слоев чиновничьей структуры. В задачу настоящей статьи входит изучение отношений между руководством райкома партии и райисполкома и председателями колхозов, контроль над ним, порядок назначения на должность и увольнения. Основными источниками данной работы являются документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

Проблему о положении председателей колхозов, подготовке кадров в деревне в годы Великой Отечественной войны рассматривали в своих исследованиях В. Т. Анисков, Ю. В. Арутюнян, Г. Е. Корнилов, Н. Н. Шушкин и др. историки-аграрники [1; 2; 5; 10]. В настоящее время опубликованы статьи по изучаемой теме [3; 6; 8]. Эти вопросы нашли отражение также и в коллективных изданиях [4; 7].

Однако в таком ракурсе тема раскрывается впервые. Введение новых, ранее не использовавшихся источников (работа написана на материалах Алтайского края) позволило нам раскрыть тему с новых методологических позиций, обратить внимание на множество

аспектов, связанных с выдвиганием, подбором и расстановкой руководителей колхозов в период войны.

Перед руководством Алтайского крайкома ВКП(б) и райкомами ВКП(б) и райисполкомами в период Великой Отечественной войны встали трудные задачи. С первых дней все острее ощущалась нехватка рабочих рук, механизаторов, специалистов полеводства и животноводства. В первый же год войны трудоспособное население в колхозах уменьшилось более чем на 500 тыс. человек. На фронт ушла производительная основная сила деревни: до 90% механизаторов, бригадиров, плугарей, сеяльщиков, ушли чабаны, агрономы, зоотехники и другие специальности. В промышленность только за 1942 г. и первые три месяца 1943 г. из села было привлечено 138 тыс. человек. Резко снизилось число опытных руководящих кадров, когда много опытных кадров ушло на фронт, на их место пришли люди, не имеющие еще опыта, нуждаются в большой помощи со стороны партийных органов. Более двух третей сменилось председателей колхозов за два года войны в Алтайском крае. Свыше 500 председателей колхозов снято, из них 252 были посажены в тюрьму за первые годы войны [9, оп. 43, д. 49, л. 142].

С июля 1941 г. по июль 1942 г. из 4063 председателей колхозов сменилось 4083 человека. Сняты как не справившиеся с работой 462 председателей [9, оп. 43, д. 56, л. 147]. Вместо того, чтобы терпеливо повозиться со способными работниками, они встают на путь злоупотребления мерами наказания даже при первой неудаче этого работника. По проверенным 32 районам, в которых насчитывается 2533 колхоза за 1943 г. было смещено 1124 председателя, что составляет 44,3%. Особенно большая сменяемость председателей колхозов была в районах – к числу которых относится Краюшкинский, где из 60 председателей колхозов за 1943 г. сменилось 40 председателей, Курьинский из 47 – 28, Поспелихинский из 52 – 35, Солонешенский из 49 – 33 [9, оп. 44, д. 25, л. 154].

При проверке и анализе кадровой политики по подбору на должность председателя колхоза было установлено, что в краевой парторганизации совершенно неудовлетворительно выполняется постановление ЦК ВКП(б) от 11 февраля 1942 г. «О неправильном отношении Кировского обкома ВКП(б) к подбору руководящих кадров в колхозах». Крупнейшие, нетерпимые недостатки в деле подбора и воспитания руководящих кадров в колхозах, осужденные ЦК ВКП(б), не ликвидированы. Во главе многих колхозов в крае стоят люди, не соответствующие своему назначению, проваливающие дело. Имеются случаи, когда к руководству в колхозах пробрались жулики, рвачи и бывшие кулаки. Воспитательная работа с председателями колхозов запущена, постановление бюро крайкома ВКП(б) о курсах-семинарах забыто. Председателей колхозов часто без достаточных оснований снимают с работы, привлекают к ответственности и перебрасывают с места на место.

Эти факты и цифры были озвучены на заседании бюро Алтайского Крайкома ВКП(б) от 13 января 1943 г. В числе 4502 человек председателей колхозов только 286 человек женщин [9, оп. 43. Д. 43. Л. 10]. Земельные органы и большинство политотделов МТС устранились от дела подбора и воспитания председателей колхозов. Все эти вопиющие недостатки особенно широко были распространены в Солнешенском, Грязнухинском, Краснощековском, Марушинском, Барнаульском (сельском), Зональном, Кытмановском, Курьинском районах.

В Баевском районе за 7 месяцев 1943 г. из 8-9 сняли 31 председателя, в Завьяловском из 73 сняли 29, в Змеиногорском из 115 сняли 23 человека, в Каменском из 130 - 19, из 139-42, по Старо-Бардинскому из 110 – 29, Уч-Приставскому из 50 – 11.

Отдельные райкомы партии вместо проведения воспитательной работы встали на путь избиения председателей колхозов. За 4 месяца 1943 г., сентябрь-январь в Крайкоме партии было рассмотрено 76 дел на снятие председателей колхозов и предания суду, 51 дело Крайкомом партии было отклонено ввиду необоснованности и формального отношения к делу со стороны райкомов партии и райисполкомов. Например, бюро Знаменского райкома партии 28 октября 1943 г. вынесло такое решение: «в целях быстрейшего исправления

дела хлебозаготовок в районе, председатель колхоза Старосвет из партии исключить, снять с работы и отдать под суд».

В Залесовском районе было снято с работы с привлечением к уголовной ответственности за 4 месяца 1943 г. 10 председателей колхозов, из них на 7 человек было отменено решение райкома как необоснованное.

Особенно характерно в проявлении произвола к председателям колхоза проявил себя Быстро-Истокский район. Там председателей колхозов снимали с работы кому только захочется. Например, с августа месяца 1943 г. по январь 1944 г. в районе разными лицами без разрешения райкома партии было снято с работы 13 председателей колхозов. За этот период один только председатель Паутовского сельсовета Очаковский без ведома райкома снял с работы трех председателей колхозов. Райком партии буквально никакого значения этим возмутительным фактам не придал [9, оп. 44, д. 25, л. 153]. В 1943 г. было заменено и снято с работы в крае - 47% председателей колхозов, в том числе снято как неисправившихся с работой 1074 человека или 50% к числу сменившихся, что не могло сказаться отрицательно на положении дел в колхозах [9, оп. 44, д. 26, л. 8].

В период нехватки кадров, особенно председателей колхозов, происходят перегибы в кадровой работе в райкомах ВКП(б). Так, например, Алтайский крайком ВКП(б) был вынужден поставить вопрос для обсуждения на заседании бюро крайкома ВКП(б) 16 января 1944 г. «О работе с кадрами Кулундинского райкома ВКП(б). Бюро Крайкома ВКП(б) отмечает наличие серьезных недостатков и извращений в работе Кулундинского райкома ВКП(б) по воспитанию кадров. На заседании бюро было подчеркнуто, что «райком ВКП(б) легкомысленно, без достаточной проверки подходит к подбору кадров. В результате чего на руководящую работу в колхозы проникали неспособные, а иногда и политически сомнительные люди» [9, оп. 44, д. 29, л. 76]. Так, председателем колхоза имени Розы Люксембург был выдвинут Залюбовский, который допустил большой падеж скота, растранижил семена и впоследствии сбежал.

Несерьезное отношение к подбору кадров привело к частой сменяемости работников. В течение 1943 г. сменилось больше половины председателей, причем в ряде колхозов «Новая жизнь», «Большевицкая весна», имени Володарского, имени М. Горького председатели сменились несколько раз. Из 162 заведующих животноводческими фермами сменилось 122 человека или 75%, а всего из 864 работников животноводства за год сменилось 412 человек [9, оп. 44, д. 29, л. 76].

Совершенно неудовлетворительно обстоит дело с подготовкой кадров для сельского хозяйства, а также подготовкой резерва для выдвижения на руководящую работу. Вместо заботливого воспитания кадров, деловой и повседневной помощи им в работе, райком ВКП(б) стал на вредный путь администрирования, избиения и огульного наложения взысканий на работников. За 1943 г. из 71 председателя колхоза на 37 человек наложены различные взыскания. Из 10 коммунистов механиков партийные взыскания наложены на 6 человек. На некоторых коммунистов в течение года наложено по 2-3 взыскания. В результате такого администрирования райкома партии 18% коммунистов Кулундинской партийной организации за 1943 г. получили партийные взыскания.

В некоторых районах, где основным методом руководства работой с председателями колхозов является окрик и запугивания, хорошие колхозники не идут на пост председателей колхозов. Панкрушихинский райком партии, обсуждая вопрос о ходе весеннего сева в колхозах района одним своим постановлением от 12 мая 1944 г. наложил различные взыскания и предупреждения на 22 человека, в том числе на 3-х председателей колхозов, 3-х бригадиров тракторных отрядов, 1-го политорганизатора, 3-х механиков МТС, 7 председателей с/советов, 4-х уполномоченных райкомов партии. Постановление состоит из 11 пунктов, из которых 7 пунктов содержат взыскания и предупреждения. В последнем пункте этого постановления записано; «Следующие организационные выводы сделать на бюро РК

ВКП(б) по результатам работы на 15 мая». В результате такого «руководства» весенним севом, Панкрушихинский район на 15 июня выполнил план только на 74,4%.

В ряде случаев райкомы ВКП(б) игнорируют устав сельскохозяйственной артели. Например, решением бюро Грязнухинского райкома ВКП(б) был снят с работы, без санкции крайкома партии, председатель колхоза «Путь Сталина» Поздняков за произведенную некачественную пахоту на площади 28 га. Колхозное собрание вынесло решение, Позднякова с работы не снимать, а виновников, которые произвели некачественную пахоту, заставить переделать эту работу. Секретарь райкома партии Коломин считает, что какое может быть голосование и зачем спрашивать колхозников снимать его или оставлять на работу, когда Поздняков снят с работы решением бюро райкома партии [9, оп.44. Д.26. Л.68.].

Ситуация усугублялась не только в связи с мобилизацией председателей колхозов на фронт, но и с перегибами в кадровой работе райкомов ВКП(б) и исполкомов райсоветов. В частности, по их инициативе были сняты с работы председатели колхозов. И, прежде всего, из-за слабого знания у претендентов деловых и политических качеств.

Анализ документов Алтайского крайкома ВКП(б) показывает, что у новых председателей колхозов был низкий уровень образования и недостаточный управленческий опыт и, самое главное, слабая агротехническая подготовка. Также среди избранных председателей есть работники, ранее снятые с работы как не справившиеся, вышедшие из заключения или дезертиры из промышленных предприятий.

Частая смена председателей привела к неудовлетворительному выполнению колхозами стоявших сельскохозяйственных задач. Снятие с работы председателей колхозов, как правило, проводилось с нарушением устава сельхозартели. Поэтому Алтайский крайком ВКП(б) был вынужден запретить райкомам ВКП(б) и исполкомам райсоветов снимать и перемещать председателей колхозов без его согласия.

Председатель колхоза в период военного лихолетья оказался в обстановке запугивания и бесчисленных предупреждений со стороны райкомов, Политотделов МТС о снятии с работы с отдачей под суд. Многие председатели колхозов стали жертвами субъективных кадровых передеряг, свойственных экстремальному времени. Но никакой помощи со стороны контролирующих и наказывающих органов не было. Несмотря на острый недостаток людей, техники, была значительно увеличена численность разного рода уполномоченных, работников заготовительных органов. Но даже жернова войны не уничтожили желание работать председателем колхоза в условиях военного времени и обеспечить выполнение планов по поставке на фронт продуктов питания и сырья для промышленности.

Список источников и литературы

1. Анисков, В. Т. (2003). *Крестьянство против фашизма 1941-1945: история и психология подвига*. М.: Памятники исторической мысли. С. 89-90.
2. Арутюнян, Ю. В. (1970). *Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны*. М.: Наука. С. 102-121.
3. Васильева, С. И. (2012). *Управленческие кадры колхозов во время Великой Отечественной войны: на материалах АССР // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. №7-3(21). С.33-37.
4. *История советского крестьянства: в 5-ти т.* Т. 3. Крестьянство СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938-1945). М.: Наука, 1986. С. 178-179.
5. Корнилов, Г. Е. (1990). *Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)*. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. С. 45-48.
6. Малахов, Р. А. (2020). *Председатели колхозов Вологодской области в годы Великой Отечественной войны: сменяемость, культурный капитал, подконтрольность // СССР во*

Второй мировой войне (1939-1945 гг.): проблемы исторической памяти: сборник трудов международной научно-образовательной конференции, 15-16 октября 2020 г. СПб, Свое издательство. С.322-330.

7. *Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: в 2-х т.* (2005). Саранск. Т. 2. С. 19-21.

8. Рыков, А. В. (2014). *Положение председателей колхозов Алтайского края в годы Великой Отечественной войны //* Материалы 52-й Международной студенческой конференции. МНСК-2014. С.112-113.

9. *Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)*. Ф. 17. Оп.43; Оп.44.

10. Шушкин, Н. Н. (1970). *Во имя победы: организаторская работа партии в деревне в годы Великой Отечественной войны*. Петрозаводск: Карелия. Ч. 1. С. 266-282.

References

1. Agabab'jan, I. Aniskov, V. T. (2003). *Krest'yanstvo protiv fashizma 1941-1945: istoriya i psihologiya podviga* [The peasantry against Fascism 1941-1945: the history and psychology of the Feat]. Moscow, Pamjatniki istoricheskoy mysli Publ. (in Russian).

2. Harutyunyan, Yu. V. (1970). *Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The Soviet peasantry during the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

3. Vasilyeva, S. I. (2012). *Upravlencheskie kadry kolhozov vo vremena Velikoj Otechestvennoj vojny: na materialah ASSR* [Managerial personnel of collective farms during the Great Patriotic War: on the materials of the ASSR] in *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. № 7-3(21), 33-37. (in Russian).

4. *Istoriya sovetskogo krest'yanstva: v 5 t. T. 3. Krest'yanstvo SSSR nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1938-1945)*. (1986). [The History of the Soviet Peasantry: in 5 volumes. Vol. 3. The peasantry of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War (1938-1945)]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

5. Kornilov, G. E. (1990). *Ural'skaya derevnya v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945 gg.)*. [Ural village during the Great Patriotic War (1941-1945)]. Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta. (in Russian).

6. Malakhov, R. A. (2020). *Predsedateli kolhozov Vologodskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: smenyaemost', kul'turnyj kapital, podkontrol'nost'* [The chairmen of collective farms of the Vologda region in the years of the great Patriotic war: turnover, cultural capital, accountability] in *SSSR vo Vtoroj mirovoj vojne (1939-1945 gg.): problemy istoricheskoy pamjati: sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchno-obrazovatel'noj konferencii, 15-16 oktjabrja 2020 g.* St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo, 322-330. (in Russian).

7. *Mordoviya v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg.: v 2-h t.* (2005). [Mordovia during the great Patriotic war of 1941-1945.: V 2 tt. Vol. 2]. Saransk. (in Russian).

8. Rykov, A. V. (2014). *Polozhenie predsedatelej kolhozov Altajskogo kraja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The position of the chairmen of collective farms of the Altai Territory during the Great Patriotic War] in *Materialy 52-j Mezhdunarodnoj studencheskoj konferencii*. MNSK-2014, 112-113. (in Russian).

9. Shushkin, N. N. (1970). *Vo imya pobedy: organizatorskaya rabota partii v derevne v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*. [In the name of victory: the organizational work of the party in the village during the Great Patriotic War. Part. 1]. Petrozavodsk, Karelia Publ. (in Russian).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Лапина З. С.
(Хабаровск)

УДК 903

**ПЕТРОГЛИФЫ СИКАЧИ-АЛЯНА – МАЛЫШЕВО (НИЖНЕЕ ПРИАМУРЬЕ).
ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ
МИФОЛОГИЧЕСКОГО СЮЖЕТА**

Актуальность данного исследования не вызывает сомнения, так как автор в данной статье предлагает описание и вариант трактовки смыслового содержания символики сюжета с двумя личинами на камне № 31 памятника петроглифов возле сёл Сикачи-Алян и Малышево, расположенных в 70 км от гор. Хабаровска. Изображения были описаны академиком А. П. Окладниковым, В. Е. Медведевым предложена семантическая интерпретация одной из личин на этом камне. Новизна данного исследования заключается в том, что автор использует собственный приём иконографического описания рисунков личин, проводит анализ символического содержания композиции, привлекает этнографические сведения об обрядах со сходными внешне атрибутами. Для написания работы была использована широкая совокупность общенаучных и специальных методов исследования. Источниками выступили научные статьи и книги по теме исследования, в том числе, статьи автора, написанные по этим вопросам ранее. Результатом исследования является интерпретация рисунков на камне как целостной и взаимосвязанной друг с другом композиции из двух личин и вертикальной полосы как персонажей мифов и атрибута ритуально-обрядовых действий оседлых рыбаков Амура.

Ключевые слова: Нижний Амур, археологический памятник, петроглифы, Сикачи-Алян, иконографический анализ, личина-маска, семантика, символы, знаки.

The relevance of this study is beyond doubt, since the author in this article offers a description and interpretation of the semantic content of the symbolism of the plot with two masks on stone No. 31 of the petroglyph site near the villages of Sikachi-Alyan and Malyshevo, located 70 km from the mountains. Khabarovsk. The images were described by Academician A.P. Okladnikov, V.E. Medvedev proposed a semantic interpretation of one of the masks on this stone. The novelty of this study lies in the fact that the author uses his own method of iconographic description of the drawings of masks, analyzes the symbolic content of the composition, attracts ethnographic information about rituals with similar external attributes. A wide range of general scientific and special research methods was used to write the work. The sources were scientific articles and books on the research topic, including the author's articles written earlier on these issues. The result of the study is the interpretation of the drawings on the stone as a holistic and interconnected composition of two masks and a vertical strip as characters of myths and an attribute of the ritual and ceremonial actions of settled fishermen of the Amur.

Keywords: Lower Amur, archaeological site, petroglyphs, Sikachi-Alyan, iconographic analysis, mask-mask, semantics, symbols, signs.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-115-120

В Нижнем Приамурье известно несколько памятников первобытного наскального творчества, центральное положение по количеству и разнообразию рисунков занимает Сикачи-Алян – Малышево. Среди исследователей древнего искусства Амура академик А. П. Окладников, В. Е. Медведев и др. А. П. Окладниковым ор-

ганизованы и проведены полевые исследования (калькирование, топография расположения камней с рисунками и групп изображений на скалах), создана классификация изображений всех петроглифов региона, прослежена связь творчества древних обитателей с культурами племён Тихоокеанского бассейна, а также с этнографическим наследием современного коренного населения Амура [8, с. 238; 9, с. 335]. В. Е. Медведев в настоящее время занимается вопросами интерпретации символики изображений как петроглифов, так и предметов искусства из культурных слоёв поселений неолита низовьев Амура [5, с. 56-68; 6, с. 76-94; 7]. Автором настоящей работы в течении нескольких лет проводились исследования одной из групп древних изображений – личин-масок. В их семантическом содержании прослежены элементы картины мира, либо целостная модель космоса. Вся совокупность исследуемого фонда источников была разделена на личины класса 1, куда вошли изображения, маркирующие архаическую модель Вселенной; личины класса 2 представляют модель космоса конца каменного века и начала освоения металлов; личины класса 3 представляют наиболее позднюю модель представлений о мире, в неё вошли изображения статусных персонажей. Но этим не исчерпывается многообразие вариантов изображений личин. В силу чего, автором статьи выделен в качестве рабочего варианта класс 4, в него вошли сюжетные изображения с личинами, которые по своим характеристикам не могут быть включены в перечисленные 1-3 классы. Анализ содержания одного из таких сюжетных изображений предлагается в настоящей статье. Он выполнен в том алгоритме, который применяется автором при иконографическом изучении всей совокупности исследуемых личин [3, с. 74; 4, с. 66-73]. Необходимы уточнения в нумерации личин. В описаниях А. П. Окладникова крупная удлинённая личина проходит под № 1, а вторая не пронумерована. Поэтому нами использованы такие обозначения: личина 1а и личина 1б. Характеристика личины 1б под этой маркировкой была представлена автором ранее, поэтому в данной статье об этом рисунке ограничимся кратким изложением [3].

Основная часть. Описание изображений. *Расположение рисунков на камне.* Петроглифы памятника находятся на берегу и каменной косе возле селений Сикачи-Алян и Малышево Хабаровского края. Камень № 31, это небольшая глыба базальта на седловидной гряде камней. Лежит сравнительно недалеко от уреза воды среди других камней с рисунками. На широкой вогнутой верхней плоскости камня нанесены четыре изображения, все они имеют одинаковую направленность к боковой плоскости, где камень отколот. Возможно, это единый сюжет: слева выбита вытянутая вертикальная личина 1а с острым верхом, на небольшом расстоянии параллельно выбита вертикальная полоса. На таком же расстоянии над ними расположена сердцевидная разноглазая личина 1б, под ней выбита аморфная фигура.

Личина 1а. Характеристика внешней контурной линии личины. Она относится к контурным изображениям. Линия контура широкая, неглубокая, ровная. В нижней части контур обрывается вместе с отвалившейся частью глыбы. Личина отличается удлинёнными пропорциями и заостренным верхом. *Описание внутреннего заполнения личины.* *А). Наличие симметрии.* Она симметрична: от острой вершины вниз тянутся в основном одинаковые углы, вписанные друг в друга, далее симметричны оба глаза, одинаковы левая и правая сторона контурной линии. *Б). Разделение элементов рисунка на составные части.* Внутреннее заполнение личины зрительно разделяется на основную (глаза, брови, рот) и лобную части. *В). Характеристика основной части личины.* Глаза круглые и большие, показаны простыми ямками небольшой глубины. Рот большой и широкий в виде мясистых губ, показан ямкой-овалом с вогнутой верхней и округлой нижней линиями. Один угол закруглен, а другой чуть вытянут. Глаза сделаны в виде одинаковых крупных неглубоких ямок. Над ними выбита глубоко вогнутая по центру и широкая линия бровей, вписанных по бокам в контур, что характерно для обозначения бровей. *Г). Характеристика лобной части.* Лоб начинается от замкнутой линии бровей до острого верха головы. Это площадка, превосходящая размерами основную часть личины. Выше бровей выбиты четыре параллельных знака в виде углов или

«развернутых птичьих крыльев». От бровей они отличаются острой вершиной угла. Они отличаются друг от друга деталями: нижний знак имеет стороны различной длины (правая короткая, левая длинная и вписанная в контур); выше нанесен самый крупный знак и самый острый угол, стороны его выходят за пределы контура и слева и справа; за ним выше следует маленький угол, у него острая вершина и стороны вписаны в контур с обеих сторон. Последний знак возле верхушки головы выбит тонкой линией, возможно, он добавлен в другое время.

Личина 1б. *Характеристика внешней контурной линии личины.* Она также контурная, но линия более тонкая, нежели на рисунке 1а. Верхняя часть личины резко вогнута, что обеспечивает её сердцевидные очертания. Линия контура справа возле рта разомкнута. *Описание внутреннего заполнения личины. А). Наличие симметрии.* Рисунок симметричен: середина выемки на лбу совпадает точкой центра подбородка. *Б). Разделение элементов рисунка на составные части.* Личина проста, внутреннее заполнение состоит из основной части (глаза и рот). *В). Характеристика основной части личины.* Глаза различаются: правый более крупный, в виде круглого желобка и без зрачка, левый глаз меньшего размера, выполнен более тонким желобком, в центре выделена ямка-зрачок. Рот сделан в виде овальной ямки с ровными краями.

Правая сторона композиции сюжета. Вертикальная полоса на всем протяжении имеет ровные границы, немного сужается кверху, конец закруглен. Нижняя часть полосы обрывается на грани излома глыбы. Толщина полосы в три раза превосходит толщину контура личины 1а. *Заключение по рисункам и содержанию художественного образа.* В основе изображений лежит углубленно-рельефная линия и фигура. Мотив всех частей композиции криволинейный, даже вертикальную полосу нельзя отнести к прямолинейному мотиву. По этому признаку личину 1а и вертикальную полосу можно отнести к изображениям каменного века до появления прямолинейного мотива. Личина 1а имеет антропоморфные черты (глаза, рот и брови), но в целом такая форма не характерна для нижнеамурских личин. Здесь лобная часть вдвое превосходит размерами основную, что подчеркивает значимость содержимого именно этого участка изображения. На нём выбиты знаки углов или «развернутых птичьих крыльев», его можно отнести к родовым знакам. Личина 1а могла быть изображением родового покровителя. В этом случае получает объяснение последний знак угла, нанесённый явно в другое время, этот знак как бы подтверждал принадлежность к той группе, которая идентифицировала себя с этим знаком. Острый верх и удлинённая форма личины могут указывать на связь с горным миром. На наш взгляд, личина 1а передает образ «хозяина» гор и леса, посредника между обитателями неба и людьми. Этим обусловлены удлинённые очертания фигуры с острой верхней частью головы. Антропоморфные черты подчеркивают одушевленный образ хозяина промысловой территории. У айнов Амура и Сахалина образ с высокой заостренной головой называется «Нубури-камуй», хозяин гор и лесов. У племен тунгусо-маньчжурской группы Приамурья также были представления о божествах гор и тайги. Хозяином горы или утёса считался Калгама, по описаниям Н. Б. Киле, его представляли и изображали как «высокое антропоморфное существо с конусовидной головой и двухпальными руками». В промысловой практике, это – дух, хозяин территории, от которого зависит удача в промысле [2, с. 116]. Вертикальная полоса может ассоциироваться с деревом, что также находит объяснение в представлениях племен этнографического времени. Это дорога в верхний мир и это путь, по которому верхние божества спускаются к людям. Советский этнограф А. М. Золотарёв оставил описание обряда моления небу из обрядовой практики амурских ульчей: для обряда вырубают молодое стройное деревцелиственницы или осины *тури* высотой 6 – 8 м, диаметром 5-8 см, очищают от веток, привязывают к ней стружки, под деревом ставят жертвенную свинью. Этот культ близок и забайкальским тунгусам. Они также используют срубленную лиственницу, выбирают участок ствола и мажут его водкой, угощают пищей [1, с. 87]. Сходен с этим обряд ульчей о ниспослании охотничьей удачи. Это родовое моление о ниспослании успехов и удач в таёжном охотничьем

промысле. Срубленное дерево или шест, вставленный в чум – это соединение молящихся с небом. Дерево, шест – путь в небесную сферу [Золотарёв, там же]. Знаки на лбу личины 1б также отражают связь с верхним миром, с астральными божествами, где обитают птицы и небожители.

Следует отметить оригинальную трактовку символического содержания личины 1а, предлагаемую В. Е. Медведевым. Личина представлена им как полисемантическая, выражающая синкретизм мужского и женского начал. В её символике соединены мужчина (фаллический контур) и женщина (антропоморфные детали и знаки углов на лбу). Наскальное изображение сравнивается с серией объёмных каменных и керамических скульптур, полученных в культурных слоях нижнеамурских неолитических поселений. Эти скульптуры имеют фаллические очертания, при этом содержат женские признаки и знаки [6, с. 76-94].

Что касается сердцевидной личины 1б, её могли добавить к этой композиции в другое время. Она не противоречит смыслу повествования на камне, мотив изображения соответствует другим частям композиции, он криволинейный; но стилистически она не совпадает с личиной 1а и вертикальной полосой. Сердцевидная личина 1б ранее была отнесена автором к классу 1, в состав которого собраны изображения, маркирующие части архаической модели космоса [3, с. 212]. Разные глаза личины можно связать с представлениями об астральных божествах (солнце и луна); более крупный глаз ассоциируется с солнцем, а меньший глаз – с луной. Но правый глаз личины 1б без зрачка, а пустые глаза в архаической и традиционной культурах народов мира связывают с миром мёртвых. Левый глаз выполнен более детально, т.е. он более подробно атрибутирован, нежели правый, что не типично для личин-масок амурских памятников. В целом, личина 1б представляет художественный образ персонажа из астральной мифологии каменного века, посвящена дневному и ночному светилам.

Выводы. Иконографический анализ композиции из двух личин на поверхности камня № 31 позволяет составить представление о назначении всей композиции. Вертикальная полоса возле крупной личины 1а является её составной частью. Личина 1б могла появиться в другое время, но по содержанию своей символики она не противоречит повествовательному контексту сюжета. Символический смысл рисунков и знаков указывает на некую формулу обращения к небесным божествам и духам с просьбами о даровании плодородия и обеспечения жизненно необходимыми земными благами. Петроглифы, выбитые на поверхности камня, являют собой свидетельство ритуально-обрядовой жизни племён оседлых рыболовов и охотников каменного века Амура.

Список источников и литературы

1. Золотарев, А. М. (1939). *Родовой строй и религия ульчей*. Хабаровск: Дальгиз, 205 с.
2. Киле, Н. Б. (1994). *Символика и семантика имен персонажей нанайского фольклора // Этнос и культура: Владивосток*. С. 110-117.
3. Лапшина, З. С. (2012). *Архаическая модель мира в наскальных рисунках Амура и Уссури*. Хабаровск: ХГИИК. 212 с.
4. Лапшина, З. С. (2011). *К вопросу о методике описания наскальных изображений Амуро-Уссурийского петроглифического комплекса // Вестник развития науки и образования*. Научный журнал, № 1. С. 66-73.
5. Медведев, В. Е. (2000). *Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии*. № 3 (3). С. 56-68.
6. Медведев, В. Е. (2001) *Проблемы истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осипов-*

ской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (8). С. 76-94.

7. Медведев, В. Е (2005). *Неолитические культовые центры в долине Амура* // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (24). С. 40-69.

8. Окладников, А. П. (1968). *Лики древнего Амура*. Новосибирск: Зап-Сиб. кн. изд-во, 238 с.

9. Окладников, А. П. (1971). *Петроглифы Нижнего Амура*. Л.: Наука. 335 с.

References

1. Zolotarev, A. M. (1939). *Tribal system and religion of the Ulchi* [The tribal system and the religion of the Ulchi]. Khabarovsk, Dalgiz Publ. (in Russian).

2. Kiele, N. B. (1994). *Symbolism and semantics of the names of characters in Nanai folklore* [Symbolism and semantics of the names of characters of Nanai folklore] in *Ethnos and culture*. Vladivostok, 110-117. (in Russian).

3. Lapshina, Z. S. (2012). *Archaic model of the world in the rock paintings of the Amur and Ussuri* [Archaic model of the world in the rock paintings of Amur and Ussuri]. Khabarovsk, KhGIIK Publ. (in Russian).

4. Lapshina, Z.S. (2011). *To the question of the method of describing the rock carvings of the Amur-Ussuriysk petroglyphic complex* [On the question of the methodology for describing rock carvings of the Amur-Ussuri petroglyphic complex] in *Bulletin of the Development of Science and Education. Scientific Journal*, 1, 66-73. (in Russian).

5. Medvedev, V. E. (2000). *New plots in the art of the Lower Amur Neolithic and the representation of the ancients related to them* [New subjects in the art of the Lower Amur Neolithic and the associated representation of the Ancients] in *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 3 (3), 56-68. (in Russian).

6. Medvedev, V. E. (2001). *Problems of the origins of some sculptural and rock images in the primitive art of the south of the Far East and finds related to the Osipov culture on the Amur* [Problems of the origins of some sculptural and rock art in the primitive art of the South of the Far East and finds related to the Osipov culture on the Amur] in *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 4 (8), 76-94. (in Russian).

7. Medvedev, V. E. (2005). *Neolithic Cult Centers in the Amur Valley* [Neolithic cult centers in the Amur Valley] in *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 4 (24), 40-69. (in Russian).

8. Okladnikov, A. P. (1968). *Faces of ancient Cupid* [Faces of the ancient Amur]. Novosibirsk, Zap-Sib. book. publishing house. (in Russian).

9. Okladnikov, A. P. (1971). *Petroglyphs of the Lower Amur* [Petroglyphs of the Lower Amur]. Leningrad, Science Publ. (in Russian).

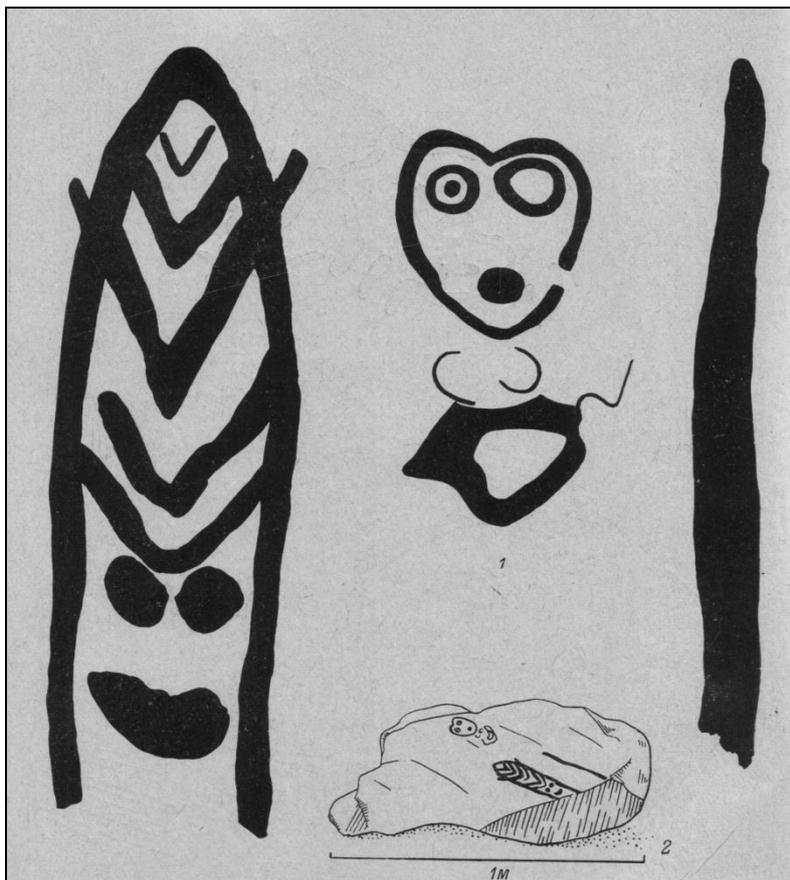

Рисунок 1. Сикачи-Алян. Изображения на камне № 31 (по Окладников, 1971, табл. 40).

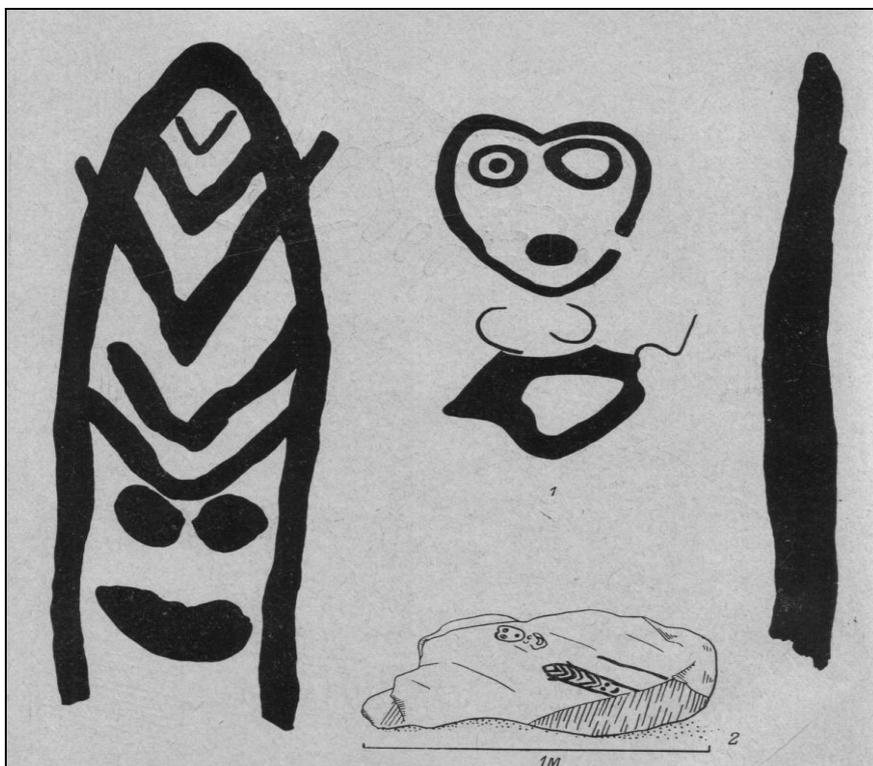

Рисунок 1. Сикачи-Алян. Изображения на камне № 31 (по Окладников, 1971, табл. 40).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Менщиков В. В.,
Федоров С. Г.
(Курган)

УДК 340.14(316.36) + 94(47).081-083

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В. Б. БЕЗГИНА «МУЖИЦКАЯ ПРАВДА.
ОБЫЧНОЕ ПРАВО И СУД РОССИЙСКИХ КРЕСТЬЯН»¹**

В рецензии представлены результаты осуществленного анализа и дана характеристика содержания монографии, посвященной истории обычного права русских крестьян периода пореформенной России. Охарактеризована источниковая база монографии, раскрывается степень научной изученности темы, представленной автором. В монографии В. Б. Безгина изображены правовая жизнь и правовое поведение крестьян, влияние обычного права на повседневную жизнь сельской общины. В. Б. Безгин убедительно обосновал, что «великие реформы» и процессы модернизации в России в значительной мере изменили правосознание и правовое поведение русских крестьян в поздней империи, как в положительном, так и в отрицательном отношении. Автор отмечает, что русская крестьянская община на рубеже веков двигалась в сторону официально-нормативного права, отступая от традиционных ценностей и обычно-правовых норм. В то же время автор доказал жизнеспособность обычного права в крестьянской среде, приверженности «мужицкой правде» русских крестьян периода поздней империи. Монография В. Б. Безгина написана на стыке ряда наук: исторической, юридической и этнографической, что позволило исследовать обычное право русских крестьян, как явление национальной культуры.

Ключевые слова: обычное право, русская крестьянская община, преступность, модернизация

In a review of the results of the analysis carried out and the characteristic of the content of the monograph devoted to the history of the customary law of Russian peasants in the period of post-reform Russia. The source base of the monograph is characterized, the degree of scientific knowledge of the topic presented by the author is revealed. The monograph by V. B. Bezgin depicts the legal life and legal behavior of peasants, the influence of customary law on the daily life of a rural community. V.B. Bezgin convincingly argued that the "great reforms" and the processes of modernization in Russia significantly changed the legal consciousness and legal behavior of Russian peasants in the late Empire, both in positive and negative ways. The author notes that the Russian peasant community at the turn of the century was moving towards official and normative law, departing from traditional values and customary legal norms. At the same time, the author proved the viability of customary law in the peasant environment, the commitment to the "peasant truth" of the Russian peasants of the late Empire period. Monograph of V. B. Bezgin is written at the intersection of a number of sciences: historical, legal and ethnographic, which allowed us to study the customary law of Russian peasants as a phenomenon of national culture.

Keywords: customary law, Russian peasant community, crime, modernization.

¹ Безгин В. Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М.: Common place, 2017. 334 с.

Обычное право русских крестьян стало объектом пристального внимания отечественных историков и юристов со второй половины XIX в. В наши дни известным исследователем по этой проблеме является В. Б. Безгин. Свидетельством этому являются его многочисленные монографии и научные статьи по крестьянскому обычному праву, преступности и правовому поведению крестьян. Рецензируемая монография не является исключением (Безгин В. Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М.: Common place, 2017. 334 с). Как и все предыдущие его работы, «Мужичья правда» вызвала интерес не только среди профессиональных историков и юристов, но и у рядового читателя.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1861 г. по 1916 г. – эпохи пореформенной России, времени модернизации, в значительной мере преобразившей всю Россию, в том числе и крестьянскую повседневную жизнь, и правовую действительность.

Во введении автор отмечает, что эффективность проведения современной правовой реформы во многом зависит от творческого использования всего национального правового наследия, в том числе и обычного права русского крестьянства, в силу сохранения юридических обычаев как источника права, как на обыденном уровне, так и при формировании новой правовой системы на региональном уровне в настоящее время. По мнению В. Б. Безгина, в современных отечественных исторических и юридических науках происходит углубление исследований обычного этнического права народов Севера и Кавказа, однако, изучению обычного права русского народа уделяется гораздо меньше внимания. В то время, как представления о правде, справедливости и пользе в правосознании большинства россиян имеют под собой историческую основу, которая уходит корнями именно в обычное право русского крестьянина.

В своей монографии В. Б. Безгин дает обстоятельный обзор исследуемой проблемы, анализируя в основном труды отечественных историков и юристов XIX и XX-XXI столетий. Автор показал прекрасное знание историографии проблемы, в сферу его внимания попали практически все значимые исследователи крестьянского правосознания указанного времени.

Монография имеет хорошую источниковую базу. Исследование основано на материалах центральных и местных архивов: Архива института этнологии и антропологии АН РФ, Архива Российского этнографического музея (АРЭМ), Архива русского географического общества (АРГО), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного отдела экономики (РГАЭ), Отдела рукописей российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Государственного архива Воронежской области (ГАВО), Государственного архива Тамбовской области (ГАТО). Многие архивные документы вводятся в научный оборот впервые. Можно смело утверждать, что источниковая база вполне репрезентативна, что обеспечило высокую степень достоверности полученных результатов.

В первой главе «Неписанный закон народной жизни» автор последовательно раскрывает соотношение закона и обычая в крестьянской жизни, деятельность волостных судов. Также он отмечает противоречия между официально-нормативным правом и правом обычным в таких сферах правовой жизни крестьян, как наследственное право, семейное имущество, имущественные права женщин в семейной собственности, брачное право, преступления против веры. В центре внимания исследователя оказывается взаимосвязь и взаимодействие крестьянской морали и позитивного права, доказываемая, что трактовка преступления и наказания в нормах обычного и официального права расходилась очень значительно. В конце главы В. Б. Безгин делает вывод, что приверженность крестьян нормам обычного права определялась общинным укладом, традициями аграрного труда и сельским менталитетом. Также отмечается, что в правовой крестьянской жизни закон и обычай были не толь-

ко конкурирующими, но и дополняющими друг друга источниками права, а модернизация правового пространства на протяжении всей пореформенной России заключалась в постепенном слиянии двух правовых систем: закона и обычая.

Вторая глава монографии «Правовые обычаи в повседневности села» посвящена правовым обычаям крестьянства по вопросам землепользования, имущественных отношений, договорных обязательств, опеке и усыновлению. Автор исследует эти обычаи, приводя различные примеры из дел волостных судов различных центральных губерний Российской империи. В заключение главы делается вывод, что «деревенская повседневность в своем историческом развитии выработала правила и традиции, вошедшие в нормы обычного права, которые были часто гуманнее существовавшего законодательства».

В третьей главе монографии исследуются преступления по обычному праву. Автор подразделяет эти преступления на следующие категории: преступления против личности, корыстные преступления, прелюбодеяния и блуд, половые преступления. В. Б. Безгин приводит большое количество примеров таких преступлений и правонарушений на основе материалов волостных судов разных губерний России. Девиантное поведение в русской общине и крестьянской семье, рост половых преступлений объясняется автором разрушением традиционного уклада русской деревни и общины, возросшей социальной мобильностью сельского населения.

В четвертой главе «Крестьянское правосудие» анализируются неформальные сельские сходы и волостные суды, а также самосуды русских крестьян. Автор детально изучает функции и роль сельских судов в правовой жизни крестьянина и общины, подчеркивает их важное значение для сохранения традиционного уклада в крестьянском мире. Также исследуются деятельность, функции и значение волостных судов, возникших в результате крестьянской реформы. В главе отмечается и роль самосудов в правовом сознании и поведении русских крестьян. В. Б. Безгин объясняет приверженность русских крестьян к самосудным расправам стремлением сохранить общинный уклад жизни, предотвратить преступления, наносящие серьезный вред крестьянскому хозяйству, соответствием самосуда нормам обычного права и народной морали.

В заключение монографии В. Б. Безгин делает следующие выводы. Обычное право русских крестьян периода поздней империи является важным историческим феноменом, вобравшим в себя многовековой правовой опыт русского народа. Судебная реформа 1860-70-х годов XIX в. легализовала сферу крестьянских правоотношений, вернув обычному праву статус официально действующих юридических норм. Это было вынужденной мерой, в то же время эта мера сближала обычное право с официальным нормативным законодательством, установила соотношение обычая и закона в правовой жизни русской деревни: правовые обычаи выступали основой для решения гражданско-правовых споров, официальный закон – уголовных преступлений. Модернизация России втягивала крестьян в сферу действия официального законодательства, повышала правовую культуру крестьянства, а волостные суды становились местом отправления правосудия и школой правовой грамотности для русского мужика.

Важным достижением монографии В. Б. Безгина является то, что автор создал ее на стыке ряда наук: исторической, юридической и этнографической, что позволило проанализировать обычное право русских крестьян, как явление национальной культуры.

Текст монографии снабжен богатым фактическим материалом, обнаруженным в центральных и региональных архивах.

Вместе с тем предпочтение в изучении обычного права отдается центральным российским губерниям, что вполне объясняется, как сферой научных интересов автора, так и местом его проживания (Тамбов) и ограниченным объемом книги. В то же время еще исследователи XIX в. отмечали, что юридические народные обычаи существенно разнятся не только в различных регионах Российской империи, но и в одной отдельно взятой губернии. Столетия крепостного права в Центральной России не могли не оказать существенного

влияния на правосознание русских крестьян в пореформенный период. Совсем иная ситуация складывалась на Русском Севере (Поморье), на Урале и Сибири. Отсутствие крепостного права порождало совсем иной социокультурный контекст крестьянского правосознания. Игнорирование данного обстоятельства существенно, на наш взгляд, обедняет рассматриваемую монографию. Однако указанное замечание не отменяет общей положительной оценки работы.

В целом, монография В. Б. Безгина является серьезным вкладом в отечественную историческую и юридическую науку и займет достойное место среди работ по истории русского крестьянства и обычного права в сельской общине.

Щукин Д. В.
(Елец)

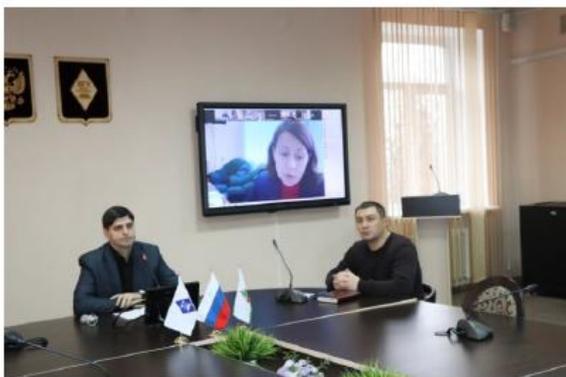
УДК 93/94

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН»:
ПРАКТИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ. К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

Юбилеи крупных исторических событий и дат всегда выступали предметным поводом для научного сообщества с целью обращения внимания к ним. Это позволяло подвести некие итоги накопленных за прошедшее с начала этих исторических явлений знаний в научном пространстве, а также обратить внимание общественных масс на предмет осмысления юбилейных событий с учётом практик современности. Не менее важным представлялась и «сверка часов» профессионального сообщества в попытках поиска общих знаменателей по сложным дискуссионным вопросам, плюс внесение общего вклада в работу по противодействию фальсификации отечественной истории на предмет её искажения в угоду политической конъюнктуры и правящим идеологическим режимам.

В череде юбилейных мероприятий пространства научной среды, посвящённых 100-летию образования СССР, своё место заняла и прошедшая 17 ноября 2021 года в ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (г. Елец) Всероссийская научная конференция «Союз Советских Социалистических республик как историко-культурный феномен». В ней приняло участие значительное количество исследователей из научных и высших учебных заведений Бийска, Воронежа, Липецка, Калуги, Тамбова, Таганрога, Москвы, Ростова-на-Дону, а также учителя школ, аспиранты и магистранты.

Актуальность проблематики конференции была продиктована общим осмыслением в канун 100-летнего юбилея образования СССР его исторического наследия, а также опыта научных исследований различных узких тем данного историко-культурного феномена XX века.

Организация работы конференции включила традиционный подход к своему проведению от пленарного заседания к работе секций конференции, а также применение цифровых сервисов онлайн-площадок. В ходе пленарного заседания в своём выступлении кандидат философских наук, доцент Нижегородской академии МВД РФ Зубкевич Лада Альбертовна затронула проблематику советского и постсоветского в мировоззрении российских бедных. В опубликованной в сборнике материалов конференции статье данного автора им был сделан вывод о том, что в мировоззрении российских бедных присутствуют как минимум три противоречащих друг другу оснований: дореволюционные патриархальные представления, мировоззренческие установки советских людей и современные представления, основанные на западной протестантской идеологии.

В свою очередь доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина Канищев Валерий Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель данной кафедры Кунавин Константин Сергеевич, а также кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина Жиров Николай Анатольевич обратили внимание участников конференции на тему изменения доли мужчин в сельском населении Центра Европейской части СССР в 1930-1980-ые годы.

Эволюции подходов государственной политики в области школьного образования в конце 1920 - начале 1930-х гг. в СССР был посвящён доклад кандидата исторических наук, доцента кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина Некрыловой Ольги Геннадьевны, нашедший своё предметное отражение в сборнике конференции. В нём она указала, что данная эволюция стала логичным результатом процессов, обусловленных как общими закономерностями социально-экономического развития СССР в условиях ускоренной индустриализации, так и особенностями конкретного варианта построения социализма в отдельно взятой стране. При этом особо автор подчеркнул, что изменение подходов к системе образования в начале 1930-х гг. привело к пересмотру отношения и к историческому образованию. Некрылова О. Г. в своей статье прямо указывает на то, что «историческое образование, по мнению руководства СССР должно было сыграть ключевую роль в решении проблем общественного воспитания, а возможности гуманитарных наук было необходимо в полной мере применять для формирования у молодого поколения правильного социального поведения, коммунистического мировоззрения, лояльности и преданности существующему политическому режиму».

В ходе работы пленарного заседания прозвучали и другие доклады его участников.

В соответствии с программой конференции состоялась работа 4 секций. Работа первых трёх секций, выделенных по хронологическому принципу исторических периодов СССР от момента его образования в декабре 1922 года до распада в декабре 1991 года, была нацелена на решение отдельных узких вопросов. В свою очередь, работа участников четвёртой секции была целиком посвящена феномену советской системы образования.

Отметим, что в рамках работы секции № 1 «Советское государство на этапе своего становления» основной массив докладов затронул проблематику взаимоотношений советской власти в период образования СССР с крестьянством и специфику её установления на местах.

Особый интерес вызвал доклад Шадриной Аллы Валерьевны, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Южного научного центра Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону) на тему «Особенности реализации политики СССР в отношении религиозных организаций в Ростовской области: 1922-1991 гг.». В нём автор уделил пристальное внимание анализу обстановки на территории Ростовской области и анализу методике проведения антирелигиозной кампании в отношении местного духовенства. В своей статье, размещённой в сборнике конференции, А. В. Шадрина не только конкретизирует детали вынесенной ей темы на конференцию, но и представляет краткий историографический

обзор по данной проблематике. Участники секции конференции № 2 «СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и первое послевоенное десятилетие» обратили внимание в своих выступлениях на роль советской судебной системы в борьбе с преступностью в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (Лузгина М. И.), изменение социального статуса советской женщины в данный период (Чернышева Н. В.).

Работа участников секции № 3 была сосредоточена в пространстве исследований истории СССР второй половины XX века. Тематика заявленных докладов затронула широкий пласт исторического наследия советской эпохи заявленного периода. Так, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Международного юридического института (г. Москва) Сагателян Гарий Шагенович затронул вопросы изучения участия малых городов России в холодной войне во второй половине XX века. В опубликованной в сборнике статье данного автора указано, что «страницы советской истории, связанные с этим феноменом, продолжают сохранять множество лакун». При этом автор делает вывод о том, что «в послевоенные десятилетия предприятия и организации малых городов, будучи важной составной частью оборонно-промышленного комплекса СССР, сыграли, безусловно, выдающуюся роль в срыве планов нападения США и НАТО на СССР и его союзников, обеспечении мира во всем мире».

В свою очередь доктор исторических наук, профессор кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В. М. Шукшина (г. Бийск) Орлов Дмитрий Сергеевич обратил внимание на вопрос эволюции зернопроизводства Алтайского края во второй половине 1980-х годов. В свете исторической регионалистики автором делается вывод о значимости в освещении данного вопроса анализа динамики производства продукции и государственных закупок ценных сортов пшеницы, развития химизации и внедрения новых агротехнологий на исследуемой им территории.

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиал ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»), г. Таганрог) Гуров Максим Иванович и кандидат исторических наук, доцент Хоруженко Виктория Константиновна затронули в своем выступлении тему феномена «жилищной революции» Н. С. Хрущева. В опубликованной в сборнике конференции статье данные авторы не сомневаются в том, что «плюсы от массового жилищного строительства неоспоримы». Однако они отмечают, что «проблемы, заложенные в этой сфере во второй половине 1950-х – начала 1960-х гг., проявятся позже и лягут на плечи следующих поколений, вынужденных решать практически нерешаемую проблему модернизации т. н. «хрущевок»».

Вопросу исследования влияния войны в Афганистане (1979-1989 гг.) на экономику СССР был посвящён доклад бакалавр 3 курса института истории и культуры Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина Ковтуна Михаила Александровича.

Проблематике изучения регионального аспекта истории представительно – законодательных органов власти (Советов народных депутатов) и их деятельности на местах в период «перестройки» был посвящён доклад кандидата исторических наук, доцента Щукина Дениса Васильевича (г. Елец). В нём, а также и более предметно в своей работе, опубликованной в сборнике конференции, он попытался на основе истории Городского Совета народных депутатов г. Ельца обратить внимание на отражение специфики социально-экономического и общественно-социального развития города русской провинции – г. Ельца в общем пространстве региональной истории Липецкого края за год до распада СССР. Это позволило в свою очередь вынести на обсуждение профессионального сообщества проблематику исторического исследования пространства развития малой России в последние годы уходящей советской эпохи.

Работа секции № 4 была целиком и полностью посвящена советской системе образования в контексте её специфики и проблематики развития. Особое внимание обратили на себя доклады учителей истории и обществознания Аверкиевой А. А. (МБОУ «Малинская

средняя общеобразовательная школа имени П. М. Овсянкина», г. Ступино) на тему «Культурная революция в образовательном пространстве 1920-х гг.» и Платоновой М. Ю. (МБОУ «Лицей им. С. Н. Булгакова» г. Ливны) на тему «История возникновения пионерии в СССР». Они вызвали предметный интерес и активную дискуссию участников конференции в отношении проблематики актуализации идей советской педагогики.

Кроме того, в ходе работы секции детальное обсуждение получило освещение таких вопросов, как образ советского учителя, социальное положение женщин, возможность применения инструментов советской дидактики в системе современных образовательных технологий. Не обошли своим вниманием участники секции и проблему переосмысления опыта советских педагогов-новаторов в контексте его возможного применения в процессе формирования профессиональных компетенций современного учителя.

Традиционным практическим отражением проведённой плодотворной научной работы на рассмотренной конференции стал вышедший по её итогам сборник трудов. Логично будет провести некий общий анализ опубликованных в нём работ, не затрагивая материалы уже выше обозначенных авторов - докладчиков.

Отметим, что данное издание рассчитано не только на историков-специалистов, но и на всех, интересующихся советской историей. Не секрет, что по прошествии уже более 100 лет с момента образования СССР российское общество имеет высокий интеллектуальный запрос на предмет осмысления «советской эпохи» и связанных с ней абсолютно разнополярных тем и сложных вопросов. При этом многие из них по-прежнему вызывают жаркие дискуссии и профессиональные диспуты на предмет поиска точек соприкосновения и равновесия в своих оценках.

Предметная работа по составлению сборника и координации его выпуска в свет была проведена Н. А. Жировым – кандидатом исторических наук, доцентом кафедры истории и историко-культурного наследия ЕГУ имени И.А. Бунина. Большинство материалов сборника посвящены различным аспектам общественно-экономической, социально-политической и военной истории СССР в разные периоды его существования. При этом категории авторов, представленных в сборнике материалов, включили в себя как представителей студенческого, магистерского и аспирантского сообщества, учительского корпуса, так и уже состоявшихся представителей научного пространства России – докторов, кандидатов наук.

Проведённый нами анализ представленных в сборнике конференции материалов позволяет говорить о том, что значительная их часть посвящена двум большим пространствам научных исследований советской эпохи. Это тема Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и тема советского образования.

Первое из озвученных направлений нашло своё отражение в статейных материалах таких авторов, как М. В. Боброва, В. Е. Бредихин, А. В. Ковалёв, И. В. Кравчевский, М. Е. Кузнецов, М. И. Лузгина, А. Б. Оришев, Н. В. Чернышева. Опубликованные материалы данных авторов посвящены разным сторонам тематики Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Так, в своей работе М. В. Боброва затрагивает тему Московской конференции 1943 г., которая, по мнению автора, «позволила не только создать дипломатические органы международного взаимодействия, но и предусматривала новые дипломатические мероприятия, которые были направлены на тесное сотрудничество стран антигитлеровской конференции по проблемам послевоенного устройства».

В. Е. Бредихин в своей работе уделяет внимание социально-политической характеристике корпуса секретарей тыловых первичных организаций ВЛКСМ, отмечая факторы и масштабы его ротации, а также антикризисные меры комсомольского руководства в области кадровой политики. Он делает вывод о противоречивом влиянии войны на качественный состав руководителей первичного звена и несовершенстве механизма их подбора и профессиональной адаптации.

В свою очередь А. В. Ковалёв на материалах писем Н. Н. Финогенова обращает внимание на пространство изучения тыловой повседневности периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. такой разнообразной группы советского общества, которую условно можно, по мнению автора, обозначить как «бывшие» (т. е. представители прежних социальных кругов, которые проявляли некогда враждебность к революции и советской власти).

Особое внимание привлекает статья М. Е. Кузнецова, в которой автором рассматриваются основные направления деятельности политических и военных коллаборационистских объединений в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Автор выделяет варианты коллаборационизма, указывает на то, что «...практически все антикоммунистические и националистические движения в захваченных областях России строго контролировались нацистскими спецслужбами», отмечая при этом, что «все военные формирования, перешедшие на сторону немецких оккупантов, политические партии, союзы, образованные как в Германии, так и на оккупированной территории СССР, никогда не были массовым движением».

В своей статье М. И. Лузгина затрагивает проблемы и новые задачи, которые возникли у советской судебной системы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Она исследует и анализирует примеры из судебной практики, а также принимаемые в заявленный период исследования соответствующие нормативно-правовые акты.

Выпускникам, сотрудникам и преподавателям Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева – Героям Советского Союза посвятил свою работу доктор исторических наук А. Б. Оришев. Представив краткие сведения из их боевой и трудовой биографии, полученные в результате поисковой работы в центральных российских архивах, он показал важность изучения подвигов советских людей для воспитания чувства патриотизма у студенческой молодежи.

Н. В. Чернышева привлекает в своей работе внимание к проблематике изучения голода в тыловых районах РСФСР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Автор обобщает опыт изучения голода военных лет, определяет необходимость использования междисциплинарного подхода к исследованию голода, выделяет проблемы изучения.

Рассмотрев блок работ в вышеобозначенном направлении, уделим внимание научным статьям, посвящённым теме образования периода «советской эпохи». Так, О. В. Клевцова анализирует законодательную систему в области формирования народной системы образования в СССР в 1920-х гг. В статье затрагиваются вопросы реформирования царской системы образования и создания нового типа учебных заведений. Автором делается вывод о том, что советская власть смогла решить вопрос всеобщего бесплатного образования в стране только после стабилизации государственного бюджета.

В свою очередь О. А. Котлярова обращает внимание на опыт и достижения советской педагогики в контексте системно-исторического подхода и предпринимает попытку комплексного осмысления роли советского учительства в процессе формирования личности советского школьника, проведя сравнительный анализ советской и современной концепции образования.

Состояние исторического образования в СССР в период 1960 – 1980-х годов выступило сферой внимания А. А. Кулёва. Он исследует основные этапы реформации и демократизации исторического образования заявленного периода и анализирует специфику структуры исторического образования в советской школе данного времени.

Аналізу специфики влияния исторического образования на формирование идеологического мышления советских школьников в период 1930-х гг. посвятил свою работу Д. И. Микулич. При этом он отдельно рассматривает аспекты влияния партийных организаций на методику преподавания истории в общеобразовательной школе данного времени.

Отметим, что сборник конференции включил материалы и других авторов (Э. В. Гатилов, А. Н. Долгих, А. А. Кривцов, О. А. Кузьмина, В. П. Литвинов, С. В. Лихачев, Р. С. Марков, В. В. Ряполов, К. В. Чиковский, О. А. Ширинских), представляющие свой

персональный интерес для заинтересованных групп читателей. В итоге все участники конференции и авторы опубликованных в сборнике её материалов научных работ сходятся во мнении, что по прошествии 100 лет с момента создания СССР данный период отечественной истории по-прежнему вызывает повышенный интерес со стороны как российского, так и международного сообщества. При этом на сегодняшний день совершенствуются методы и практики исследования этого «историко-культурного феномена», конкретизируется и обновляется историографическая база работ, выходят в свет фундаментальные монографические издания и сборники, в журнальных статьях освещаются историографические и региональные аспекты. Да и в целом, в научном сообществе нет расхождений в отношении необходимости решения актуальной задачи популяризации изучения и осмысления истории СССР и её наследия.

В завершении нашего обзора обозначенного укажем, что редакционная коллегия сборника и авторы размещенных в нем работ оставили публичное пространство открытым для дискуссий о причинах, последствиях и смыслах различных аспектов исторического пространства «советской эпохи». На наш взгляд, это стоит только приветствовать в рамках надежды на новый диалог и плодотворную работу в будущем на благо исторической науки.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Балыкина Мария Игоревна - кандидат исторических наук, доцент Волго-Вятского филиала Московского технического университета связи и информатики; доцент Нижегородского филиала Московского университета им. С. Ю. Витте, Нижний Новгород, Россия, marie.balykina@yandex.ru

Горлов Михаил Иванович – аспирант Московского государственного областного университета, Мытищи, Россия, mgorlov@mail.ru

Гряникова Галина Андреевна – ассистент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, galya9309@mail.ru

Демчик Евгения Валентиновна – доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, demtchikev@mail.ru

Ильин Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, директор Тамбовского филиала РАНХиГС, Тамбов, Россия, ilin@anepa.ru

Канищев Валерий Владимирович - доктор исторических наук, профессор ТГУ им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия, valcan@mail.ru

Каримов Олег Владимирович – кандидат исторических наук, доцент РГУ нефти и газа (НИУ) имени ИМ. Губкина, Москва, Россия, heleg@bk.ru

Коваленко Павел Юрьевич – кандидат педагогических наук, доцент Московского государственного областного университета, Мытищи, Россия, kaf-moidi @mgou.ru

Комаров Виктор Павлович - доцент Московского государственного областного университета, Мытищи, Россия, kaf-moidi @mgou.ru

Кривцов Александр Александрович – аспирант Воронежского государственного педагогического университета, Липецк, Россия, glokave@yandex.ru

Кунавин Константин Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник ТГУ им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия, kunavinks@gmail.com

Лапина Зоя Степановна – кандидат исторических наук, доцент Хабаровской духовной семинарии, Хабаровск; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, Lapshinazoy1@gmail.com

Лихачёв Станислав Валерьевич - заместитель начальника управления Советским округом администрации города Липецка, Липецк, Россия, isv1205@mail.ru

Лузгина Маргарита Игоревна - аспирант Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, Рязань, Москва, Россия, a.agarev@365.rsu.edu.ru

Мауль Виктор Яковлевич – доктор исторических наук, профессор Тюменского индустриального университета, Нижневартовск, Россия, VYMaul@mail.ru

Менщиков Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор Курганского государственного университета, Курган, Россия, vmen1@yandex.ru

Полухин Олег Вячеславович - аспирант Среднерусского института управления – филиал РАНХиГС, Орел, Россия, polukhin_ov@mail.ru

Попова Ольга Дмитриевна – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России, историографии и источниковедения Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, Рязань, Россия, od-popova@mail.ru

Пумпянская Ольга Владимировна - кандидат исторических наук, доцент РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, Москва, Россия, helga80p@gmail.com

Серазетдинов Борис Уразбекович – кандидат исторических наук, доцент Института российской истории РАН, Москва, Россия, sbu54@bk.ru

Федоров Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, Курганского государственного университета, Курган, Россия, serg-georg@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria I. Balykina - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Volga-Vyatka branch of the Moscow Technical University of Communications and Informatics; Associate Professor of the Nizhny Novgorod branch of Witte Moscow University, Nizhny Novgorod, Russia, marie.balykina@yandex.ru

Mikhail I. Gorlov – PhD student, Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia, mgorlov@mail.ru

Galina A. Gryanikova – Assistant Professor, Altai State University, Barnaul, Russia, galya9309@mail.ru

Evgenia V. Demchik – Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State University, Barnaul, Russia, demtchikov@mail.ru

Aleksey Y. Ilyin – Doctor of Historical Sciences, Professor, director of the Tambov branch of the RANEPА, Tambov, Russia, ilin@ranepa.ru

Valery V. Kanishchev - Doctor of Historical Sciences, Professor, Derzhavin TSU, Tambov, Russia, valcan@mail.ru

Pavel Y. Kovalenko – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia, kaf-moidi @mgou.ru

Oleg V. Karimov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia, heleg@bk.ru

Viktor P. Komarov - Associate Professor, Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia, kaf-moidi @mgou.ru

Aleksandr A. Krivtsov – post-graduate student of the Voronezh State Pedagogical University, Lipetsk, Russia, globave@yandex.ru

Konstantin S. Kunavin – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Derzhavin TSU, Tambov, Russia, kunavinks@gmail.com

Zoya S. Lapshina – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Khabarovsk Theological Seminary, Khabarovsk; Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, Lapshinazoy1@gmail.com

Stanislav V. Likhachev - Deputy Head of the Soviet District Administration of the City of Lipetsk, Lipetsk, Russia, isv1205@mail.ru

Margarita I. Luzgina - post-graduate student of the Yesenin Ryazan State University, Moscow, Russia, a.agarev@365.rsu.edu.ru

Oleg V. Polukhin - postgraduate student of the Central Russian Institute of Management - branch of the RANEPА, Orel, Russia, polukhin_ov@mail.ru

Olga D. Popova – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Russian History, Historiography and Source Studies, Yesenin Ryazan State University, Ryazan, Russia, odpopova@mail.ru

Olga V. Pumpyanskaya - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia, helga80p@gmail. honeycomb

Victor Yakovlevich Maul - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Tyumen Industrial University, Nizhnevartovsk, Russia, VYMaul@mail.ru

Vladimir Vladimirovich Menshchikov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Kurgan State University, Kurgan, Russia, vmen1@yandex.ru

Sergey Georgievich Fedorov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kurgan State University, Kurgan, Russia, serg-georg@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Объем статьи не должен быть меньше 15 страниц А4, с текстом, набранным 14 шрифтом. Библиографический список статьи должен содержать не менее 10 позиций (не считая ссылок на архивные фонды).

ТЕКСТ научной статьи следует строго оформлять согласно следующим требованиям:

Текстовый редактор – Microsoft Word.

Формат – А4.

Поля – 2 см со всех сторон.

Шрифт – Times New Roman (при необходимости – другой; если шрифт не входит в список общепринятых, его нужно прислать отдельным файлом).

Размер шрифта – 14.

Межстрочный интервал – 1,5.

Абзац (отступ) – 1,25.

Ориентация – книжная, без простановки страниц, без переносов.

Редактор формул – пакет Microsoft Office (MathType).

Графики, таблицы и рисунки – черно-белые, без цветной заливки, допускается штриховка.

УДК (см., например: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://udkcodes.net>).

Краткая аннотация статьи на русском языке (курсивом). Объем аннотации **не менее 200 слов**. Аннотация должна содержать: актуальность работы, новизну, методы, источниковую базу, результаты (выводы).

Ключевые слова (курсивом, не менее 5-7).

Краткая аннотация статьи на английском языке (курсивом).

Ключевые слова на английском языке.

Фамилия, имя, отчество автора(ов) (жирным шрифтом, курсивом, имя и отчество сокращенно), ниже – город, который представляет автор (курсивом), – по левому краю, строчными буквами.

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Текст статьи – выравнивание по ширине.

ССЫЛКИ в тексте оформляются по следующему образцу: [1, с. 195], [4], [3, с. 20; 7, с. 68], [8, д. 143, л. 8]. Библиография оформляется в соответствии с образцом, который прилагается к данным требованиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ приводится в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В списке источников и литературы указывается издательство и количество страниц. После списка источников и литературы обязательно следует References.

REFERENCES

Список литературы на английском языке (References) – комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок.

Более подробно об оформлении статей можно узнать на сайте: <http://historic-journal.ru/about/for-authors/requirement/>

Дополнительно

Уважаемые авторы! Заявки на публикацию принимаются только по указанному выше адресу электронной почты. Рецензирование научной работы осуществляется редакционной коллегией журнала, которая принимает решение о публикации статьи, внешние рецензии не учитываются. Редакция оставляет за собой право не принимать к рассмотрению статьи авторов, материалы которых неоднократно отклонялись редакционной коллегией. Публикуются только одобренные редакционной коллегией статьи.

Рассылка печатных экземпляров редакцией не осуществляется. Оформить подписку можно в любом отделении «Почты России».

Редакция отдает предпочтение статьям, связанным с историей повседневной жизни, работам, посвященным историко-антропологическим проблемам, микроистории и исторической культурологии.

Научное издание

ИСТОРИЯ: ФАКТЫ И СИМВОЛЫ

№ 1 (30) / Елец, 2022

Литературный редактор, корректор – В. В. Ряполов
Технический редактор – Н. П. Безногих
Техническое исполнение – В. М. Гришин
Дизайн обложки – П. А. Фрольцова (ИАИ РГГУ)

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 10.03.2022
Дата выхода в свет 11.03.2022
Бумага 67,0 п.л. формат А-4. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 4
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1
E-mail: nauka@elsu.ru
Сайт журнала: <http://historic-journal.ru>

Подписной индекс журнала № **64989** в каталоге периодических изданий
органов научно-технической информации агентства «Роспечать»

Подписной индекс журнала № **43281** в объединенном каталоге «Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1